

И. М. ДУНАЕВСКАЯ

ЯЗЫК
ХЕТТСКИХ
ИЕРОГЛИФОВ

К45210

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Т. П. Сердюченко*

Редколлегия

В. М. Солнцев (председатель), *Н. А. Дворянков*, *Н. А. Лисовская* (ученый секретарь), *Ю. Я. Плам*, *Г. Д. Санжеев*

В очерке даны обзор хеттских иероглифических памятников (II и I тысячелетия до н. э.), найденных на территории Турции и Сирии, история дешифровки хеттских иероглифов, характеристика хеттской иероглифики как системы письма и краткая грамматика языка хеттских иероглифов. В приложение включены образцы текстов, полный список знаков, карта находок хеттских иероглифических памятников и др.

7-1-4
191-69

Ирина Михайловна Дунаевская
ЯЗЫК ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения

Редактор *Е. А. Поцелуевский*. Технический редактор *Л. Ш. Берславская*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 3/VI 1968 г. Подписано к печати 14/IV 1969 г.

А-02370 Формат 60×90¹/₁₆ Печ. л. 7,5 Уч.-изд., л. 7,17

Тираж 1700 экз. Изд. № 2062 Зак. № 849. Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

После смерти Г. П. Сердюченко публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга лингвистов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н. В., *Амхарский язык.*

1960 г.

Андронов М. С., *Тамильский язык.*

Дворянков Н. А., *Язык пушту.*

Дмитриев Н. К., *Турецкий язык.*

Дорофеева Л. Н., *Язык фарси-кабули.*

Зограф Г. А., *Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.*

Иванов В. В., Топоров В. Н., *Санскрит.*

Катенина Т. Е., *Язык хинди.*

Мазур Ю. Н., *Корейский язык.*

Мячина Е. Н., *Язык суахили.*

Наджиб Э. Н., *Современный уйгурский язык.*

Насилов В. Н., *Язык орхоно-енисейских памятников.*

Петруничева З. Н., *Язык телугу.*

Рубинчик Ю. А., *Современный персидский язык.*

Санжеев Г. Д., *Современный монгольский язык.*

Смирнова М. А., *Язык хауса.*

Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И., *Вьетнамский язык.*
Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., *Индонезийский язык.*
Тодаева Б. Х., *Монгольские языки и диалекты Китая.*
Толстая Н. И., *Язык панджаби.*
Фельдман Н. И., *Японский язык.*
Фролова В. А., *Белуджский язык.*

1961 г.

Бабакаев В. Д., *Ассамский язык.*
Горгониев Ю. А., *Кхмерский язык.*
Коростовцев М. А., *Египетский язык.*
Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П.,
Солнцев В. М., *Китайский язык.*
Курдоев К. К., *Курдский язык.*
Охотина Н. В., *Язык зулу.*
Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф., *Тайский язык.*
Рерих Ю. Н., *Тибетский язык.*
Секхар Ч., Глазов Ю. Я., *Язык малаялам.*
Сердюченко Г. П., *Чжуанский язык.*
Теселкин А. С., *Яванский язык.*
Шарбатов Г. Ш., *Современный арабский язык.*
Яковлева И. П., *Язык ганда (луганда).*

1962 г.

Андронов М. С., *Язык каннада.*
Дымшиц З. М., *Язык урду.*
Соколов С. Н., *Авестийский язык.*

1963 г.

Аракин В. Д., *Мальгашский язык.*
Завадовский Ю. Н., *Арабские диалекты Магриба.*
Иванов В. В., *Хеттский язык.*
Катенина Т. Е., *Язык маратхи.*
Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова И. М., *Бирманский язык.*
Насилов В. М., *Древнеуйгурский язык.*
Оранский И. М., *Иранские языки.*
Пашков Б. К., *Маньчжурский язык.*
Тенишев Э. Р., *Саларский язык.*
Теселкин А. С., *Древнеяванский язык (кави).*
Шифман И. Ш., *Финикийский язык.*
Яковлева В. К., *Язык йоруба.*

1964 г.

Вентцель Т. В., *Цыганский язык (севернорусский диалект).*
Выхухолев В. В., *Сингальский язык.*

Еланская А. И., *Коптский язык*.
Карпушкин Б. М., *Язык ория*.
Липин А. А., *Аккадский язык*.
Меликишвили Г. А., *Урартский язык*.
Санжеев Г. Д., *Старописьменный монгольский язык*.
Токарская В. П., *Язык малинке (мандинго)*.
Церетели К. Г., *Современный ассирийский язык*.

1965 г.

Андронов М. С., *Дравидийские языки*.
Аракин В. Д., *Индонезийские языки*.
Герценберг Л. Г., *Хотаносакский язык*.
Дьяконов И. М., *Семитохамитские языки*.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., *Язык пали*.
Ефимов В. А., *Язык афганских хазара (якаулангский диалект)*.
Королев Н. И., *Язык непали*.
Павленко А. П., *Сунданский язык*.
Савельева Л. В., *Язык гуджарати*.
Сегерт Ст., *Угаритский язык*.
Эдельман Д. И., *Дардские языки*.
Юань Цзя-хуа, *Диалекты китайского языка*.
Яхонтов С. Е., *Древнекитайский язык*.

1966 г.

Бауэр Г. М., *Язык южноаравийской письменности*.
Быкова Е. М., *Бенгальский язык*.
Егорова Р. П., *Язык синдхи*.
Крус М., Шкарбан Л. И., *Тагальский язык*.
Расторгуева В. С., *Среднеперсидский язык*.
Тенишев Э. Р., Тодаева Т. Х., *Язык желтых уйгуров*.

1967 г.

Завадовский Ю. Н., *Берберский язык*.
Крупа В., *Язык маори*.
Старинин В. П., *Эфиопский язык*.
Шеворошкин В. В., *Лидийский язык*.

1968 г.

Кямилев С., *Марокканский диалект арабского языка*.
Пузицкий Е. В., *Качинский язык (язык чжинпхо)*.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, центр, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ОТ АВТОРА

На территории современных Турции и Сирии, начиная со второй половины прошлого века, путешественники и археологи находили и продолжают находить памятники особой иероглифической письменности — надписи и печати. Находки в Турции датируются II и I тысячелетиями до н. э., а находки в Сирии — первыми тремя веками I тысячелетия до н. э.

В настоящее время эти так называемые хеттские иероглифы дешифрованы, и иероглифические надписи I тысячелетия до н. э. в основном читаются. Язык их принадлежит наряду с хеттским-клинописным (неситским), лувийским-клинописным и палайским, а также языками, известными по памятникам I тысячелетия до н. э. (ликийским, лидийским, возможно карийским) и по ономастике того же времени, к анатолийской (иначе хеттской, или хетто-лувийской) группе индоевропейских языков, но в пределах этой группы он ближе к лувийскому, чем к хеттскому, являясь одним из лувийских диалектов.

Иероглифические тексты II тысячелетия до н. э. пока не поддаются чтению, кроме некоторых надписей на печатях, но последние не позволяют с достаточной определенностью судить о языке. Однако есть основания думать, что это был в основных чертах тот же язык, что и в I тысячелетии до н. э.

Настоящая книга представляет собой краткую сводку данных, добытых ценою без малого ста лет напряженного труда многих ученых, собиравших и издававших иероглифические памятники Малой Азии и Сирии, дешифровавших иероглифическую письменность, определивших строй языка, фиксируемого этой письменностью, и выяснивших, в той мере, в которой это пока оказалось возможным, его фонетику, лексический состав и грамматику. Так как автор ставит перед собой задачу сообщить именно те данные о языке, которые могут быть извлечены из самих хеттских иероглифических памятников, то элементы сравнения с другими хетто-лувийскими (анатолийскими) языками присутствуют лишь в самых необходимых случаях, при этом преимущественно привлекаются данные языков II тысячелетия до н. э., т. е. хеттского-неситского, лувийского и палайского, и в отдельных случаях и ликийского I тысячелетия до н. э., а данные топониматики Малой Азии не привлекаются вовсе.

Автор благодарит И. М. Дьяконова, В. В. Шеворошкина и В. А. Лившица, взявших на себя труд прочесть рукопись книги и сделавших ряд ценных замечаний.

І. ВВЕДЕНИЕ

Язык, о котором здесь пойдет речь, принято называть языком хеттских иероглифов, или хеттским-иероглифическим. Этот термин настолько укоренился, что его продолжают придерживаться, пренебрегая его неточностью, хотя в последнее время применяется также обозначение «лувийский-иероглифический».

Термины «хетты», «хеттская культура», «Хеттское царство» в XIX в. связывались в науке с определенным типом памятников — иероглифическими надписями на камнях и печатях, а также рельефами, как имеющими, так и не имеющими иероглифические надписи. История этого вопроса следующая.

Вначале такие памятники были найдены в Северной Сирии. Первая находка камня с невиданными до тех пор, не похожими на египетские, письменными знаками рисуночного характера была сделана в 1812 г. швейцарским путешественником Л. Буркхардтом, который видел этот камень в стене базара в сирийском городе Хама. Однако уровень знаний о Древнем Востоке был тогда таков, что находка эта никого не заинтересовала.

Спустя шестьдесят лет американцы Джонсон и Джессеп нашли этот камень на том же месте. Кроме того, им стало известно о других подобных камнях с надписями в ряде населенных пунктов Северной Сирии (местные жители полагали, что они обладают магической силой излечивать различные недуги). В 1872 г. ирландский миссионер в Дамаске У. Райт сделал гипсовые слепки с этих камней, сами же камни были вывезены турецкими властями в музей в Стамбуле. Так северносирийская иероглифическая письменность стала предметом изучения.

Естественно, что сразу же возник вопрос о принадлежности новонайденных памятников культуры, которые резко отличались от памятников культуры Египта, с одной стороны, и Вавилонии и Ассирии — с другой. Между тем в ставших незадолго до этого доступными для чтения египетских иероглифических и ассиро-вавилонских (аккадских) клинописных источниках говорилось о том, что в Северной Сирии II тысячелетия до н. э. жили хетты (по-египетски *ḥt*?, по-аккадски *ḥatti*), и упоминались страны и города хеттов, расположенные

в Северной Сирии, с которыми египтяне и ассирийцы находились иногда в мирных, чаще во враждебных отношениях. Египетские источники говорили о царстве ḥt; как о великом царстве, соперничавшем с царством фараонов. В Библии есть также несколько упоминаний о хеттах (по-еврейски бәпә Нēt, hittim) как о коренном населении Сирии; в частности, во II Книге царей (IV Книге царств) 7:6 хеттские цари названы рядом с царями египетскими¹.

Все это дало основание Райту считать новонайденные памятники именно хеттскими и отбросить мысль об их связи с каким-либо из десятков других древних этнонимов Сирии.

Английский ученый А. Г. Сэйс независимо от Райта тоже возвел северносирийские иероглифические памятники к хеттам. Кроме того, он обратил внимание на то, что памятники того же характера были еще раньше найдены в различных районах Малой Азии, на юго-востоке — в Мараше и Булгармадене, в центре — в Гявуркале, вблизи Анкары, а также во Фрактине, Аладжахююке, Богазкёе и в Язылыкая, на западе — в Карабеле, вблизи Измира. Сэйс высказал соображение, что родиной хеттов следует считать не Северную Сирию, а Каппадокию в Малой Азии, влияние же хеттов распространялось от Эгейского моря до верховьев Евфрата и Оронта, так что, наряду с Египтом и Ассирией, страна хеттов была третьей могущественнейшей державой Древнего Востока. Эта точка зрения, хотя и имела отдельных противников, получила широкое признание, и термин «хетты» и связанные с ним термины «хеттское искусство», «хеттская культура», «Хеттское царство» прочно укоренились в науке. Соответственно, иероглифы и язык, на котором ими писали, стали называться «хеттскими».

Спустя несколько лет в научный обиход вошел архив из Эль-Амарны (на восточном берегу Нила, в 300 км к югу от Каира), содержащий дипломатическую переписку фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона) на аккадском языке. Эта переписка подтвердила, что Хеттское царство середины XIV в. было могущественным государством с центром в Малой Азии и значительной территорией, включавшей также и Северную Сирию.

Довольно долго дешифровка хеттских иероглифов рассматривалась как одна из центральных проблем изучения Древнего Востока, так как полагали, что хеттские иероглифические памятники содержат столь же ценный материал о хет-

¹ Теперь мы можем догадаться, что под упоминаемым однажды в «Одиссее» XI, 521 народом Ketaioi, живущим в Анатолии, подразумевались хетты, но так как в эпосе не сообщается о них ничего определенного и не указывается, в какой части Анатолии они жили, то это упоминание самостоятельной ценности не представляет.

тах, как египетские — о Египте и ассиро-вавилонские — о Вавилонии и Ассирии, и что именно хеттские иероглифические памятники позволят получить сведения об исторических судьбах страны, являющейся как бы мостом между Эгейским миром и древней Передней Азией. Но успехи в деле дешифровки отнюдь не соответствовали затрачивавшимся усилиям. Когда же в 1906 и 1907 гг. в ходе раскопок в Богазкёе, в 150 км к востоку от Анкары, была обнаружена столица Хеттского царства — Хаттуса и найдены не иероглифические, а клинописные архивы хеттских царей XIII в. до н. э., содержавшие, наряду с дипломатической перепиской и различными другими документами на аккадском языке, огромную массу хеттских клинописных документов, то ученые, естественно, перенесли свои надежды и усилия на них.

Хеттская клинопись не требовала дешифровки, это была северносирийская разновидность уже известной вавилонской клинописи, использованная для языка центральной части Хеттского царства и царской канцелярии. Язык этот, в отличие от языка хеттских иероглифов, получил тогда в науке название «хеттского-клинописного», а затем просто «хеттского». Чешский ученый Б. Грозный уже в 1915 г. смог доложить о полном успехе в деле интерпретации этого новонайденного языка, который по своему строю оказался индоевропейским. Вскоре, в 1922 г., Грозным были успешно переведены законы на этом языке и отрывки из анналов хеттских царей.

В сообщении, сделанном в 1919 г., швейцарский исследователь Э. Ю. Форрер показал, что богазкёйский архив содержит памятники на восьми языках, в том числе, кроме аккадского и «хеттского-клинописного» (который сами хетты называли неситским), оказались засвидетельствованными два родственных хеттскому-неситскому индоевропейских языка — лувийский и палайский, и два стоящих особняком. Один из этих последних² и был, собственно, тем языком, к которому относился древний термин *hatti*; но так как к моменту его обнаружения в науке уже прочно укоренилось обыкновение называть «хеттским» основной язык богазкёйского архива — индоевропейский хеттский-неситский («хеттский-клинописный»), а также еще и язык иероглифических надписей Малой Азии и Сирии, то для новонайденного языка пришлось применить иное название; обычно он называется хаттским (иногда неточно его называют протохеттским). Хаттский предшествовал индоевропейским языкам на территории Малой Азии и

² Другим неиндоевропейским языком богазкёйского архива был хурритский, имевший важное культурное значение в Передней Азии II тысячелетия до н. э. Кроме того, хеттские писцы Богазкёя были знакомы с шумерским языком. Восьмым языком богазкёйского архива Форрер считал язык иероглифов, засвидетельствованный в Богазкёе только на печатях.

длительное время сосуществовал с ними, а затем был ими вытеснен, и ко времени сложения богазкёйского архива был мертвым, во всяком случае в центральной части Малой Азии.

Хотя, таким образом, термины «хеттский-клинописный» и «хеттский-иероглифический» применяются к основному языку клинописного богазкёйского архива и к языку иероглифических надписей Малой Азии и Сирии по существу неправильно, однако такое употребление этих терминов оправдывается тем, что само царство, столицей которого был Богазкёй, действительно называлось в древности Хеттским; точно так же хеттскими назывались и те маленькие царства Малой Азии и Сирии, в которых в I тысячелетии до н. э. применялась так называемая «хеттская иероглифика».

Следовательно, гипотеза А. Г. Сэйса о том, что центр Хеттского царства следует искать в восточной части полуострова Малая Азия (Каппадокии), подтвердилась. Но уточнение ряда понятий, в частности знакомство не с одним, а с несколькими языками хеттов, привело к изменению содержания применяемых в науке терминов: «хеттскими», в соответствии со словоупотреблением самих древних, продолжают называть царство, сложившееся в восточной части Малой Азии во II тысячелетии до н. э., и его культуру, независимо от того, на каком языке говорили в той или иной части этой державы; что касается языка, то хотя по праву «хеттским» должен был бы называться неиндоевропейский язык древнейших жителей Каппадокии, но по научной традиции и в соответствии с названием самого царства так называют в науке официальный язык Хеттской державы, который сами хетты называли неситским. Иероглифическая письменность древних надписей Малой Азии и Сирии также относится к области хеттской культуры в широком понимании этого термина, и употреблялась она в областях, которые в древности тоже обычно назывались хеттскими; поэтому и применительно к этой письменности употребление обозначения «хеттская иероглифика» является правомерным. Древнее название языка этой письменности остается нам неизвестным, поэтому он условно обозначается как «хеттский-иероглифический» по письменности, которой пользовались для его передачи. Но пользоваться этим получившим широкое распространение термином можно, конечно, только совершенно условно; в частности, теперь ясно, что из индоевропейских языков хетто-лувийской (анатолийской) ветви, распространенных в области хеттской культуры, язык иероглифической письменности ближе не к хеттскому-клинописному (неситскому), а к лувийскому, и даже может рассматриваться как один из его диалектов, хотя пока ни из чего не видно, что сами древние отождествляли его с лувийским. Термин «хеттский-иероглифический язык» нельзя признать

удачным еще и потому, что иероглифический характер носит, разумеется, не язык, а письменность. Осторожнее называть его «языком хеттских иероглифов» — это во всяком случае будет правильно, так как сама иероглифика безусловно относится к области хеттской культуры³. Однако любое обозначение этого языка в настоящее время может быть только условным.

После установления индоевропейского характера хеттского языка и факта существования на территории Малой Азии до индоевропейских языков языка хаттского, Малую Азию и, в частности, Каппадокию уже нельзя стало считать родиной хеттов. Каппадокия была лишь районом преимущественного расселения хеттов к началу исторического периода в Малой Азии (II тысячелетие до н. э.), так же как районом преимущественного расселения лувийцев были, по-видимому, юг и юго-восток Малой Азии (по мнению некоторых ученых, юго-запад), а палайцев — северо-восток (по-видимому, верховья рек Кызыл-Ирмак, Ешил-Ирмак и Чорух).

О времени и пути прихода носителей индоевропейских языков в Малую Азию до сих пор существуют разные точки зрения. Одни датируют этот приход концом III — началом II тысячелетия до н. э., другие считают, что он осуществился в начале III тысячелетия до н. э. (но по соображениям, связанным с историей индоевропейской семьи языков, — вряд ли раньше). Во всяком случае, в двуязычных хаттско-хеттских культовых текстах и хаттская, и хеттская (неситская) версии переписаны явно механически, без понимания хаттского текста и без заботы о соответствии ему хеттского перевода, что свидетельствует о том, что к середине II тысячелетия до н. э. хаттский язык практически был уже забыт; с другой стороны, хеттские заимствования в языке документов староассирийских торговых колоний XIX в. до н. э. в Каппадокии, а также значительное количество хеттских имен собственных говорят о прочном укоренении хеттского языка среди местного населения уже в конце III тысячелетия до н. э.

Считается, что в пользу теории о появлении в Малой Азии племен, говоривших на индоевропейском языке, задолго до древнейших документов богазкёйского архива, свидетельствуют лексические заимствования из хаттского в хеттский и фонетические изменения, происшедшие в хеттском языке, возможно, под влиянием хаттского субстрата, в частности, реконструируемое рядом ученых передвижение согласных, анало-

³ Еще осторожнее было бы говорить о «языке хеттских иероглифов I тысячелетия до н. э.», так как существует мнение, что во II тысячелетии до н. э. иероглификой передавался не этот, а какой-то другой язык. Однако, как будет видно ниже, все же вероятно, что это был тот же язык.

гичное передвижению согласных в армянском языке и в языках германских. Такие явления предполагают длительный, охватывающий, вероятно, не менее нескольких веков период хаттско-хеттского взаимодействия, в течение которого хаттский был вытеснен, а хеттский претерпел определенные изменения (факт медлительности языкового развития известен, а применительно к хеттскому он подтверждается тем, как незначительны изменения, которые произошли на протяжении следующих нескольких столетий, уже засвидетельствованных письменными памятниками).

Так или иначе, сложение хеттской народности в результате ассимиляции местного хаттского населения постепенно просачивавшимися в Малую Азию индоевропейскими (по языку) племенами к началу исторического периода, т. е. ко времени, засвидетельствованному письменными памятниками (XIX—XVIII вв. до н. э.), уже завершилось, и мы не находим в хеттских текстах каких-либо свидетельств о существовании в центральной части полуострова неиндоевропейских по языку групп населения; традиция сохранила лишь память о том, что языком столицы царства — Хаттусы, или Хатти (совр. Богазкёй), когда-то был хаттский. Пришлые племена полностью слились с коренным населением, а язык коренного населения уступил место новому, индоевропейскому языку, как полагают, оказав на него влияние в ряде отношений (фонетика, лексика и, в известной мере, морфология).

Следует также отметить, что у хеттов во II тысячелетии до н. э. не сохранилось никаких воспоминаний о переселении индоевропейских племен в Малую Азию.

То обстоятельство, что в сравнительно хорошо археологически обследованной Малой Азии прослеживается непрерывная преемственность культурных традиций от III тысячелетия до н. э. ко II тысячелетию и не обнаружен археологический материал, который бы свидетельствовал о смене одних племен другими, опять-таки подтверждает, что смены этой как таковой не было, а происходило длительное и постепенное проникновение пришлых индоевропейских племен и их ассимиляция местным хаттским населением.

Установленная на основании археологических данных непрерывность развития хеттской культуры, начиная с III тысячелетия, по-видимому, не нарушается фактом появления в конце III тысячелетия полихромной, так называемой каппадокийской керамики, так как, будучи распространена в довольно ограниченной области малоазийского плоскогорья, полихромная керамика не приходит на смену монохромной, а сосуществует с ней.

Отсутствие бесспорных данных приводит к тому, что не только время появления носителей индоевропейских языков

в Малой Азии вызывает разногласия едва ли не на целое тысячелетие, но и путь их прихода до сих пор остается дискуссионным.

Обсуждаются две возможности: путь из Северного Причерноморья через Кавказский хребет и далее между Черным и Каспийским морями, и путь с Балканского полуострова через Босфор и Дарданеллы. В пользу северо-восточного пути выдвигаются соображения, связанные с заимствованием хеттами вавилонского варианта клинописи и некоторых особенностей культуры вавилонского происхождения (например, ряда специфических черт вавилонского учения о гаданиях), а также упоминания о выходе солнечного божества из-за моря, возможно, содержащиеся в одной хеттской и в одной палайской молитве, — полагают, что это косвенное свидетельство того, что хетты некогда жили на западном побережье Каспийского моря; кроме того, ссылаются и на то обстоятельство, что жители восточных городов Хеттского царства искони не несли повинностей, что могло быть связано с их более ранним приходом в Малую Азию; не последнюю роль играют здесь и доводы чисто лингвистического порядка. Некоторые исследователи считают, что такие общие для строя армянского и хетто-лувийских языков черты, как полное отсутствие дифференциации по грамматическому роду в армянском и дифференциация только двух родов в хетто-лувийской группе, а также утрата степеней сравнения и там и тут, свидетельствуют о том, что носители хетто-лувийских языков, прежде чем переселиться в Малую Азию, длительное время обитали на Кавказе. Полагают, что именно влияние кавказского языкового субстрата вызвало в хетто-лувийских языках и много позже в армянском аналогичные изменения.

Однако сторонники северо-западного пути отмечают, что заимствование письменности и других особенностей культуры движущимися племенными массами, прежде чем они перешли к оседлости и поднялись до уровня государственности, маловероятно, а морское побережье, на котором якобы некогда жили хетты, может быть и западным побережьем Черного моря или просто берегом большого озера. Против восточного пути выдвигаются также соображения географического порядка: судя по лингвистическим данным, мигрировавшие в Малую Азию индоевропейские племена были скотоводческими и поэтому вряд ли могли пробиться сквозь густой субтропический лес, покрывавший черноморские склоны Кавказских гор до самой береговой полосы, узкой и каменистой, или через труднодоступные перевалы Большого Кавказа (верховая езда еще не применялась, а кочующие скотоводческие массы были обременены многочисленными тяжелыми примитивными повозками, колесницами и обозами с женщинами и детьми);

если же переселявшиеся племена воспользовались бы удобной для передвижения с северо-востока холмисто-степной полосой Прикаспия, то они скорее всего задержались бы в Азербайджане или Иране и не попали бы в Малую Азию.

Что касается лингвистических соображений в пользу северо-восточного пути, то факты, на которые они опираются, могут иметь и другое объяснение: аналитические средства выражения степени качества вообще появляются очень рано и совершенно независимо в разных языках; если же говорить о стирании противопоставления по грамматическому роду как следствию воздействия субстрата, то нет необходимости реконструировать для армянского и хетто-лувийских языков общий субстрат на Кавказе, так как в одинаковом направлении мог подействовать разный, но в чем-то сходный субстрат, в частности, хуррито-урартский субстрат армянского в районе Армянского нагорья и хаттский субстрат хетто-лувийских языков в Малой Азии (дифференциация по грамматическому роду отсутствовала как в хуррито-урартском, так и в хаттском).

В защиту северо-западного пути выдвигаются изменения в малоазийских археологических культурах последней четверти III тысячелетия до н. э. — возникновение Трои VI на развалинах менее важных поселений, восходивших к периоду расцвета Трои в начале III тысячелетия до н. э., и появление культуры «каппадокийской» керамики на развалинах культуры раннего бронзового века. Но эти данные, в частности вопрос о «каппадокийской» керамике, могут, как говорилось выше, иметь и другое истолкование, а отождествление этноса с определенной археологической культурой — дело чрезвычайно рискованное. Новым доводом в пользу западного пути могли бы служить выдвинутые недавно В. В. Шеворошкиным соображения о принадлежности карийского языка, существовавшего в I тысячелетии до н. э. на юго-западе Малой Азии, к группе хетто-лувийских языков, так как в соответствии с античной традицией кары пришли в Малую Азию с островов Эгейского моря.

Поскольку прямые данные о времени и пути проникновения индоевропейцев в Малую Азию отсутствуют, то неясна и последовательность, в которой носители отдельных хетто-лувийских языков пришли в Малую Азию⁴ (возможно также,

⁴ Еще прежде чем науке стал доступен материал хетто-лувийских языков, П. Кречмер (1896) определил как догреческие топонимические названия с суффиксами -ss- и -nd-/nth-, распространенные от Греции (например, Parnassos, Briletos, Gargettos, Korinthos, Probalinthos) до восточной Малой Азии (например, Zippalanta, Purushanta, Milawanta; Tattassa, Targuntassa, Parnassa). В дальнейшем, на основании выявления этих суффиксов в лувийском (-anta- и -ssa-), Э. Форрер (1921) пришел к выводу о том, что лувийцы переселились в Малую Азию с запада примерно за тысячу лет

что в Малую Азию пришли носители общеанатолийского языка, из диалектов которого уже здесь возникли впоследствии отдельные анатолийские языки). Если для хеттского и палайского бесспорно длительное сосуществование с хаттским, для палайского даже более длительное, чем для хеттского, то о характере взаимодействия лувийского и хеттского-иероглифического с местным языковым субстратом достаточных данных пока нет; вероятно, этим субстратом был тот же хаттский или же диалект хаттского, отличный от тех, которые предшествовали хеттскому-неситскому и палайскому, но не исключаются и другие возможности.

Ряд трудностей возникает также при определении времени создания хеттской иероглифической письменности, степени самостоятельности ее возникновения, народа, ее создавшего, языка, для которого она была создана, и языка, для которого ею пользовались в дальнейшем⁵, а также характера сосуществования хеттской иероглифики с хеттской клинописью и причин, по которым хеттская иероглифика почти на полтысячелетия пережила хеттскую клинопись.

до хеттов. Наконец, Х. Т. Боссерт (1946) перенес все известное о лувийском на хеттский-иероглифический и стал рассматривать носителей именно этого языка как первых индоевропейских поселенцев в Малой Азии. Однако оснований для такого отождествления и столь далеко идущих выводов из него пока нет.

«Лувийский» топонимический и ономастический материал на территории Греции, юга Балканского полуострова и западной части Малой Азии, собранный и с особой тщательностью проанализированный в ряде работ последних лет, не может сравниться чисто количественно с лувийской топонимикой и ономастикой в Малой Азии II и I тысячелетий до н. э.; к тому же он не поддается точной датировке и может относиться ко времени до расселения лувийцев (и хеттов) в Малой Азии. В этом случае этот материал можно рассматривать как подтверждающий теорию западного пути проникновения носителей хетто-лувийских диалектов в Анатолию (существует также и противоположная точка зрения — ее сторонники рассматривают этот материал как свидетельство прихода племен, говоривших на хетто-лувийских диалектах, из Малой Азии на юго-восток материковой Греции, Крит и другие Эгейские острова задолго до так называемых «пеласгов»).

Как бы то ни было, пока нет оснований утверждать, что лувийский язык или язык, известный нам из хеттских иероглифических памятников, были в какой-либо период распространены одновременно на территории, охватывающей как весь Эгейский мир, вплоть до Греции, так и Малую Азию.

⁵ Есть точка зрения, что хеттская иероглифика возникла и существовала во II тысячелетии до н. э. как письменность хеттского-неситского языка и лишь позже, в I тысячелетии до н. э., была применена для лувийского.

II. ИСТОЧНИКИ

ВРЕМЯ И ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. ХАРАКТЕР ИХ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ С КЛИНОПИСЬЮ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Дошедшие до нас письменные памятники анатолийских, или хетто-лувийских языков относятся к периоду от середины II тысячелетия до конца I тысячелетия до н. э. Существование этих же или близких им языков на той же территории в более раннее время, в начале II тысячелетия до н. э., подтверждается письменными материалами торговых поселений ассирийских и аморейских купцов при малоазийских городах (совр. Кюльтепе, Алишар, Богазкёй). Из архивов этих поселений сохранилось несколько тысяч глиняных таблечек, названных их первооткрывателями «каппадокийскими». Каппадокийские таблечки составлены на староассирийском диалекте аккадского языка, зафиксированного при помощи староассирийского варианта аккадской клинописи. Содержащаяся в них ономастика и топонимика, а также слова, заимствованные из местных языков, позволяют сделать вывод, что население Малой Азии этого времени говорило частью на индоевропейских, частью на неиндоевропейских языках, причем последние, в отличие от староассирийского диалекта, не были семитскими.

С середины II тысячелетия до н. э. по 1200 г. до н. э. нам известны как клинописные, так и иероглифические памятники, принадлежащие хеттам.

Памятники хеттской клинописи, т. е. используемой в Малой Азии II тысячелетия до н. э. разновидности старовавилонского варианта аккадской клинописи⁶, являются единственным источником наших сведений о хеттском-неситском и палайском языках, а также о лувийском языке этого периода; следует подчеркнуть, что ни хатты, ни палайцы, ни лувийцы собственной клинописной традиции не имели, так что, когда мы говорим о лувийском-клинописном языке, то подразумеваем язык определенной части клинописных текстов, составленных

⁶ Старовавилонский вариант аккадской клинописи отличается от староассирийского почерком и некоторыми особенностями орфографии.

в хеттской царской канцелярии хеттскими писцами (в основном в культовых целях) и сохранившихся в хеттском богазкёйском архиве.

Памятники хеттской иереоглифики II тысячелетия до н. э., кроме имен собственных на печатях, пока не читаются, и вопрос о том, на каком языке они написаны, является спорным (см. ниже).

В так называемое «позднешеттское» время, наступившее после падения Хеттского царства, около 1200 г. до н. э., иереоглифика стала единственной письменностью населения центральной и юго-восточной Малой Азии и некоторых частей Сирии. Язык хеттских иереоглифических надписей этого периода представляет собой диалект, близкий лувийскому-клинописному.

Существование хеттской иереоглифики прекратилось в связи с завоеванием позднешеттских государств Ассирией в конце VII в. до н. э. Однако эпиграфические памятники, написанные различными алфавитами греческого происхождения, продолжают сообщать нам тексты на хетто-лувийских языках середины и конца I тысячелетия до н. э. — лидийском, карийском и ликийском; из них ликийский близок лувийскому и, возможно, представляет собой, подобно хеттскому-иереоглифическому, позднейшее развитие одного из лувийских диалектов (возможно, что к позднелувийским языкам или диалектам, кроме ликийского, могут быть отнесены и другие языки южной части Малой Азии — псидийский, исаврийский, ликаонский, сидетский и др., засвидетельствованные, кроме сидетского, только топонимикой и ономастикой).

Наиболее древние из дошедших до нас памятников хеттской иереоглифики и клинописных памятников на хеттском-неситском языке, как уже было сказано, относятся к XV в. до н. э., причем хеттские иереоглифы на печатях датируются несколько более ранним временем, чем древнейшие из сохранившихся хеттских клинописных текстов, а те, в свою очередь, древнее первых известных нам связанных хеттских-иереоглифических текстов, которые восходят к XIV в. до н. э. Вместе с тем следует учесть, что клинописный памятник на хеттском-неситском языке, содержащий описание походов царя Анитты и датируемый XIV в. до н. э., представляет собой список текста, составленного, судя по особенностям языка, значительно раньше, по всей вероятности еще в XIX—XVIII в. до н. э., т. е. в эпоху существования староассирийских торговых поселений в Малой Азии; не исключено, что первоначальная версия этого текста была записана при помощи староассирийского варианта клинописной графики, а не старовавилонского (северносирийского), которым в дальнейшем писали по-хеттски (сохранились письма царей и краткие надписи на предметах, свидетельствующие об употреблении староассирийского диа-

лекта и староассирийской клинописи при дворе Анитты, а также других хеттских властителей этой поры). Но и легенды на хеттских иероглифических печатях начала XV в. до н. э., судя по хорошо развитой форме знаков, уже не представляют самой ранней ступени этого письма.

Обе письменности хеттов, иероглифика и клинопись, существуют до конца XII в. до н. э., т. е. на протяжении не менее трех веков. Возникает вопрос, фиксируют они в это время один и тот же язык — хеттский-неситский, или же иероглифика и во II тысячелетии до н. э. употреблялась так же, как и в I тысячелетии до н. э., — для языка, близкого лувийскому-клинописному? Связные хеттские-иероглифические тексты II тысячелетия до н. э. пока не дают ответа на этот вопрос, так как их фонетическое чтение из-за большого количества логограмм⁷ чрезвычайно затруднено, а иероглифические написания имен собственных на печатях не могут позволить судить с достаточной определенностью о языке, к которому они относятся.

Найти решение интересующей нас проблемы пытались косвенным путем, в связи с рассмотрением отстаивавшейся в свое время Х. Т. Боссертом и некоторыми другими хеттологами гипотезы, согласно которой хеттский-неситский язык во II тысячелетии до н. э. был уже мертв и употреблялся только как язык царской канцелярии и литературный язык, а разговорным языком Хеттского царства был повсеместно лувийский.

В настоящее время эта гипотеза опровергнута с двух сторон — с хеттской-неситской и с лувийской. Исследования хеттских клинописных памятников показали, что язык их до середины XIV в. до н. э. был совершенно свободен от лувийских заимствований, а стиль хеттских-неситских текстов отличается такой живостью и непосредственностью, что нет никаких оснований сомневаться в широком распространении хеттского-неситского как разговорного языка Хеттского царства, тем более, что и в середине XIII в. до н. э., при Хаттусили III, на хеттском-неситском языке продолжали писать, помимо официальных документов, также мифологические и ритуальные тексты и прорицания оракулов; мало того, табличка из Рас-Шамры (древний Угарит), датируемая правлением Хаттусили III или Тутхалии IV, т. е. второй половиной XIII в. до н. э. и представляющая собой единственный дошедший до нас хеттский частноправовой документ, составлена на чистом хеттском-неситском языке, без каких-либо погрешностей.

С другой стороны, более тщательное рассмотрение лувий-

⁷ Логограмма — рисуночный или восходящий к рисунку знак письменности, обозначающий слово, но не передающий его звучание; подробнее см. ниже, стр. 41—42, 51—53.

ских материалов позволило уточнить представление о территории и времени распространения лувийского языка (точнее, группы лувийских диалектов). «Лувия» (Luia) и «по-лувийски» (lu(w)ili) — термины собственно хеттские. Под Лувией в конце XV — начале XIV в. до н. э. хетты-неситы понимали одну из трех областей, входивших в Хеттское царство (двумя другими были «Хатти» и «Пала»). В дальнейшем название «Лувия» выходит из употребления, и в хеттском-неситском языке сохраняется только понятие «по-лувийски», т. е. на языке, на котором говорят в Лувии. Вернее было бы вести речь не о языке, а о группе диалектов, на которых говорили в Лувии, тем более что сами хетты выделяли среди других лувийских диалектов диалекты городов Хупесны, Истанувы и Лаллупии (засвидетельствован даже термин *istanunnilī* 'по-истанувски'); но для поставленной проблемы это уточнение не имеет принципиального значения.

Локализация Лувии связана с локализацией двух областей, в которых употреблялся лувийский язык, — Киццуватны и Арцавы. Обе эти области были расположены в южной части Малой Азии: Киццуватна — на юго-востоке, в Киликийской равнине и на склонах Киликийского Тавра (ее территория совпадала примерно с современным вилайетом Адана), Арцава — на юге и юго-западе, к западу от Киццуватны (уточнить ее пределы пока не удается).

Если оставить в стороне язык хеттских иероглифов I тысячелетия до н. э., бесспорно близкий к лувийскому, и не предрешать вопроса о языке хеттской иероглифики II тысячелетия до н. э., можно сказать, что все собственно лувийские тексты происходят из богазкёйского клинописного архива. Часть из них представляет более или менее пространственные вставки в хеттских ритуальных текстах, причем обычно эти вставки предваряются хеттской фразой, предупреждающей, что дальше будет говориться по-лувийски (*luili*). Изучение таких вставок позволило Э. Форреру еще в 1922 г. заложить основы лувийской грамматики. Далее, в соответствии с тем, что стало известно о морфологии и лексике лувийского языка, были выделены как лувийские по своему лингвистическому характеру и такие тексты, которые не имели пометки «*luili*». Лувийскими по языку оказались при ближайшем рассмотрении и сохранившиеся в Богазкёе клинописные ритуалы городов Хупесна (на юго-западе от Тианы), Истанувы и Лаллупии (не локализованы). Было также выяснено, что имеющиеся в хеттских-неситских текстах вкрапления слов с нехеттским грамматическим оформлением, предваряемые большей частью (но не всегда) специальным знаком, так называемым «глоссовым клином», тоже являются лувийскими (т. е. представляют один из лувийских диалектов). Кроме того, оказалось возможным

пополнить запас выявленных лувийских слов именами собственными с лувийской этимологией и топонимами.

Весь этот материал обследовался и изучался в течение ряда лет. Результаты проделанной работы получили отражение в печатавшихся с начала 50-х годов статьях, публикациях и монографиях Г. Оттена, Б. Розенкранца, И. Фридриха, Х. Г. Гютербока, Э. Лароша, А. Камменхубер и др. В настоящее время мы уже располагаем первой сводкой полученных данных — лувийским словарем с приложением к нему грамматического очерка лувийского языка и избранных текстов (Э. Ларош, 1959). Яснее стал также и характер исторических контактов лувийского языка с хеттским-неситским. Установлено, что лувийские глоссы и лувийские заимствования в хеттских текстах появляются во второй половине XIV в. до н. э. (в царствование Мурсили II) и начиная с этого времени их количество неизменно возрастает; они довольно многочисленны при Хаттусили III и Тутхалии IV (середина XIII в. до н. э.) и особенно часто встречаются в последних хеттских-неситских памятниках, относящихся к правлению Суппилулиумы II (конец XIII в. до н. э.). Следует, однако, отметить, что даже в XIII в. до н. э. лувийские глоссы (как помеченные, так и не помеченные глоссовым клином) распределяются по разным группам хеттских текстов неравномерно: в некоторых из них такие глоссы отсутствуют вовсе или встречаются только изредка, но зато попадают сплошь и рядом в письменных памятниках, как-либо связанных с Киццуватной, т. е. составленных писцами из Киццуватны, или относящихся к культу, происходящему из Киццуватны, или разрабатывающих эпические и мифологические сюжеты, возникшие в Киццуватне на основе месопотамских, хурритских или ханаанейских мотивов, и т. п.

Существенно, что продвижение в северном направлении ономастики, первоначально засвидетельствованной только в лувийских областях, хронологически примерно совпадает с проникновением лувизмов в хеттский-неситский язык; так, во второй половине XIII в. до н. э. на территории центральной части Малой Азии начинают заметно преобладать лувийские имена собственные. В настоящее время, когда лувийские заимствования разного рода в хеттском-неситском языке изучены и приблизительно датированы (начало проникновения — XIV в. до н. э., заметное распространение — XIII в. до н. э.), они могут быть соотнесены с культурными связями хеттов и историческими событиями, происходившими в Хеттском царстве в интересующий нас период. Постоянно отмечаемые историками религии и искусства, а также археологами давние и постепенно усиливающиеся связи хеттов с лувийским и лувийско-хурритским югом и юго-востоком Малой Азии отрази-

лись и на хеттском-неситском языке — в XIV в. до н. э. в нем появились первые лувизмы. Исторические события содействовали их быстрому дальнейшему накоплению: в правление Му-ваталли (конец XIV — начало XIII в. до н. э.) столица Хеттского царства под натиском касков была перенесена из Хаттусы на юг, в Таттассу, к границам Киццуватны; позже, когда Хаттусили III (середина XIII в. до н. э.) вернул столицу в Хаттусу, он ввел там, наряду с местными культурами, и культы богов Киццуватны. Примечательно, что именно в правление сына и преемника Хаттусили III, Тутхалии IV, хеттские иероглифы распространились к северу и к востоку (памятники в Богазкёе, Эмиргази и Кёйлютолу), — большинство хеттских иероглифических царских надписей II тысячелетия до н. э. обнаружено, с одной стороны, на юго-востоке, в районе Кикийского Тавра, на границе Киццуватны, и далее к югу, в самой Киццуватне, с другой стороны — на юго-западе и западе, в Арцаве, т. е. на территориях, где говорили по-лувийски.

Очевидно, в XIV—XIII вв. до н. э. происходило заметное распространение лувийцев в северном направлении и их расселение на землях, занятых до тех пор только собственно хеттами. С укреплением хеттско-лувийских контактов, с проникновением лувийцев (и хурритов) в различные области жизни Хеттского царства связана, очевидно, и важная роль, которую играли в царской канцелярии писцы из Киццуватны, т. е. писцы лувийского и хурритского происхождения (писцы Нового хеттского царства принадлежали к относительно небольшому числу семей; «династии» писцов хорошо изучены; установлено, что часть их носила лувийские и хурритские имена). По-видимому, это, на первый взгляд не такое уже существенное, обстоятельство является ключом к решению вопроса о соотношении хеттского-неситского языка и лувийских диалектов (в том числе и языка хеттских иероглифов) в Хеттском царстве. Писцы из Киццуватны знали хеттский-неситский язык (факт, который легче объяснить, исходя из того, что этот язык продолжал быть в центральной части Малой Азии живым, разговорным; тем более что не найдено хеттско-лувийских пособий, наподобие существовавших шумерско-аккадских или шумерско-хеттских словарей, которыми пользовались писцы для изучения мертвых языков или языков, знание которых они не могли приобрести в непосредственном общении); но так как родным их языком был лувийский и им подчас не хватало хеттских-неситских слов, они вставляли в тексты, которые писали или переписывали, слова лувийские, делая это большей частью сознательно — брали лувийское слово в лувийской грамматической форме и ставили перед ним (если не случалось забыть) глоссовый клин, — а иногда и бессозна-

тельно — в этом случае лувийское слово приобретало хеттское грамматическое оформление (следует также считаться с возможностью проникновения некоторого количества лувийских заимствований в устную хеттскую-неситскую речь).

Таким образом, определяются причины и пути появления лувизмов в хеттском-неситском языке, который, судя по всему изложенному, оставался живым до самого падения Нового хеттского царства в конце XIII в. до н. э.

Сказанное выше о преимущественном размещении хеттских иероглифических памятников II тысячелетия до н. э. в западных и юго-восточных (лувийских) районах Малой Азии и о совпадении их продвижения в центральные районы Малой Азии с проникновением в эти районы лувийского влияния позволяет думать, что не только в I тысячелетии, но и во II тысячелетии до н. э. хеттскими иероглифами писали по-лувийски, хотя из самих иероглифических надписей этого времени характер их языка пока установить не удается.

Если встать на эту точку зрения, то окажется, что язык хеттской иероглифики, иначе говоря — лувийский-иероглифический, по длительности своего существования, подтвержденного письменными памятниками, значительно превосходит все остальные языки древней Малой Азии, о которых мы знаем либо по текстам только II тысячелетия до н. э. (хеттский-неситский, лувийский, палайский, хаттский — все клинописные), либо по текстам только I тысячелетия до н. э. (ликийский, лидийский, фригийский, карийский и др. — все написаны алфавитом греческого происхождения). И в отношении территории распространения хеттские клинописные памятники значительно уступают хеттским иероглифическим, хотя сильно превосходят их количеством и разнообразием. Так, почти все хеттские-клинописные тексты (около 20 тыс. таблечек и фрагментов) найдены в столице Хеттского царства, городе Хаттусе (совр. Богазкёй), а вне его известны лишь единичные документы, причем найдены они только в трех пунктах на территории Малой Азии — на Аладжахююке (в 35 км к северу от Богазкёя), в Машате (в районе Зиле, к востоку от Богазкёя) и в Тарсусе (Киликия); еще несколько хеттских-клинописных текстов сохранилось в иноземных дипломатических архивах древних городов — Ахетатона (совр. Эль-Амарна), Алалаха (совр. Телль Ачана) и Угарита (совр. Рас-Шамра). Всего за пределами Богазкёя найдено только 10 хеттских-клинописных текстов. Что же касается хеттских иероглифических памятников (около 300 надписей и фрагментов и более 750 печатей), то они встречаются от Эгейского моря на западе (надписи из Карабела вблизи Измира, и на горе Сипил) до Евфрата и даже далее на востоке (надписи в Телль Ахмаре, на левом берегу Евфрата, и на городище Хинес, вблизи Ба-

виана, в Ираке⁸) от района Богазкёя на севере до границы Палестины на юге (надписи в Хаме, Кал'ат эль-Мудике и Рестане). Хеттские иероглифические тексты, найденные на этой территории более чем в 70 местностях (считая близко соседствующие пункты за один), группируются следующим образом: надписи Карабела и Сипила, надписи Бейкёя и Ягры, небольшая, но чрезвычайно важная группа надписей в излучине Кызыл-Ирмака (Аладжахююк, Язылыккая, Богазкёй, Карга, Алишархююк, Чалапверди и Карабурун), далее к югу от Кызыл-Ирмака, преимущественно в горах Тавра и Антитавра, — большая группа надписей в районе, простирающемся от Кёй-лютолу-Яйлы и Карадага на западе до Малатьи и Самсата на востоке (центром этого района является Кайсери), и, наконец, еще южнее, северносирийская группа с основными ее центрами в Каркемише (Джераблусе), Алеппо (Халебе) и Хамате (Хаме)⁹.

Длительность существования хеттской иероглифики и разбросанность хеттских иероглифических памятников связаны с характером взаимоотношений лувийцев и собственно хеттов в Хеттском царстве. Периодически враждовавшие с хеттами лувийцы, по-видимому, пользовались длительное время поддержкой наиболее могущественной силы Передней Азии II тысячелетия н. э. — хурритов, и в дальнейшем явились в какой-то мере их наследниками (когда хеттам удалось в конце XIII в. до н. э. нанести поражение хурритскому царству Митанни, то хеттский царь Арнуванта III расширил лувийскую область Киццуватну за счет митаннийских земель). Лувийцы во многом следовали хурритским культурным традициям и были их проводниками в Малой Азии (и культурное воздействие вавилонян на хеттов осуществлялось преимущественно через посредство смешанного хуррито-лувийского населения юго-восточной части Хеттского царства). После того как лувийские территории вошли в состав хеттского государства, лувийцы не ассимилировались хеттам, а сохранили свою культуру и свой язык. Вместе с языком лувийцы сохранили и свою письменность, т. е. хеттскую иероглифику, которая, как уже говорилось, возникла примерно тогда же, когда для хеттского-неситского языка была заимствована аккадская клинопись¹⁰. По мере укрепления связей собственно хеттов и лу-

⁸ Последняя надпись принадлежит одному из царей Хамата; как она попала в Хинес, неясно.

⁹ См. карту.

¹⁰ Следует, однако, подчеркнуть, что язык, явившийся для лувийцев литературным (язык хеттских иероглифов), возможно, не был тождествен тому диалекту, который оказал влияние на хеттский-неситский, и был зафиксирован хеттскими писцами в клинописных текстах в виде глосс и отдельных отрывков, обозначенных как написанные «по-лувийски» (luili).

вийцев в пределах Хеттского царства письменность лувийцев не только не исчезла, а, наоборот, вместе с лувийским языком, начиная с правления Суппилиуумы I (первая половина XIV в. до н. э.), стала распространяться в более северных, собственно хеттских областях. Не удивительно поэтому, что лувийская по языку хеттская иероглифика, получившая в стране более широкое распространение, чем клинопись, оказалась жизнеспособнее последней: когда около 1200 г. до н. э. не известные нам завоеватели (по всей видимости, армяно-фригийские племена) разрушили единственный центр хеттской клинописной традиции — Хаттусу, и эта традиция оборвалась, то именно иероглифика стала письменностью государств, возникших на развалинах Нового хеттского царства, павшего, очевидно, под совместным натиском народов моря — с юга и юго-запада, касков — с севера и фригийцев — с северо-запада.

Соседи новых государств считали их «хеттскими» (лувийцев от хеттов в I тысячелетии до н. э. не отличали, даже слова «лувиец» ни в одном языке этого времени не существовало); в науке же принят термин «позднешеттские», или «новохеттские», или «послехеттские» государства, который имеет в виду характер исторической преемственности, а не этнический состав этих государств¹¹.

Из позднешеттских государств наиболее крупными и влиятельными были: (1) Табал, в Каппадокии, вокруг совр. Кайсери и вплоть до Тианы; (2) Куэ, в Киликии, у залива Александретта; (3) Каркемиш, в районе Хатая, у излучины Евфрата, близ современной границы Сирии, и (4) Мелид, совр. Малатья, в верхнем течении Евфрата.

Каркемиш объявил себя независимым, как только пала Хаттуса, и в дальнейшем претендовал на роль наследника Хеттского царства (цари Каркемиша присвоили себе титул «великий царь» и изображение крылатого солнечного диска как символ верховной царской власти у хеттов); впрочем, «Великим царством хеттов» иногда, особенно в более ранние периоды, называли и царство Мелид.

Вокруг перечисленных четырех государств группировались более мелкие, как Гургум (совр. Мараш), Хамат (совр. Хама, на р. Оронте) и др.; государство царя Аситавадды (совр. Каратепе в Киликии) знало лишь краткий период расцвета.

Став письменностью позднешеттских государств, хеттская иероглифика пережила начиная с X в. до н. э. новый подъем, охвативший одновременно Каппадокию (группы памятников в районах Кайсери и Тианы), Киликию (Каратепе) и, далее

¹¹ Ввиду существования термина «Новое хеттское царство» (XIV—XIII вв. до н. э.) к государствам, образовавшимся после падения Хеттского царства около 1200 г. до н. э., термин «новохеттские» лучше не применять, а употреблять термин «позднешеттские».

на восток, районы Изгина (Эльбистана) и Малатьи, и, наконец, Северную Сирию, где между р. Оронтом (совр. Аси) и р. Евфратом, от Каркемиша до района совр. Антакьи, хеттские иероглифические памятники I тысячелетия до н. э. встречаются особенно часто.

Позднешеттские государства были в конце VIII в. до н. э. поглощены Ассирией; в 717 г. до н. э. Саргон II покорил последнее крупное хеттское государство — Каркемиш; Гургум пал в 711 г. до н. э. С гибелью Каркемиша и Гургума прекращается употребление хеттской иероглифики.

ОБЗОР ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Основные виды хеттских иероглифических памятников — это монументальные надписи, печати и оттиски печатей, надписи на различных предметах обихода, а также письма.

Монументальные надписи высекались на отвесных склонах скал, по сторонам вырубленных в горах лестниц и проходов, на каменных глыбах или плитах, устанавливавшихся вдоль улиц или дорог или заложенных в основание построек (зданий, алтарей, крепостных стен и ворот), а также на каменных стелах, рельефах и скульптурах.

Породы камня случались разные — серо-черный базальт, гранит, красновато-коричневый трахит, известняк.

Монументальные надписи служили в основном культовым целям. Распространены были разного рода посвятельные надписи. Так называемые строительные надписи, связанные с посвящением божееству или группе богов храма или какого-либо другого сооружения, сперва делались краткими, позже — все более пространными, в них стали включаться сведения об истории династии и описания деяний царя. Преобладание светских мотивов над религиозными сделалось со временем столь значительным, что ряд надписей Нового хеттского царства и позднешеттского периода, в частности надпись на Кёй-лютолу-Яйле, некоторые надписи из Керкемиша и надпись из Каратепе, лишь совершенно условно могут рассматриваться как культовые.

Другим видом посвятельных надписей были надписи, указывавшие, какому богу и кем посвящен тот или иной предмет, например трон, или стела, или изображение божества. Часто встречаются объяснительные надписи к изображениям культовых сцен; известны объяснительные надписи и к рельефным сценам охоты.

Рельефы, а также углубленные в камень изображения, сопровождаемые хеттскими иероглифическими надписями, достигают иногда колоссальных размеров, например рельеф с изображением богини на горе Сипил имеет в высоту около

6,5 м; соответственно бывают тогда большими и размеры иероглифов (вообще размеры иероглифических знаков находятся в прямой зависимости от размера предмета, на котором делается надпись, и от длины надписи — наиболее древние надписи сводятся к обозначению имени изображенного божества). И техника выполнения надписи связана с техникой выполнения изображения: изображению, углубленному в камень, соответствуют углубленные, врезанные знаки надписи, рельефному изображению — выпуклые знаки.

Даже наиболее пространные хеттские иероглифические монументальные надписи далеко не так богаты историческим содержанием, как хеттские клинописные или ассирийские анналы, но и из этих надписей, используя также и хеттские иероглифические печати, можно извлечь много ценных данных, позволяющих отождествить имена хеттских царей и позднихеттских правителей с именами, известными из других источников, установить родословные, выявить синхронизмы, помогающие датировке самих надписей, а также различных событий истории хеттов и соседствовавших с ними народов (урартов, хурритов и др.); хеттские иероглифические надписи позволяют получить ценные сведения о пределах распространения хеттской державы, отдельных позднихеттских государств, а также государств, сопредельных с ними, помогают отождествить некоторые этнонимы и топонимы и т. д.

Печати с хеттскими иероглифическими легендами или без них, но с изображениями, мотивы которых известны по монументальным рельефам с хеттскими иероглифическими надписями, встречаются чаще всего в форме круглого штампа с ручкой или без нее (тогда они имеют вид пуговицы); известны также печати-перстни; цилиндрические печати, которые для получения оттиска откатывались, попадают в Малой Азии и Сирии далеко не так часто, как печати-штампы, а цилиндрические печати с надписью хеттскими иероглифами — вообще редкость. Печати чаще всего вырезывались из камня — гематита, стеатита, серпентина, известняка, диорита, яшмы и др., но также изготавливались из кости и из металла — чаще находят печати из бронзы, значительно реже из серебра или золота. Кроме печатей, до нас дошло значительное количество их оттисков на глиняных табличках или глиняных буллах. Нам известны печати (или оттиски печатей) царей Хаттусы, царевичей, царских наместников и некоторых других хеттских правителей, печати сановников разного ранга, чиновников и частных лиц. Очевидно, печати хеттских царей были сделаны из благородных металлов, и это одна из причин того, что до нас дошли только их оттиски (единичные золотые и серебряные печати сохранились, но среди них нет печатей царей Хеттского царства).

Наиболее архаической по форме знаков считается булла с оттиском печати царя Испутасу, обнаруженная в Тарсусе. Однако ее датировка вызывает споры. Владельца печати, оттиснутой на булле, обычно отождествляют с Испутасу из Киццуватны, заключившим договор с хеттским царем Телепину (начало XV в. до н. э.).

Этому отождествлению противоречит, однако, менее архаичный характер иероглифических знаков печати царя Хуцции, предшественника Телепину (известен оттиск печати Хуцции на глиняной таблетке, представляющей собой царскую дарственную на землю). Более логичной оказывается точка зрения, в соответствии с которой Испутасу, оттиск печати которого сохранился на булле, не отождествляется с современником Телепину, а рассматривается как другое лицо, жившее раньше. Сторонники этой точки зрения датируют буллу Испутасу второй половиной XVI в. до н. э., что позволяет рассматривать ее в соответствии с данными ее палеографического изучения как самый древний памятник хеттской иероглифики.

Надписи на некоторых печатях являются двуязычными или во всяком случае двуписьменными, так как легенда повторена дважды — клинописью и иероглифами. Их значение для целей дешифровки иероглифов и датировки письменных памятников, а также отдельных исторических событий эпохи Дрезного и Нового хеттского царства и позднихеттского периода трудно переоценить.

Кроме монументальных надписей на камне и печатей, до нашего времени сохранились также очень немногочисленные иероглифические надписи или фрагменты надписей на керамике, слоновой кости, бронзе и благородных металлах. Известны, в частности, процарапанные или нанесенные краской надписи на посуде, сделанные до ее обжига, а также надписи на других предметах: на сосуде для захоронения, на глиняной таблетке, на оружии, на серпе, на серебряных чашах и кубке, на золотой статуэтке. Эти надписи любопытны главным образом с точки зрения определения сферы применения хеттской иероглифики.

Документы хозяйственного учета и деловые документы, не представленные в хеттских клинописных архивах, отсутствуют и среди памятников хеттской иероглифики. Между тем, документы такого рода являются одной из главных частей всех остальных архивов этого времени, как месопотамских, так и египетских, и без них немыслимо общество с уже развитым государством; поэтому возникает предположение, что они существовали и у хеттов, но не сохранились, потому что были написаны на недолговечном материале, скорее всего на дереве. В связи с этим особый интерес представляют совершенно своеобразные иероглифические документы на полосах

свинца. Впервые шесть таких документов были найдены в Ашшуре. Они были завезены сюда каким-то образом еще в древности и обнаружены в 1905 г. на глубине 70 см от пола жилого дома, построенного некогда между стенами храма и зиккурата¹². Эти документы представляют собой исписанные с обеих сторон беглым курсивом узкие свинцовые полосы, туго свернутые в трубку. Толщина такой полосы меньше 0,5 мм, ширина около 40 мм, длина зависит от размеров текста и колеблется от 80 до 235 мм. Свинцовые свитки из Ашшура отлично сохранились и определены И. Дж. Гельбом как коммерческие письма, но проникнуть в их содержание до сих пор не удалось, так как встречающиеся в них слова и обороты незнакомы исследователям, обычно имеющим дело с монументальными надписями. По мнению некоторых исследователей, свинцовые свитки являются наиболее поздним памятником хеттской иероглифики; их принято относить к концу VII в. до н. э., т. е. считать примерно на сто лет моложе других поздних памятников хеттской иероглифики. Однако они не поддаются надежной точной датировке, а практика письма на свинце засвидетельствована в Хеттском царстве и для гораздо более раннего времени — XIV—XIII вв. до н. э. Во всяком случае, именно так датируются археологами скорописные документы на свинце, найденные в 1937 г. при раскопках на Бююккале в Богазкёе. Свитки с Бююккале по форме и характеру письма имеют явное сходство со свитками из Ашшура; к сожалению, металл сильно пострадал от времени и знаки плохо различимы.

Документы такого рода, судя по их назначению и характеру почерка, в свое время не могли быть единичными, и, хотя до нас дошли лишь уникальные экземпляры, они являются свидетельством длительного и частого применения хеттской иероглифики для деловой переписки. Это предполагает, в свою очередь, существование общедоступного, легко хранимого и перевозимого материала для письма, которым, по всей вероятности, первоначально было дерево, а затем в какой-то мере также и свинец.

В пользу того, что более обычными были письменные документы на дереве, не сохранившиеся, однако, до нашего вре-

¹² В. Андрэ считает, что свинцовые свитки попали в укромное место в углу под полом не случайно, а были помещены там хозяином дома как священные предметы или ценные вещи. Дом этот, по мнению Андрэ, существовал в конце VII в. до н. э. Таким образом, нам известно время, не позже которого были написаны документы на свинце; что касается времени, не раньше которого они могли быть составлены, то обстоятельства находки позволяют датировать их любым периодом вплоть до II тысячелетия до н. э., так как вместе со свинцовыми свитками была найдена археологами среднеассирийская клинописная надпись на алебастре, датируемая серединой II тысячелетия до н. э.

мени, говорит и то обстоятельство, что применение хеттской иероглифической письменности на камне для царских надписей, царских печатей и печатей должностных лиц, в общем сравнительно редкое, не смогло бы само по себе обеспечить развитие и поддержать длительное существование хеттской иероглифики.

Выпуклую форму хеттских иероглифических знаков на большом числе надписей, по преимуществу более древних, чем надписи с врезанными знаками, некоторые ученые также склонны объяснить именно тем, что хеттские иероглифы первоначально вырезались на дереве. Примечательно, что хеттская клинопись имеет две логограммы для слова «писец» — одна LÚDUB.SAR, та же самая, которая существовала уже в шумерской и аккадской клинописи, состоит из знаков для шумерских слов «человек» (LÚ), «(глиняная) таблетка» (DUB) и «писать» (SAR) и обозначает писца, пишущего на (глиняной) таблетке; другая, LÚDUB.SAR.GIŠ возникла в хеттской клинописи; она образована по образцу предыдущей, из знаков для тех же шумерских слов, с прибавлением знака для шумер. слова «дерево» (GIŠ), и обозначает писца по дереву.

Для школ, где обучали письму и составляли документы, у хеттов также было два наименования — одно обозначалось существовавшей еще в шумерской клинописи логограммой É.DUB.BA.A 'дом таблетки', другое — логограммой, возникшей в хеттской клинописи, — É LU^{MES} DUB.SAR.GIŠ 'дом писцов по дереву'.

Приведенные логограммы возникли впервые в хеттской клинописи — в аккадской и в шумерской клинописи их нет, но есть аккадские упоминания о деревянных таблетках у хеттов. Известно, что такие таблетки могли не только заверяться печатью, оттиснутой на глиняной булле, которая подвешивалась на шнурке, но даже запечатываться — тогда печать оттискивали на куске глины, прикрепленном к чехлу из ткани, надевавшемуся на деревянную таблетку.

Все эти данные свидетельствуют о том, что хетты часто писали по дереву; при этом они скорее всего пользовались иероглификой, а не клинописью, которая для письма по дереву неудобна. Любопытно в этой связи, что в хеттской клинописи для обозначения иероглифического письма служила логограмма GIŠ.HUR 'чертеж, рисунок', никогда не употреблявшаяся применительно к клинописным записям.

Существует точка зрения, что хеттские иероглифические знаки на деревянных таблетках не вырезали, а писали, т. е. наносили тушью при помощи кисточки. Подтверждением того, что такая техника письма была знакома хеттам, является

подобранный Боссертом в Кулулу (близ Кайсери) остракон с хеттской иероглифической надписью, сделанной черной краской; древнейшим свидетельством такого способа нанесения хеттских иероглифических знаков и вообще древнейшим памятником хеттской иероглифики могла бы считаться упомянутая уже надпись на сосуде для захоронения, обнаруженном при раскопках в Канише (совр. Кюльтепе, к северо-востоку от Кайсери) и датируемом XVIII в. до н. э. (слой kāgum Kapış I b), но из нескольких знаков этой надписи только один отождествляется как принадлежащий к хеттской иероглифике (знак для слова «бог»), поэтому хеттский иероглифический характер этой надписи является спорным.

Необходимо отметить, что ни одной хеттской таблетки из дерева — материала, легко поддающегося разрушению, до нас не дошло, и предположение о том, что такие таблетки были писчим материалом, широко распространенным у хеттов, — тем самым материалом, на котором, кроме писем, составлялись не сохранившиеся до нашего времени хозяйственные и деловые документы хеттов, — остается гипотезой, весьма правдоподобной, опирающейся на ряд косвенных данных, но все-таки гипотезой.

ПУБЛИКАЦИИ ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ; МАТЕРИАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗУЧЕНИЕМ ПИСЬМЕННОСТИ И ЯЗЫКА ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Многие памятники хеттской иероглифики продолжают, по понятным причинам, оставаться там, где были найдены, — это прежде всего наскальные надписи, а также надписи на особенно крупных каменных плитах или скульптурах. Вместе с тем часто остаются на месте и надписи, перевозка которых в принципе возможна, но по разным причинам не осуществлена. Однако большинство хеттских иероглифических памятников находится в музеях; там же хранятся и эстампажи или слепки многих памятников, оставленных *in situ*. Естественно, что самыми большими коллекциями располагают музеи Турции, прежде всего Стамбула и Анкары; часть памятников хранится в различных местных музеях Турции (Адана, Кайсери и др.), а также в Сирии (Халеб). Ряд музеев Европы и Америки тоже обладает более или менее значительными собраниями памятников хеттской иероглифики — это прежде всего музеи Берлина, Парижа, Лондона, Чикаго и Нью-Йорка; и в музеях СССР есть несколько хеттских иероглифических памятников (одна надпись и более десятка печатей — в Ленинграде и одна весьма любопытная печать — в Ереване).

Над собиранием, выявлением, описанием и изданием хеттских иероглифических памятников трудилось не одно поколение ученых разных стран. Первый корпус хеттских ие-

роглифических надписей, не утративший своего значения и до сих пор, был опубликован Л. Мессершмидтом в 1902—1906 гг. (в корпусе были учтены и печати), затем вышли важные публикации В. Андрэ (письма на свинцовых полсах, 1924), Д. Дж. Хогарта и Л. Вулли (материалы раскопок в Каркемише, 1914, 1921, 1952), а также Б. Грозного (издание ряда важных, частью ранее не публиковавшихся надписей с попыткой — тогда еще преждевременной — их полной транскрипции и перевода и с приложением очень хороших фотографий, представляющих интерес и поныне; 1937). В 1939 г. появилось новое важное сводное издание хеттских нероглифических надписей, подготовленное И. Дж. Гельбом. Его составитель заново сфотографировал и на основе применения новой методики подготовил в высшей степени точные автографические копии большого количества хеттских нероглифических памятников, обнаруженных в Малой Азии и Сирии американскими археологами, а также ряда памятников, изданных ранее не вполне удачно; важной частью этого издания был полный по тому времени перечень хеттских нероглифических памятников с исчерпывающей библиографией.

В дальнейшем, по мере обнаружения тех или иных надписей, появлялись новые публикации. Однако фотографии и автографии важнейшей хеттской нероглифической версии двуязычных надписей из Каратеpe до сих пор не изданы, существует только серия предварительных сообщений Х. Т. Боссерта, вышедших в разных журналах.

Первое сводное издание хеттских нероглифических печатей было подготовлено Д. Дж. Хогартом (1920), а печати из раскопок в Богазкёе, Рас-Шамре и Тарсусе были опубликованы соответственно Х. Г. Гютербоком (1940—1942), Э. Ларошем (1956) и И. Дж. Гельбом (1956).

Наиболее полным перечнем всех памятников хеттской нероглифики с соответствующей библиографией является в настоящее время список Э. Лароша в первой части его труда «Хеттские нероглифы» (1960).

Успехи в области дешифровки хеттских нероглифов, достигнутые в 30-х годах нашего века¹³, позволили составить и издать списки хеттских нероглифов с их чтением — первый такой список был опубликован в 1937 г. П. Мериджи, второй — по материалам печатей из Богазкёя — Х. Г. Гютербоком (1942). С недавних пор мы располагаем сводным списком Э. Лароша («Хеттские нероглифы», 1960), учитывающим оба списка, изданные ранее, и результаты всех дальнейших изысканий в области хеттской иероглифики. В списке Э. Лароша каждому знаку посвящена своего рода

¹³ См. ниже, стр. 39—40.

миниатюрная монография, в которой наряду с наиболее распространенным начертанием знака даны его графические варианты, его словесное и/или слоговое чтение (или чтения), а также история его дешифровки и библиография.

Первым словарем языка хеттских иероглифов, в котором был учтен весь известный к тому времени материал, был словарь П. Мериджи, вышедший в 1934 г.; второе, полностью переработанное издание этого словаря (1962) является в настоящее время вместе с замечаниями, уточнениями и дополнениями, предложенными Г. Миттельбергером (1963), последней сводкой достижений в области изучения лексики языка хеттских иероглифов.

Скупой материал иероглифических текстов небогат и в смысле возможностей выявления языковых отношений. Но это не останавливало исследователей, каждому из которых наряду с филологическими проблемами приходилось решать и задачи чисто лингвистические. Ряд ученых выступил также со специальными исследованиями, посвященными языку хеттских иероглифов и определению его места среди других языков древней Малой Азии. Это — Б. Грозный, П. Мериджи, И. Дж. Гельб, Ф. Зоммер, А. Гётце, И. Фридрих, Э. Ларош, А. Камменхубер, Х. Кронассер, Р. Гусмани и др. В 1961 г. молодой австрийский ученый Г. Миттельбергер написал и защитил в качестве диссертации первую обстоятельную грамматику языка хеттских иероглифов, представляющую собой весьма пристальное описательное и сопоставительное исследование языка хеттских иероглифических текстов, заново прочтенных и интерпретированных автором (в частности, он смелее чем когда-либо привлекает материал писем на свинце). Данные диссертации Г. Миттельбергера широко использованы в настоящем очерке.

III. ПИСЬМЕННОСТЬ

ИСТОРИЯ ДЕШИФРОВКИ ХЕТТСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

При дешифровке неизвестной письменности ученые могут иметь дело с письменностью, фиксирующей известный язык, или же с письменностью, сохранившей для потомков язык неизвестный, забытый, требующий интерпретации.

Задача второго рода — а именно она стояла перед исследователями хеттской иероглифики — связана, естественно, со значительно большими трудностями, хотя и первый случай требует подчас научного подвига.

История дешифровки хеттской иероглифики и интерпретации хеттских иероглифов может быть разделена на три пе-

риода. Первый — период начальных попыток дешифровки, предпринимавшихся преимущественно до находки клинописных архивов (1880—1923). Второй — период значительных успехов дешифровки и первоначальной интерпретации языка (30-е и начало 40-х годов нашего века), закончившийся находкой в 1947 г. в Каратепе большой двуязычной надписи, одна версия которой написана хеттскими иероглифами, а другая — алфавитным письмом, по-финикийски. Эта надпись подтвердила правильность уже осуществленной дешифровки, позволила исправить допущенные ошибки и сообщила новый импульс исследованиям как в области письменности, так и, в особенности, в области языка хеттских иероглифов.

В течение первого и второго периодов преобладали задачи дешифровки, а интерпретация языка, определение его характера и грамматических особенностей и строя были подчинены этой главной задаче, тем более что сведения о языке еще зависели от переменных успехов в области дешифровки и поэтому были отрывочны и недостаточно надежны. К концу же второго периода и во время наступившего вслед за ним и длящегося поныне третьего периода первостепенное значение приобретает филологическая и лингвистическая работа, в процессе которой продолжает уточняться также и дешифровка.

Как справедливо заметил знаток дешифровок И. Фридрих, «из ничего нельзя ничего дешифровать», дешифровщик незнакомой письменности на незнакомом языке должен иметь какие-то зацепки, какие-то данные, скомбинировав которые он может выяснить чтение знаков забытой письменности. Если есть двуязычная надпись, дешифровщик прежде всего воспользуется ею. Именно так и поступил первый дешифровщик хеттской иероглифики А. Г. Сэйс (1880), который использовал ставшую знаменитой «печать Таркондемоса». Это была серебряная печать, утраченная к тому времени, когда ею заинтересовался Сэйс, но сохранился ее слепок, изготовленный в Британском музее. Надпись на печати повторена дважды — хеттскими иероглифами и клинописью, современное ее чтение — «Таркумува, царь страны Мира». Печать следует, очевидно, отнести ко времени Нового хеттского царства. Сэйс выяснил из нее иероглифические знаки для слов «царь» и «страна», а знание этих знаков помогло ему расчленив вступительную часть других иероглифических надписей, отождествить в них ряд географических названий, известных из иноязычных источников, и выяснить таким образом слоговые чтения нескольких знаков (в частности, *tu* и *i*, а также начальные звуки слоговых знаков — *p* и *s*.¹⁴

¹⁴ В транслитерации хеттских иероглифов точка рядом с согласным обозначает неизвестный гласный; о системе транслитерации см. ниже, стр. 49, 50, 58.

Но сведения, которые могла дать для дешифровки хеттских иероглифов короткая двуязычная надпись на печати, чей клинописный текст был сам по себе труден для чтения и не перестает вызывать споры до настоящего времени, оказались вскоре исчерпанными. Оставался еще один путь — попытаться допустить, что за неизвестной письменностью скрывается уже известный язык. Но какой? Если догадка окажется правильной и язык сам по себе достаточно хорошо известен, дешифровка пойдет быстро и даст положительные результаты; неправильная догадка заведет в тупик, как это и случилось с П. Иенсенем (1894), который предположил, что хеттские иероглифические тексты написаны по-древнеармянски, долго упорствовал в своем заблуждении и в итоге затратил впустую много времени и сил. Нужно, однако, признать, что во время первых попыток дешифровки хеттской иероглифики пора для отождествления языка хеттских иероглифов еще не наступила — богазкёйский архив еще не был открыт, не были достаточно известны анатолийские (хетто-лувийские) языки II тысячелетия до н. э., а надписи на анатолийских языках I тысячелетия до н. э. не только не были интерпретированы, но даже о принадлежности их к индоевропейской семье еще не было известно; недостаточны были в ту пору и сведения о культуре и истории хеттов. Единственной по тому времени возможностью получить дальнейшие, хотя бы частные результаты в деле дешифровки хеттских иероглифов было рекомендованное Л. Мессершмидтом отождествление хеттских имен собственных, этнонимов и топонимов, известных из других источников того же времени, т. е., иначе говоря, из ассирийских анналов. Р. Кэмбелл-Томсон воспользовавшийся советом Мессершмидта, достиг некоторых положительных результатов (1912), но серьезных успехов в дешифровке его попытка не дала, отчасти потому, что аккадская передача хеттских имен, естественно, не могла быть точной и не раз вводила в заблуждение не только Кэмбелл-Томсона, но и последующих дешифровщиков. Мешала Кэмбелл-Томсону и предвзятость его концепции, согласно которой язык хеттских иероглифов будто бы совпадает с языком хеттских клинописных текстов, находившихся тогда еще в самом начале своей интерпретации.

Концепция А. Э. Каули была более осторожной, к тому же он располагал не известными его предшественникам хеттскими иероглифическими надписями из Каркемиша и более серьезными сведениями о хеттском клинописном языке. Каули склонен был допустить родство языка хеттских иероглифов с языком хеттской клинописи, но для окончательного суждения считал необходимым выждать, пока возрастет объем изданных хеттских клинописных текстов. Все же его больше привлекало сопоставление языка хеттских иероглифов с урарт-

ским, касситским или хурритским. Придерживаясь более строгой методики, чем его предшественники, Каули сделал довольно серьезный вклад в чтение отдельных иероглифических знаков (1917—1918).

К. Франк, как и Каули, был склонен считать языком хеттских иероглифов хурритский, но не это заблуждение обрекло на неудачу усилия Франка, направленные на дешифровку хеттских иероглифов. Имея опыт раскрытия шифров во время первой мировой войны, он справедливо считал, что на начальном этапе дешифровки вопрос о языковой принадлежности может быть исключен и что главной задачей дешифровщика является выявление и отождествление имен собственных, этно- и топонимических названий, выявление устойчивых формул, особенно в начале и в конце надписи, выделение повторяющихся групп знаков и т. д. Франк, однако, отказался не только от заблуждений, но и от достижений своих предшественников, как полученных недостаточно строгим методом. Он составил оказавшиеся в дальнейшем полезными его преемникам списки имен богов и лиц, а также географических названий (1923), но сам извлечь из этих списков какие-либо данные, которые продвинули бы дешифровку хеттских иероглифов, не смог.

Таким образом, значительные усилия, затраченные учеными в течение начального периода дешифровки хеттских иероглифов, не привели к существенным сдвигам. Однако ряд отдельных фактов был установлен верно, хотя эти факты и тонули в море заблуждений и произвольных утверждений.

Так, на основании первых наблюдений над хеттскими иероглифическими надписями было выяснено, что направление их письма — «бустрофедон», т. е. меняется от строки к строке, причем знаки «поворачиваются лицом» к началу строки (Х. Уорд). Затем по числу знаков было установлено, что хеттская иероглифическая письменность, подобно ассиро-вавилонской клинописи, является не алфавитной письменностью, а слоговой, причем часть знаков представляет собой детерминативы (т. е. произносимые словесные знаки, обозначающие группу понятий, к которой принадлежит слово, помеченное детерминативом), а часть — логограммы, т. е. знаки для целых слов.

Далее были правильно выделены некоторые группы знаков, в частности, знаки, обозначающие грамматические окончания имени и глагола, а также суффикс и окончание отыменного прилагательного; было выяснено, что знак, с которого начинается большинство надписей, выражает местоимение «я», и выявлены словесные знаки «бог», «страна», «царь», энклитический союз «и»; было также сделано важное наблюдение, что знак для слова «бог» употребляется и в качестве детерминатива божества (Сэйс).

В дальнейшем удалось установить знак, предваряющий имена собственные, правильно прочесть имя царя Хамата (совр. Хама) Урхилины, а также первую часть древнего наименования Мараша—Гургум и извлечь таким образом правильные чтения знаков $u(r)$ ¹⁵, hi , li , na , gu (Кэмбелл-Томсон). Затем были прочтены знаки tu и начальные звуки слогов r . и g ., а также несколько знаков-лигатур, состоящих каждый из двух знаков (Каули). Были определены словоразделитель и знак, указывающий, что предшествующий ему знак (или группа знаков) является логограммой (Пейзер). Далее были выделены логограммы «царица», «правитель», «главный жрец» и знак, фиксирующий указательное местоимение, а также прочтено наименование города Каркемиша (Иенсен). Затем было прочтено и название города Малатьи и выявлена цифра «9» (Франк). Наконец, удалось выяснить вспомогательный характер знака, то присутствующего, то отсутствующего в конце слов, стоящих в одинаковом контексте, а выявление случаев взаимной замены знаков в разных написаниях одного и того же слова позволило установить возможность одинакового чтения различных знаков (Каули).

Таков был не слишком ободряющий итог начального периода дешифровки.

Однако накопление кое-каких отправных данных, а также возможность отбросить оказавшиеся негодными концепции и методические приемы, повлекшие за собой цепь ошибок, в известной мере подготовили те успехи, которые были достигнуты в течение следующего периода дешифровки. Весьма существенным было и то обстоятельство, что в 20-е годы сильно продвинулось изучение хеттских клинописных источников, которое позволило создать первоначальное представление об основных особенностях синтаксиса анатолийских языков и, в частности, о характере предложений, которые могут быть выявлены в языке хеттских иероглифов. Продолжалось увеличиваться и количество обнаруженных хеттских иероглифических памятников.

В 1930 г. итальянский ученый П. Мериджи выяснил некоторые дальнейшие особенности хеттской иероглифики. Но главным его успехом было выявление групп знаков, обозначающих слова «сын» и «внук». Выделение этих слов в длинных генеалогиях хеттских царей позволило правильно определить группы знаков, соответствующие именам собственным, а затем, пользуясь тем, что имена по крайней мере некоторых из правителей царств Северной Сирии и юго-восточной части Малой Азии были известны из ассирийских источников, попытаться отождествить этих правителей с лицами, упоминаемы-

¹⁵ Точнее, лигатура из $u + r(a)$.

ми в иероглифических надписях, и тем самым установить чтение ряда иероглифических слоговых знаков.

В работах 1931—1932 гг. швейцарский исследователь Э. О. Форрер применил весьма плодотворные методические приемы. Исходя из остроумно обоснованных соображений о характере и содержании исследуемых текстов и частей текста, в особенности стандартной формулы проклятия тому, кто попытался бы надпись уничтожить (такая формула обычно завершает древневосточные царские надписи), Форрер приступил к выделению отдельных слов, выявлению их взаимосвязи, особенностей синтаксиса и морфологии. Это позволило ему установить окончания именительного падежа множественного числа и отложительного падежа единственного числа существительных, повелительную форму глагола и окончание причастия прошедшего времени, дательный падеж единственного числа указательного местоимения, а также личное местоимение «я», союз, имеющий значение «когда» и «если», и энклитический союз «и». Знание этих грамматических элементов, а также выяснение чтения некоторых знаков, служивших для их выражения, дало возможность Форреру впервые обосновать предположение об индоевропейском характере языка хеттских иероглифов.

Американский востоковед И. Дж. Гельб занялся прежде всего отделением знаков, имеющих слоговое чтение, от словесных знаков и сосредоточил свое внимание на выяснении чтения в первую очередь слоговых знаков и на определении характера хеттской иероглифической письменности в целом. К 1931 г. он установил, что общее количество слоговых знаков не превышает шестидесяти, что слоговые знаки могут быть только двух типов: 1) «гласный» и 2) «согласный + гласный», и что звонкие и глухие согласные на письме не различаются. Ему удалось также прочесть ряд знаков и, главное, впервые дать слоговое чтение глагола. Это был глагол «делать» — сначала Гельб читал его a-wa-a, а затем, в 1935 г., установил правильное его чтение a-i-a, которое позволило показать особую близость языка хеттских иероглифов лувийскому (тот же глагол по-хеттски ija-, по-лувийски — aja-); в течение долгого времени глагол aia- был единственным известным глаголом языка хеттских иероглифов.

В 1932 г. Х. Т. Боссерт (Германия) отождествил в хеттских иероглифических надписях несколько хеттских имен собственных, упоминаемых в ассирийских источниках, и получил новые чтения слоговых знаков. Затем он впервые осуществил изучение формы хеттских иероглифических знаков с точки зрения палеографии.

В 1933 г. Б. Грозный указал на черты сходства между языком хеттских иероглифов и хеттским-неситским, установил

окончания падежей именного склонения в языке хеттских иероглифов (в дополнение к тем, которые были ранее определены Форрером) и значение нескольких слов, встречающихся в хеттских иероглифических текстах — «отец», «дед», «построил», «дал», «сделал», «возлияние», «жертвоприношение». Он также выяснил, что надпись на одном из рельефов представляет собой имя Сулумела, местного царька, современника Тиглатпаласара III (745—729 гг. до н. э.).

В течение 30-х годов в ряде дальнейших исследований тех же авторов продолжали разрабатываться и уточняться различные вопросы дешифровки: Мериджи составил первый словарь (1934) и первый сводный список знаков (1937), кроме того, он сделал первые попытки перевода отрывков связанного текста; Гельб (1935—1942) подробно исследовал характер хеттской иероглифики как системы письма, изложил основные особенности грамматики языка хеттских иероглифов и рассмотрел чтения падежных окончаний и местоимений; Грозный попытался дать сплошной перевод ряда надписей (1934—1937), однако эта попытка была явно преждевременной и неубедительной. Но как бы то ни было, по целому ряду вопросов дешифровки хеттских иероглифов между работавшими в этой области учеными было выработано общее мнение, и чтение большей части самых распространенных слоговых знаков и наиболее часто встречающихся логограмм и детерминативов уже не вызывало серьезных разногласий. Таким образом, хотя в хеттской иероглифической письменности еще осталось много неясного и спорного, дешифровка хеттских иероглифов стала в 30-х годах совершившимся фактом (интересно отметить, что Иенсен и Сэйс дожили до этого времени: Сэйс умер в 1933 г., а Иенсен — в 1936 г., — но будучи не в силах расстаться с привычными концепциями и методами, начинатели дешифровки сами уже не могли более способствовать успеху дела)¹⁶. Пора гипотез прошла, наступило время методически строгих исследований и сопоставлений.

Казалось, что после осуществления дешифровки и выяснения общего характера языка транскрипция и перевод хеттских иероглифических памятников пойдут с нарастающим успехом. Однако этому помешал ряд конкретных обстоятельств. Выяснилось, что язык хеттских иероглифов не тождествен хеттскому-неситскому, что кроме сходства, обусловленного их общей принадлежностью к хетто-лувийской группе языков, между ними имеются существенные различия в грамматике и лексике. Отсюда следовало, что никоим образом нельзя механически переносить в язык хеттских иероглифов значение

¹⁶ Таблицу чтений, предложенных разными исследователями для наиболее часто встречающихся слоговых знаков, см. ниже, Приложение I А.

форм и слов, известных из хеттского-неситского, и по ним устанавливать еще не выясненные чтения иероглифических знаков; наоборот, только слова языка хеттских иероглифов, чтение которых было установлено из сопоставления данных самих иероглифических надписей, можно было пытаться сопоставить с хеттскими-неситскими. Между тем, около половины всех слов языка хеттских иероглифов полностью или частично написаны логограммами. Поэтому в выяснении лексикки этого языка прочтение логограмм и выяснение их значения играет весьма важную роль.

Единственным способом установления звукового (фонетического) чтения логограмм служит выявление того же слова в слоговом написании, иногда следующего сразу за логограммой в виде развернутого фонетического компонента или же встречающегося вместо логограммы в аналогичном контексте. Если слово, обозначенное логограммой, не встречается в слоговом написании (потому ли, что мало сохранилось письменных памятников и в них нет повторов внутри текста, а также отсутствуют дубликаты с графическими вариантами, потому ли, что слово всегда писалось только логограммой), установить фонетическое чтение логограммы невозможно¹⁷.

Способы выяснения значения логограмм более разнообразны. Эти способы в основном те же, что и способы выяснения неизвестных слов вообще, в том числе и написанных слоговыми знаками. Кроме того, иногда значение логограммы можно выяснить непосредственно по ее внешнему рисуночному виду, но это дает положительный результат лишь в немногих случаях. Разумеется, если фонетическое чтение логограммы неизвестно, то тем самым неприменим этимологический метод, который в определенных случаях может помочь приблизительному определению значения слов близкородственных языков, если эти слова записаны знаками, воспроизводящими звучание слова (в данном случае — слоговыми знаками). Если счастливый случай дал в руки исследователя билингву, то значение слов, как бы они ни были написаны, устанавливается с ее помощью. Если билингвы нет, то выяснение слов осуществляется при помощи контекста и может продвигаться достаточно быстро только при наличии многочисленных, пространственных и разнообразных по содержанию памятников. Однако обстоятельства сложились так, что исследователи хеттской иероглифики длительное время не располагали билингвами

¹⁷ Можно, конечно, совершенно гадательно, как это иногда делается, подставлять то или иное общеанатолийское слово в реконструируемой для языка хеттских иероглифов форме, но никогда не будет гарантии, что в функции слова с данным значением не применялось слово, не распространенное (или распространенное в ином значении) в других анатолийских языках.

(кроме печати Таркумувы, облегчившей первые шаги дешифровки), а одноязычные хеттские иероглифические памятники оказались бедны содержанием, их словесные обороты однообразны, дубликаты же текстов редки и представляют собой дословные повторы. К тому же основная масса хеттских иероглифических памятников относится ко времени после падения Хеттского царства, когда хеттская клинописная традиция иссякла, так что данные о конкретных исторических событиях и лицах, сообщаемые хеттскими клинописными памятниками, не могли быть сопоставлены с материалом хеттских иероглифических надписей. Возможны были сопоставления только с данными ассирийских (и урартских) надписей, составленных на совсем ином, неродственном языке и потому весьма неточно передающих хетто-лувийские собственные имена. Все это чрезвычайно затрудняло и тормозило дальнейшую дешифровку письменности и интерпретацию языка.

Однако благодаря новым находкам археологов условия, в которых велась эта двойная работа, с конца 30-х годов стали существенно улучшаться. В 1934 г. при дальнейших раскопках в Богазкёе, на месте столицы Хеттского царства, были найдены оттиски около трехсот хеттских иероглифических печатей, в том числе около ста царских, имеющих легенды, повторенные дважды, хеттскими иероглифами и клинописью, на хеттском-неситском языке. Раскопки велись до 1939 г. и продолжали давать аналогичный материал. Богазкёйские печати, изданные и исследованные Х. Г. Гютерброком в 1940 и 1942 гг., позволили продолжить работу над дешифровкой хеттской иероглифики. Гютерброку удалось установить впервые или уточнить ряд ранее предложенных слоговых чтений, а также выяснить иероглифические написания имен большинства хеттских царей и цариц времени великой Хеттской державы, причем оказалось, что одни имена написаны слоговым образом, другие — при помощи логограмм, третьи — при помощи символов, т. е. знаков, употребляемых исключительно в написании данного имени.

В дальнейшем находки печатей с хеттскими иероглифическими и клинописными легендами в Рас-Шамре (древний Угарит в Сирии) в 1953—1954 гг. и в Тарсусе (Киликия) в 1935—1956 гг. дали возможность Э. Ларошу и И. Дж. Гельбу в 1956 г. подтвердить или уточнить чтение ряда знаков и сделать тем самым новый ценный вклад в дешифровку хеттской иероглифики. Вместе с тем прочитанные ими на печатях имена местных царей, упоминаемых в клинописных документах Хеттского царства, позволили установить важные синхронизмы и датировать самые древние документы с оттисками печатей царей Хеттского царства.

Однако наиболее сенсационной была находка, сделанная

в 1947—1949 гг. в Каратепе, в предгорьях Тавра, в труднодоступной долине реки Джейхан, на правом ее берегу. Здесь немецкому археологу Х. Т. Боссерту, с 1934 г. поселившемуся в Турции, посчастливилось обнаружить большую двуязычную надпись. Точнее говоря, это пять надписей, совпадающих по содержанию, — две хеттские иероглифические и три финикийские. Одна надпись (финикийская) высечена на статуе божества, а четыре — на базальтовых плитах, по две надписи в южных и в северных воротах крепости: вдоль одной стороны прохода — финикийская, вдоль другой стороны — хеттская-иероглифическая (строки иероглифов переходят с плиты на плиту, не минуя и рельефы).

Для восстановления забытых языков и письменностей открытие билингвы, тем более пространной, — всегда событие. Наличие же дубликатов увеличивает ценность находки. Естественно, что билингва из Каратепе сыграла немаловажную роль в дешифровке хеттских иероглифов. Она подтвердила на внушительном числе примеров, что значение логограмм и чтение слоговых знаков, выясненных ранее комбинаторным методом, были в большинстве случаев установлены правильно; верными оказались также и многие предположительные высказывания о значении ряда логограмм и чтении некоторых слоговых знаков; кроме того, перечень понятных логограмм пополнился большим числом совершенно новых¹⁸.

Билингва позволила также весьма существенно увеличить запас известных слов языка хеттских иероглифов, дав около пятидесяти новых слов с ясным значением и подтвердив правильность предложенных ранее в предварительном порядке соображений о значении более двадцати слов.

Собственно, изучение хеттских иероглифических версий билингвы из Каратепе еще только начато, так как ни фотографии ее, ни автографии (прорисовки) не опубликованы, и в распоряжении ученых находятся лишь результаты первого исследования билингвы, сделанного ныне покойным Х. Т. Боссертом, который не воспроизвел знаки так, как они расположены в надписи, где они частично размещены друг над другом, частично рядом, а переписал в строчку, в том порядке, в каком он считал нужным их читать. Между тем, порядок чтения хеттских иероглифов в ряде случаев может быть спорным и нуждается в обосновании¹⁹. Возникают и другие вопросы, для разрешения которых нужно иметь перед глазами точное воспроизведение текста. Словом, все специалисты с нетерпением ждут публикации хеттской иерогли-

¹⁸ Полный список хеттских иероглифических знаков в соответствии со списком, изданным в 1960 г. Э. Ларошем, см. ниже, Приложение I Г.

¹⁹ См. стр. 48.

фической версии, чтобы принять участие в ее тщательном исследовании. Однако имеющихся уже данных достаточно, чтобы считать, что открытием билингвы из Каратепе завершился второй и начался третий и последний этап дешифровки хеттских иероглифов. Этот последний этап длится и поныне. Он закончится, когда будет найдено решение ряда спорных вопросов, когда не останется или почти не останется знаков, чтение которых, слоговое или словесное, еще не известно, когда станут доступны для чтения и понимания хеттские иероглифические памятники не только первого, но и второго тысячелетия до н. э. и т. д.

Но решение этих проблем будет происходить и, собственно, уже сейчас идет в рамках утвердившей себя новой отрасли знания — если дозволено расширить употребление условного термина — в рамках «хеттской-иероглифической» филологии и лингвистики.

Нужно сказать, что исследователи нашего времени находятся в значительно более выгодных условиях, чем их предшественники почти сто лет тому назад: стало значительно больше памятников хеттской иероглифики, и их число, хотя и медленно, но продолжает увеличиваться, так как в настоящее время силами местных специалистов и ученых, приглашенных из других стран, ведутся систематические раскопки на территории Турции и Сирии; неизмеримо возрос и уровень знаний об истории, культуре и языках древней Малой Азии и Сирии; разработаны и утвердились новые, более перспективные методы исследования забытых письменностей и языков.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХЕТТСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Следует обратить внимание на то, что большинство письменностей древней Малой Азии — староассирийский и старовавилонский вариант аккадской клинописи (последний — в его северносирийской разновидности), а также все алфавиты греческого происхождения возникли сначала за пределами Малой Азии для языков, не родственных или лишь отдаленно родственных хетто-лувийским (соответственно — аккадский язык и греческие диалекты), и только потом стали «хеттскими», т. е. были приспособлены для записи на различных языках хетто-лувийской группы. Таким образом, лишь по отношению к иероглифике может быть поставлен вопрос о том, не является ли ее создание достижением местной культуры — хеттской (в широком смысле).

Происхождение хеттской иероглифической письменности неясно. По этому вопросу существуют разные точки зрения, зависящие от оценки степени воздействия на возникновение

и развитие хеттской иероглифики, с одной стороны, египетской и шумеро-аккадской письменностей, с другой стороны — письменностей эгейского культурного ареала (совершенно независимое возникновение письменности в Малой Азии II тысячелетия до н. э., окруженной цивилизациями с вполне развитыми системами письма, вряд ли возможно).

Между хеттской иероглифической письменностью и дешифрованным недавно критским линейным письмом существует явная структурная близость. Она выражается в том, что количество слоговых знаков в обеих письменностях примерно одинаково, что слоговые знаки обозначают только открытые слоги и что различие между удвоенными и неудвоенными, а также между глухими, звонкими и аспирированными согласными на письме не проводится, кроме того, в обеих письменностях опускается п внутри слова перед согласным. Следует также отметить небольшую группу знаков, совпадающих по форме и встречающихся только в этих двух письменностях. Таким образом, есть основания думать, что хеттская иероглифика и критское линейное письмо имеют определенные исторические связи. Это не значит, однако, что хеттская иероглифическая письменность полностью воспроизводит какую-то письменность, существовавшую в районе Эгейского моря, или наоборот. Здесь дело обстоит иначе — как показал И. Дж. Гельб, при создании хеттской иероглифики из Эгейского мира была заимствована лишь самая идея письменности, некоторые ее типологические особенности, может быть и единичные знаки (но только как графемы, т. е. без заимствования также и чтения, свойственного данной графеме в прототипе); в целом же развитие хеттского иероглифического письма как графической системы происходило на основе местной хеттской изобразительной традиции и местного языка. Хеттские иероглифические знаки изображают людей, животных, растения, небесные светила, предметы материальной культуры — постройки, оружие, орудия труда, утварь, одежду, мебель и т. д., причем эти изображения в ряде случаев совпадают с изображениями на малоазиатских рельефах, с описаниями соответственных предметов в хеттских письменных источниках, а также с внешним видом подлинных, дошедших до нас памятников материальной культуры. С другой стороны, есть основания полагать, что и словесные и слоговые чтения хеттских иероглифов с самого начала соответствовали местному языку. Это подтверждается, в частности, тем, что слова, к которым восходят слоговые чтения хеттских иероглифов, относятся к языку хетто-лувийской группы²⁰. Следовательно, здесь не произошло ничего, подобного тому, что имело место при

²⁰ См. ниже, стр. 53.

заимствовании, например, письменности шумерского языка для языка аккадского, когда знаки для шумерских слов были приняты как совершенно условные обозначения соответственных слов аккадского языка, а связанные с шумерскими словами слоговые чтения перенесены в готовом виде в аккадскую письменность (в дальнейшем, наряду с шумерскими логограммами и силлабограммами и по их образцу возникали свои, собственно аккадские, но это не изменило в принципе заимствованного характера письменности; когда же аккадская система письма была в свою очередь применена для хеттского-неситского языка, то хеттская клинопись унаследовала чтения, образовавшиеся на основе двух языков, но это уже вопрос, выходящий за пределы нашей темы).

Сказанное совершенно не исключает возможности того, что форма двух-трех хеттских иероглифических знаков, в частности иероглифа для слова «жизнь» и иероглифа, обозначающего царский титул и представляющего собой изображение крылатого солнечного диска, могла быть заимствована из египетской письменности. Это и не удивительно, если учесть тесные политические и культурные связи, существовавшие между хеттским и египетским государствами. Более далеко идущее воздействие египетской иероглифики на хеттскую исключается, поскольку они резко различаются не только по внешнему виду, но и по характеру фонетических знаков²¹.

Контакт между хеттской иероглификой и хеттской клинописью имеет особые черты. Быть образцом для подражания в момент возникновения хеттской иероглифики клинопись никак не могла, так как утратила свой рисуночный облик задолго до проникновения в Малую Азию и до заимствования ее хеттами, но обе письменности на протяжении длительного периода, вплоть до конца XII в. до н. э., применялись одновременно на одной и той же территории, в пределах одного государства; на печатях они могли даже совмещаться — так, легенды на царских печатях, а в дальнейшем и на печатях сановников, как уже было сказано, нередко повторялись дважды, причем иероглифическая надпись размещалась в центре печати, а клинописная — по ее краю. Не исключено, что обучение владению обеими письменностями и составлению документов на них происходило, по крайней мере отчасти, в одних и тех же писцовых школах и что именно с этим обстоятельством связаны такие явления, как однотипность построения некоторых составных логограмм в хеттской иероглифике и в хеттской клинописи; например: БОГ + ДОМ = «храм», ДИТЯ + ЦАРЬ = «царевич»²² и т. д.

²¹ См. ниже, стр. 47.

²² О сложных, или составных, логограммах см. ниже, стр. 52.

Иероглифами, дословно—священными знаками, греки некогда называли знаки египетской рисуночной письменности, полагая, что они обладают магическим смыслом. Лишь в XVIII в. над египетскими иероглифами перестало тяготеть заклятие таинственности, и они стали предметом научного исследования, но наименование «иероглифическая письменность» сохранилось и в дальнейшем было перенесено на хеттскую и некоторые другие письменности. Теперь, называя письменность иероглифической, подразумевают, что она является рисуночной или произошла непосредственно из рисуночной письменности. Таким образом, характеризуя письменность с графической точки зрения, название «иероглифика», «иероглифическая письменность» ничего не говорит о ее системе.

Как следует из современного понимания термина «иероглифика», хеттские иероглифические знаки представляют собой рисунки. Часть этих рисунков продолжает иметь сходство с изображаемыми ими предметами, часть утратила это сходство вследствие стилизации и упрощения. В одних случаях промежуточные начертания сохранились, и знаки засвидетельствованы как в полном, так и в упрощенном, иногда скорописном, виде, в других случаях промежуточные начертания нам неизвестны, и мы иногда даже не в состоянии отождествить полную и курсивную форму одного и того же знака.

Хеттские иероглифические знаки разделяются на словесные, фонетические и служебные, причем существенно важно, что хеттские иероглифические фонетические знаки, в отличие от фонетических знаков египетской иероглифики, по подобно фонетическим знакам клинописи, передают не комплексы согласных в сочетании с произвольными гласными, а слоги с четко различаемыми гласными.

Словесные знаки стоят в начале слова и обычно выписываются более тщательно, чем фонетические, слоговые²³. Со временем словесные знаки становятся менее употребительны (в некоторых районах, например, в районе Кайсери, почти совсем исчезают), и все знаки приобретают все более курсивные написания; однако рисуночный характер хеттских иероглифических знаков различим даже в наиболее поздних курсивных памятниках (например, надписи из Эгрикёя и Эркилета²⁴, расположенных в районе Кайсери).

Хеттские иероглифические письма на свинцовых полосах, найденные в Ашшуре, написаны сплошь курсивом, так что можно было бы говорить о функциональной дифференциации

²³ См. Приложение 2 А.

²⁴ См. Приложение 2 Б.

монументального и скорописного письма, аналогичной существовавшей в Египте, если бы курсивные формы хеттских иероглифов не встречались бы достаточно часто и в надписях на камне наряду с полными формами, а полные формы, хстя и в единичных случаях, не попадались бы даже в письмах из Ашшура (для обозначения логограмм).

Основные графические принципы хеттской иероглифики были выработаны в начале Нового хеттского царства (XIV в. до н. э.). В надписях на камне проявлялось стремление уместить предложение в одну строку. Строка имеет вид графы, представляющей собой прямоугольник, очерченный прямыми линиями. Внутри такой графы знаки, составляющие слова, располагаются в вертикальной последовательности, столбцами (от одного до пяти знаков в столбце). Так как знаки довольно разнообразны по форме — одни вытянуты в высоту, другие в ширину, — то в целях их более экономного расположения они могут смещаться относительно друг друга. Правила смещения пока не выяснены, поэтому установление последовательности знаков в наше время иногда вызывает трудности и разногласия и должно опираться если не на подлинники надписей или эстампажи, то на фотографии или же на автографии, выполненные по фотографиям.

Плотность заполнения граф со временем возрастает, знаки прижимаются друг к другу все тесней и иногда переплетаются, образуя лигатуры. Существует точка зрения, что часто

встречающийся знак , не имеющий, по всей видимости, ни словесного, ни фонетического чтения, предназначался для заполнения свободного пространства в конце столбца; он мог ставиться и между знаками, составляющими слово, раздвигая их так, чтобы столбец был заполнен целиком. Возможно, что аналогичную роль «заполнителей» играли в композиции печатей некоторые знаки для слов, имеющих благопожелательный смысл, не входившие в чтение легенды.

Первая графа надписи читается, как правило, справа налево (если она единственная — тоже), следующая — слева направо, третья — опять справа налево и т. д., по принципу «бустрофедон». Знаки, изображающие людей и животных в профиль, и другие несимметричные знаки, которые могут быть ориентированы, всегда обращены к началу строки.

Легенды печатей тоже в подавляющем большинстве читаются на оттисках справа налево, но встречается также симметричное расположение надписей на печатях, когда сами знаки симметричны или же когда надпись, состоящая из несимметричных знаков, повторена дважды, причем знаки ориентированы по направлению к центру; оттиски печатей, которые читаются слева направо, относительно редки.

Если надпись сопровождается изображением, то рельефному изображению соответствует рельефная надпись, а изображению, углубленному в материал (обычно камень), — выгравированная надпись. Вообще рельефные надписи считаются более древними, но есть и спорные случаи.

В составленных учеными списках хеттских иероглифических знаков эти знаки систематизируются по чисто внешним, графическим признакам: группа знаков, изображающих части тела человека, группа знаков, изображающих животных или растения, постройки, оружие, орудия труда, сосуды и т. д.

Из соображений удобства, в особенности при типографском наборе, в научном обиходе хеттские иероглифические знаки не воспроизводят, а передают их чтение латиницей — транслитерируют (транслитерацию часто называют транскрипцией, что неточно, так как под транскрипцией подразумевается передача звуков языка, находящихся в письме лишь весьма приблизительное отражение, а транслитерация — это передача знаков письма, и только).

Создание единой системы транслитерации в период, когда дешифровка еще полностью не закончена, наталкивается на ряд препятствий. Особенно трудно выработать международную передачу словесных знаков. Пытаются пользоваться смешанной транслитерацией: в одних случаях дается фонетическое чтение словесных знаков, например, TAPAS²⁵ «небо», в других случаях, когда их фонетическое чтение неизвестно, применяют транслитерацию, принятую для соответственных шумерских знаков, например, хеттский иероглифический знак для слова «женщина» транслитерируют SAL, т. е. так же, как шумерский знак для слова «женщина», хеттский иероглифический знак «дворец» — E.GAL, как соответственный шумерский знак, и т. д. Эта смешанная система нежелательна по целому ряду соображений. В частности, не говоря о том, что она может создать ложное впечатление, будто хеттская иероглифическая письменность следует шумеро-аккадскому образцу, само соответствие хеттских иероглифических словесных знаков шумеро-аккадским не всегда существует, не во всех случаях, когда оно существует, оно может быть установлено, и даже, когда установлено, как правило, оказывается не вполне точным — так, например, хеттский иероглифический знак для слова «женщина» может также обозначать и слово «мать», а по-шумерски слово «мать» обозначается другим знаком; знак для хеттского иероглифического слова «дворец» состоит из двух знаков — «большой» + «дом», а соответственное шумерское написание, хотя и включает в себя те же эле-

²⁵ Или TIPAS, или TEPAS, в зависимости от чтения, принимаемого для соответственного слогового знака (ta, ti или te).

менты, но в обратном порядке — «дом» + «большой», и т. д.

Более приемлемым является способ обозначения словесных знаков их «переводом» на современные языки²⁶. Этот перевод передает значение соответственного слова, когда оно известно, или называет изображаемый знаком предмет, если соответственное слово неизвестно. В случаях, когда неясно, что изображает данный знак, приходится ограничиваться его номером по списку.

И слоговые знаки разные авторы транслитерируют по-разному, в зависимости от своих взглядов на хеттский иероглифический силлабарий в целом и на чтение, подчас спорное, отдельных знаков.

Наиболее широкое распространение имеет система транслитерации, принятая для аккадской клинописи. В соответствии с этой системой одинаковые слоговые чтения разных иероглифических знаков различаются при передаче латиницей с помощью ударений (второе чтение—острое ударение, третье—тяжелое) и подстрочных цифровых индексов (начиная с четвертого чтения), например: sa, sá, sà, sa₄, sa₅.

Таким образом, ударения и подстрочные индексы не имеют фонетического значения. В транслитерации клинописи их постановка связана с частотой употребления соответственных знаков — наиболее часто употребляемый знак не имеет ударения, следующий по убывающей частоте употребления снабжается острым ударением и т. д.

Применить этот критерий к хеттским иероглифам не удастся, и одинаковые чтения разных хеттских иероглифических знаков снабжают при транслитерации ударениями и индексами, придерживаясь порядка выяснения этих чтений (слоговые чтения пишутся строчными буквами, причем чтения, входящие в одно слово, соединяются дефисами; между чтениями знаков, образующих лигатуру, некоторые авторы, вместо дефиса, ставят знак + или X).

В последние годы достигнуто значительное сближение систем транслитерации, принадлежащих разным авторам. Однако общепринятой транслитерации хеттских иероглифов до сих пор еще нет, и составители списков хеттских иероглифических знаков вынуждены снабжать их таблицами соответствий порядковых номеров знаков в списках разных авторов.

Хеттские иероглифические знаки, как говорилось, могут обозначать слова (словесные знаки, или логограммы) или слоги (слоговые знаки, или силлабограммы), а также нести служебные функции — разделять слова, указывать на то, что

²⁶ Пишется прописными буквами и соединяется при помощи дефиса с относящимися к тому же слову слоговыми чтениями, фиксирующими фонетический комплемент и/или грамматическое окончание.

смежный знак является логограммой, выступать в качестве детерминатива, т. е. графического непроизносимого показателя группы понятий, к которой принадлежит слово, снабженное детерминативом (детерминативом является, например, показатель имени собственного) ²⁷.

Общее количество хеттских иероглифических знаков достигает 500. Сюда включаются все словесные и все фонетические (слоговые) и служебные знаки, а также древние знаки, вышедшие в дальнейшем из употребления, и знаки, имевшие ограниченное территориальное распространение.

Один и тот же знак может употребляться как логограмма, как силлабограмма и как детерминатив, например, знак, изображающий берущую руку, как логограмма значит «братъ» (фонетическое чтение ta-), как силлабограмма имеет чтение ta, как детерминатив употребляется перед глаголом пра- 'закладывать (основание)'

Наряду с термином «логограмма» большое распространение имеет термин «идеограмма», который связан с представлением о том, что знак передает понятие, а не слово, обозначающее это понятие. Но дело обстоит таким образом только в зачаточных формах письма, когда сообщаемое событие или ситуация фиксируются при помощи целой графической композиции или серии отдельных условных изображений, не определяющих слов и выражений, в которых данное сообщение будет изложено. Однако зачаточные формы хеттской иероглифики не засвидетельствованы. Письменность же в полном смысле слова, а именно такой письменностью является хеттская иероглифическая письменность, фиксирует не ситуацию, не идеи или понятия, а слова языка, и только через их посредство передает понятия, идеи. Следовательно, для знаков хеттской иероглифической письменности, как и для других развитых систем письма, как, например, клинопись, термину «идеограмма» следует предпочитать термин «логограмма», имеющий уже достаточно широкое распространение.

В некоторых случаях логограммы делят на пиктограммы и символы, причем под пиктограммами подразумевают знаки, чтение которых подсказывается характером изображаемого данным знаком предмета, а под символами — знаки для понятий, каким-то вторичным образом связанных с изображаемым предметом. Критерии такого деления очень субъективны, да и само деление относится скорее к сфере рекон-

²⁷ Служебные знаки помещаются при транслитерации над строкой, вплотную к слову, к которому относятся; детерминативы чаще пишутся в строку, как логограммы, но без соединительного дефиса; знак, указывающий на логограмму, изображается в виде подстрочных скобок, в которые заключается транслитерируемая логограмма, причем скобки ставятся в порядке, обратном обычному, — сперва скобка «закрывается», потом «открывается».

струируемой истории хеттской иероглифики, а не к области ее практического применения в древности. Более мотивировано введение особого термина (хотя обозначение «символ» и здесь не особенно удачно) применительно к знакам, служившим, как полагают, для написания имен собственных по ребусному принципу и не имевшим иного употребления (например, знак, имевший чтение *suppi* 'чистый?', в сочетании со знаком, читавшимся *lulia*- 'водоем?', применялся для ребусного написания имени хеттского царя Суппилулиумы: SUPPI-LULIA-má).

Иногда символами называют знаки для различных благожелательных слов («жизнь», «здоровье» и т. п.), встречающихся на печатях, но не входящих в текст легенды.

Логограммы могут быть простыми, из одного знака (например, ГОСПОЖА, ВЕЛИКИЙ), и сложными, составленными из двух и трех знаков; иногда эти знаки композиционно связываются между собой, образуя лигатуры. Сложные, или составные, логограммы соответствуют одному слову (например, ВЕЛИКИЙ + ГОСПОЖА = ЦАРИЦА). За исключением наиболее поздних текстов, слова чаще пишутся логограммами, чем слоговым образом. Общее количество логограмм, употребляемых в хеттской иероглифической письменности, в несколько раз превосходит число силлабограмм. Но повторяются логограммы сравнительно редко, а силлабограммы — постоянно.

Часто логограмма обозначает не одно слово, а два и более, например, одним знаком обозначаются соответственно слова «чаша» и «небо», слова «луна» и «месяц», слова «голова» и «человек», слова «нога», «идти» и «нести» и т. д. Характер связи различных слов, обозначаемых одним словесным знаком, мог не осознаваться писцами, зазубривавшими чтения знаков в школе, но с точки зрения истории хеттской иероглифики он представляет бесспорный интерес. Вопрос этот пока специально не изучен, но по уже имеющимся данным и по аналогии с другими более детально исследованными словесно-слоговыми письменностями можно предполагать, что слова, обозначаемые одним и тем же знаком, были либо связаны между собой этимологически или/и по значению, либо совпадали по звучанию, т. е. представляли собой омонимы (возможно, например, что слово «год» именно потому было обозначено знаком, изображающим сосуд, что слова «сосуд» и «год» были омонимами). Выбору нужного слова из числа обозначаемых данной логограммой помогает фонетический комплемент, например, знак, изображающий мужскую голову, с фонетическим комплементом *tí* (или *ta*) читается «человек», а с фонетическим комплементом *hi* — «голова» (фонетическое чтение *haḡtaḡhi*). Кроме словесных чтений, логограммы имеют доволь-

но часто и слоговые чтения, т. е. выступают и в качестве силлабограмм, например, знак СТУПНЯ имеет также чтения ta, ti, знак БЛАГО — чтение su, знак ПЕЧАТЬ — чтение sa₅ и т. д.

В принципе все силлабограммы произошли из логограмм. Это положение является бесспорным, но относительно путей приобретения словесными знаками слоговых чтений существуют разные точки зрения: довольно широко распространено мнение, что слоговые чтения образованы по акрофоническому принципу посредством выделения из словесных чтений начального слога (Ларош, Барнет, Холт). Гельб же рассматривает образование слоговых чтений по акрофоническому принципу как явление редкое и позднее и, опираясь на данные самой хеттской иероглифики, а также структурно близкой ей шумерской клинописи, с достаточным основанием настаивает на морфологическом принципе, в соответствии с которым при возникновении силлабограмм за знаком закреплялось в качестве слогового чтения его полное неусеченное словесное чтение, фонетически совпадавшее со слогом — так, например, слоговое чтение знака ri совпадает с морфемой ri- (форма глагола «давать», встречающаяся чаще, чем форма того же глагола ri-a-), а чтение знака tá — с морфемой ta-«брать» и т. д.

Силлабограммы в хеттской иероглифике появляются очень рано — почти все они уже могут быть обнаружены в памятниках хеттского Нового царства (XIV в. до н. э.), и их графическая эволюция прослеживается вплоть до конца существования хеттской иероглифической письменности (VIII в. до н. э.), причем неизменность их чтения подтверждается непрерывной письменной традицией; в тех немногих случаях, когда чтение знаков со временем изменяется, например, знаки, имевшие ранее чтение «t + гласный», приобретают чтение «г + гласный», причина этого явления лежит, по-видимому, за пределами письменности, так как изменение чтения вызвано скорее всего фонетическими сдвигами, происшедшими в языке.

Число наиболее часто употребляющихся слоговых знаков достигает 60. Из них около четверти сохранили и свои словесные чтения, т. е. встречаются также и как логограммы, остальные успели утратить словесное употребление. До сих пор дебатруется вопрос о том, характерны ли для хеттской иероглифики омофония (совпадение слоговых чтений разных знаков) и полифония (способность одного знака иметь несколько слоговых чтений).

И. Дж. Гельб опирается в решении этого вопроса на введенное им еще в 1931 г. понятие нормального хеттского иероглифического силлабария. Нормальный силлабарий основан преимущественно на надписях из Каркемиша и хеттских иероглифических письмах на свинцовых полосах, обнаруженных в Ашшуре. Это система с ограниченным числом знаков толь-

ко для открытых слогов, т. е. слогов типа «гласный» или типа «согласный + гласный», не передающих различия между звонкими, глухими и аспирированными согласными, а также между долгими и краткими гласными. Гельб не допускает в пределах этой системы существования слогов иного типа, а также омофонии или полифонии знаков. Небольшое число знаков, являющихся омофонами по отношению к знакам нормального силлабария, а также редкие ребусные написания вроде tra^{28} и aga , Гельб рассматривает вне нормального силлабария как имеющие местное происхождение и ограниченное применение.

Х. Т. Боссерт придерживался диаметрально противоположного взгляда на хеттский иероглифический силлабарий, считая, что он состоит из знаков, фиксирующих согласный с любым гласным (кроме u ; чтение «согласный + u » имеет отдельную серию знаков) или совсем без гласного. Следовательно, по Боссерту, разные знаки для данного согласного в сочетании с гласным являются омофонами, и каждый знак этого типа полифоничен, потому что может быть прочитан с любым гласным или вовсе без него; так, например, для каждого из трех знаков, которые Гельб читает соответственно как pa , pe и pi , Боссерт допускает чтения pa , pe , pi или p , получая таким образом три омофона, каждый из которых, являясь полифоничным, имеет по четыре чтения. Такая система письма не имеет прецедента, и маловероятно, чтобы могла существовать письменность, в которой было бы по четыре знака для одного и того же согласного, без гласного или с любым гласным, и чтобы это обстоятельство не было бы использовано для различения гласных в слоге.

Ларош полагает, что лишь первоначально каждый знак обладал постоянным значением, но затем, в течение веков, в пределах данной консонантной серии знаки, имевшие сперва один гласный коэффициент—либо a , либо e , либо i ,—стали проявлять тенденцию к смешению и взаимной замене; таким образом, в ряде случаев разные знаки с первоначально различными чтениями превратились в омофоны, т. е. знаки с одинаковым чтением, а знаки, имевшие первоначально по одному чтению, приобрели дополнительные чтения, стали полифоничны.

Ларош находит, что в хеттском иероглифическом письме в отдельных случаях проявляется тенденция к буквенному характеру письменности, т. е. к употреблению слоговых знаков для обозначения одних согласных, без гласных. Так, например, он полагает, что знак tu возник из сочетания знака ta/ta (воспринимавшегося, очевидно, как обозначение t , без гласного) со знаком u (о буквенном применении слогового знака ti для t говорит и Мериджи). Поэтому Ларош отно-

²⁸ См. ниже, примечание к стр. 65.

сится к теории Боссерта с долей сочувствия и даже сам признает в двух случаях явление частичной полифонии, не распространяющейся однако на согласный, который остается постоянным, в то время как гласные могут быть различными или даже отсутствуют вовсе (га, ги, г и lá li, lu). Существование такой полифонии, когда один знак имеет чтения с различными согласными, как, например, предлагаемые Боссертом чтения sag и tag, та и га, Ларош категорически отвергает. Кроме того, он настоятельно рекомендует, и тут с ним полностью солидарны Гельб и Мериджи, не следовать системе транслитерации хеттских иероглифических знаков, принятой Боссертом, так как во избежание субъективных толкований чрезвычайно важно адекватное отражение каждого знака, и поэтому в транслитерации одинаковая передача разных знаков с одним и тем же начальным согласным совершенно неприемлема, даже если допустить, что они действительно читаются одинаково (транслитерация должна воспроизводить графический облик текста, т. е. давать возможность восстановить первоначальный хеттский иероглифический текст знак за знаком).

В целом Ларош, и не он один, полагая, что время для окончательных суждений еще не пришло, занимает в понимании омофонии и полифонии промежуточное положение между Гельбом и Боссертом. В связи с этим Ларош, хотя и выделяет нормальный силлабарий, в котором приводит 49 знаков с чтениями типа «гласный» или типа «согласный + гласный», но дополняет его перечнем из 60 с лишним более редких, не вполне достоверных или составных знаков, в который входят и знаки с чтениями типа «гласный + согласный» и типа «согласный + гласный + согласный», а также типа «согласный» (без гласного). Число знаков в этом перечне значительно больше, чем в списке редких и ребусных написаний Гельба, так как в ряде случаев словесные чтения приняты за слоговые, а слоговым знакам в роли грамматических показателей придано буквенное значение.

Так как знаки сами по себе могут иметь как слоговое, так и словесное чтение, то исследователи иногда расходятся в их определении. Это касается случаев, когда знаки встречаются только в начальной позиции, т. е. на первом, втором или даже третьем месте в слове, и не засвидетельствованы на четвертом и последующих местах. Гельб в принципе не считает возможным а ргіогі принимать для таких знаков слоговые чтения, потому что эти знаки могут представлять собой логограмму или часть составной логограммы. Возьмем в качестве примера знак ДЕД, имеющий фонетическое чтение huha и стоящий всегда в начале слова; этот знак встречается в разных сочетаниях, например: ДЕД-ti-a и ДЕД-há-s(a); Гельб в обоих случаях рассматривает этот знак как логограмму,

а знак, следующий за ним, как фонетическое дополнение, помогающее чтению логограммы; при этом *ti* показывает, что основу слова следует читать [huhati-] («прадед»), и в транслитерации это может быть обозначено *huhati-ti-*, а *ha* — что основу слова следует читать [huha-], в транслитерации *huha-ha-*; Ларош, однако, только первый случай понимает так же, как Гельб, а в следующем, исходя из того, что второй знак имеет чтение *ha*, а чтение слова в целом звучит *huha-*, выводит для первого знака слоговое чтение *hù* (тяжелое ударение в транслитерации показывает, что это третий омофон с таким чтением). Но следуя такой методике, можно, производя «вычитание» фонетического дополнения, из любой логограммы получить неограниченное число силлабограмм, представляющих собой фонетические чтения слогов любого типа и даже двусложные чтения. Естественно, что и количество омофонов может быть таким образом произвольно увеличено.

Другим источником получения мнимых чтений, притом чтений буквенных, является неправомерное отождествление функции знака с его чтением; так, например, знаку *sa* придается чтение *s* на том основании, что он часто встречается на исходе слова в функции показателя именительного падежа *-s*. Но ведь никому не приходит в голову придавать, например, хеттским клинописным слоговым знакам *ki* и *za* соответственно чтения *k* и *z* на том лишь основании, что первый знак встречается на исходе повелительной формы глагола *link-* 'клясться' — *li-in-ki* 'клянись!' (наряду с написанием *li-in-ik* читается в обоих случаях [link]), а второй (так же, как хеттский иероглифический знак *sa*) употребляется в функции показателя именительного падежа *-s* (в исходе слов с основами на согласный +*t*), например, *hu-u-ma-an-za* 'каждый', *ka-a-aš-za* 'голод' (читаются [**hūmant-s*] и [**kast-s*]).

Слоговые знаки хеттской иероглифики могут употребляться трояким образом:

1. При слоговом написании целых слов, например, *á-tà-tu-u* 'пусть съедят'.

2. В качестве фонетических дополнений (называемых также фонетическими комплементами или, реже, фонетическими индикаторами), которые указывают, как следует читать предшествующую логограмму, например, ЧЕЛОВЕК-*tá* (фонетическое чтение неизвестно) 'человек', ЧЕЛОВЕК-*hi* [harmahi] 'голова' (логограмма для обоих слов одна и та же — знак, изображающий мужскую голову).

3. Для написания грамматических окончаний слова, например, ЕСТЬ-*tu* [atatu] 'пусть съест' (*-tu* — окончание 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения).

Граница между фонетическим комплементом и грамматическим окончанием может не быть проведена: в слоговой знак

может одновременно входить звук, относящийся к основе слова и являющийся фонетическим дополнением, и звук, относящийся к грамматическому окончанию, например, БОГ-па [*masana] 'богу', 'для бога' (здесь па — фонетический компонент к основе [*masana-], но -а вместе с тем — окончание дательного-местного падежа единственного числа), ТАРХУ-һу-та-а [Targhunta] '[богу] Тархунту' (здесь к фонетическому компоненту относятся һу и начало знака та, а конец знака передает грамматическое окончание, то же, что и в предыдущем примере)²⁹.

Выясненное в процессе дешифровки чтение хеттских иероглифических знаков, передаваемое при помощи транслитерации, дает нам достаточно полные сведения о хеттской иероглифической письменности, но приобретаемое нами благодаря знакомству с письменностью представление о звуковом составе языка хеттских иероглифов весьма приблизительно, и не столько из-за недостаточной полноты наших знаний хеттского иероглифического письма, сколько потому, что письменности вообще, даже современные алфавитные, в силу ряда причин не являются и не могут являться средством адекватной передачи звуков фиксируемых ими языков, а менее совершенным словесно-слоговым системам древности такая передача свойственна в еще меньшей степени. Вследствие этого для выяснения звукового состава языка хеттских иероглифов должны быть проведены дополнительные исследования, результаты которых, будучи даны уже не в виде транслитерации, а в виде фонетической транскрипции хеттских иероглифических памятников, смогут служить материалом для детального изучения языковой структуры.

IV. КРАТКИЙ ОЧЕРК ЯЗЫКА

1. ПИСЬМО И ФОНОЛОГИЯ

Положительной стороной транслитерации по знакам является высокая точность воспроизведения текста, позволяющая адекватно восстановить написание подлинника. Но такая транслитерация имеет и отрицательную сторону — недостаточную обозримость языкового материала. Чтобы добиться лучшей обозримости, которая особенно важна в работе, рассчитанной на широкий круг читателей, в настоящем очерке используется сокращенная «слитная» транслитерация, употребляемая, в частности, в словарях. В основе ее лежат чтения иероглифических знаков в соответствии с тем или иным списком (мы принимаем, как самый новый и наиболее полный), список Ла-

²⁹ В хеттских иероглифических памятниках имя бога Тархунта встречается в различных формах, см. ниже, стр. 65, прим. 41.

роша³⁰), но слоговые чтения знаков в пределах слова пишутся слитно, т. е. без дефисов; присутствие знаков для гласных, совпадающих с гласным предыдущего слога, обозначается значком ^ над гласным слога; диакритические значки и цифровые индексы, принятые при транслитерации по знакам, опускаются, кроме случаев, когда они служат для дифференциации близких, но разных фонем (например, а и ā, s и š); не передаются также иероглифические служебные знаки — слово-разделители и специальные показатели логограмм; как и в транслитерации по знакам, перевод значения логограмм на русский язык дается прописными буквами; фонетический комплемент соединяется с логограммой дефисом (когда вслед за логограммой следует ее полное фонетическое чтение, дефис между ними не ставится; если неясно, следует за логограммой фонетический комплемент или полное фонетическое написание логограммы, дефис берется в круглые скобки). Непроизносимые гласные (если они выявлены)³¹ и графически не обозначенные, но реконструируемые согласные, а также энклитические частицы (если нужно показать границу слова) и звуки или слоги, встречающиеся в одних написаниях данного слова и отсутствующие в других, берутся в круглые скобки.

Следует, однако, иметь в виду, что слитная транслитерация, будучи производной от транслитерации по знакам, в смысле точности передачи звукового облика слов ни в чем ее не превосходит, и следовательно, так же, как и она, не является фонетической или фонологической транскрипцией³².

Как уже было сказано, фонологическая система языка едва просматривается сквозь иероглифическую словесно-слоговую письменность. Выявление фонемного состава требует тонкого анализа различных колебаний в написаниях, а также исследования написаний разных форм одного и того же слова. Приходится привлекать и факты близкородственных языков, лувийского-клинописного и ликийского. Такая работа требует большой тщательности и обычно наталкивается на значительные трудности, из которых первой и главной является необходимость каждый раз решать, имеем мы дело с чисто графиче-

³⁰ Список чтений хеттских иероглифов по Ларошу см. в Приложении 1 Г. В соответствии с высказанными выше замечаниями по поводу чтений Лароша, все знаки, в том числе и те, которые Ларош в отдельных случаях трактует как буквенные (г, а также s и n), транслитерируются только как слоговые (га или gi, са и па). За немногими исключениями, снабженными соответствующими примечаниями, слова, в написание которых входят знаки с неизвестным или спорным чтением, а также слова, значение которых не выяснено, в качестве примеров не используются.

³¹ Немые гласные падежных окончаний Ларош обычно опускает, здесь же они будут взяты в скобки, как и немые гласные внутри слова.

³² Образцы хеттских иероглифических текстов с их транслитерацией по знакам и слитной транслитерацией см. в Приложении 2, А и Б.

ческой непоследовательностью или с отражением фонетического явления. Так, когда оказывается, что в билингве из Каратепе слоговой знак с начальным г употребляется параллельно со знаком с начальным t в одних и тех же словах, например, para- и pata- 'нога', tari- и tati- 'отец', Asitawara- и Asitawata- (имя собственное — финик. 'ztd), то немедленно возникает альтернатива: либо соответственный знак имеет два чтения «г + гласный» и «t + гласный» и перед нами явление полифонии знака, либо налицо фонетический переход интервокального t в г (ротацизм); в данном случае каждая точка зрения имеет своих сторонников, первая — Боссерта и Штейнгера, вторая — Мериджи и Фридриха. Однако оценка перехода t в г как явления фонетического подтверждается рядом примеров (см. ниже, стр. 66) и, казалось бы, могла бы считаться бесспорной. Существует тем не менее ряд случаев, требующих более осторожного подхода.

Определение соотношения фактов графики и фонетических явлений, за неимением других данных, должно опираться на наблюдения над родственными языками (в ряде случаев над позднетолувийскими — ликийским, лидийским и карийским). Если данное явление наблюдается и в родственных языках, записанных с помощью совсем другой графической системы, то можно с достаточной уверенностью считать, что это явление фонетическое, а не чисто графическое. Так обстоит дело отчасти с вопросом о носовых гласных (см. ниже, стр. 60—61), с колебаниями в написании -wa-/u-, -ia-/i- (см. стр. 62), с выявлением п и т, опускаемых в написании перед согласным (стр. 63), с переходом основ па -a- в основы на -i- и с колебаниями -a-/i- в пределах одной парадигмы (стр. 64). Но если данное явление было специфичным только для фонетики языка хеттских иероглифов, то отличить его от чисто графической непоследовательности или орфографического приема очень трудно. Таким образом, следует иметь в виду, что наши представления о фонетике языка хеттских иероглифов пока весьма приблизительны.

Хеттская иероглифика, в той мере, в которой она изучена, позволяет выявить для фиксируемого ею языка следующий фонемный состав:

а) Гласные: а, ā, і, ī, u.

Хеттские иероглифические знаки для гласных а и і имеют соответственные пары, которые отличаются от них по внешнему виду только тем, что подчеркнуты двумя короткими черточками. Эти подчеркнутые знаки обозначают звуки, близкие тем, которые обозначаются неподчеркнутыми знаками, но имеющие от них какое-то отличие. По мнению Боссерта и Грозного, это отличие состоит в большей длительности, и поэтому подчеркнутые знаки следует обозначать соответ-

ственно а и і. Гельб полагает, что здесь дело не в долготе, а в носовой окраске (см. ниже), и пользуется для подчеркнутых знаков обозначением \bar{a} и \bar{i} . Ларош и Мериджи не присоединяются ни к одной из приведенных точек зрения, но и своей не предлагают, а транслитерацию \bar{a} и \bar{i} применяют как условное обозначение гласных, имеющих какое-то, пока не установленное фонетическое отличие от а и і (в этом же значении транслитерации \bar{a} и \bar{i} будут употребляться нами ниже).

Гельб выдвинул довольно убедительную теорию о том, что в языке хеттских иероглифов, помимо гласных а, і, и, существовал также гласный е, и что все гласные имели носовые соответствия — \bar{a} , \bar{e} , \bar{i} , \bar{u} ; однако этот взгляд не стал общепризнанным³³.

Теория Гельба о носовом характере гласных опирается: (1) на установленное им чередование написаний со знаками серии \bar{a} , \bar{u} , \bar{i} , \bar{e} , т. е. а, е³⁴, і, и, и появляющихся впервые в более поздних надписях из Каркемиша написаний со знаками серии \bar{a} , \bar{e} , \bar{i} , \bar{u} ³⁵; (2) на наблюдения над существующими в других языках способами графической передачи носовой окраски гласных (в частности, при помощи гласного е³⁷) и (3) на грамматические и этимологические соображения. Гельб показал, что, например, х.-и. *aiata* соответствует по форме и значению лув. *ajata* 'делает', а х.-и. *aiāta* — лув. *aĵanta* 'делают', х.-и. *riātu* — х.-и. *riantu* 'пусть дадут' и т. д. Примеры такого рода несомненно говорят в пользу гипотезы Гельба. Однако гласные знаки второй серии нередко встречаются и в таких словах, где присутствие носовых не может быть объяснено грамматическими или этимологическими соображениями. Так, наряду с закономерным неносовым окончанием -а дательного-местного падежа засвидетельствовано написание того же окончания с этимологически неуместным здесь гласным знаком второй серии - \bar{a} , например, в именах

³³ Рассматривая вопрос об е, нужно иметь в виду, что и в хеттских-неситских текстах е и а чередуются иногда без каких-либо видимых фонетических или морфологических причин, а также наблюдаются частые колебания в написании е и і, даже в тех относительно редких случаях, когда клинопись располагает средствами их четкой дифференциации.

³⁴ Знак, транслитерируемый Гельбом, е, Мериджи обозначает \bar{a} , Ларош — \bar{i} .

³⁵ Соответственный знак Гельб считает не установленным.

³⁶ Знаки второй серии транслитерируются в настоящем перечне по Гельбу; также по Гельбу дается транслитерация соответственной группы примеров (таблицу слоговых чтений хеттских иероглифов по Гельбу см. в Приложении I Б). Ларош и Мериджи вместо \bar{a} и \bar{i} употребляют \bar{a} и \bar{i} , вместо \bar{e} — і.

³⁷ Гельб полагает, что дополнительный значок в виде двух черточек у основания знаков для а и і восходит к подписанному знаку для е, служившему средством передачи носовой окраски звука.

собственных БОГИНЯ Курарā(-ha), или Katuwā (имя собств.); далее, наряду с закономерной формой 1-го лица единственного числа настоящего времени от глагола aia- 'делать' — aīawa встречается незакономерная форма — aīāwa, или соответственно для 1-го лица единственного числа прошедшего времени вместо aīaha — aīāha; и т. д. Эти и подобные им примеры, которые Гельб рассматривает как вторичное употребление носовых гласных, в какой-то мере нарушают стройность его концепции, так же как и отмечаемый им факт преобладания таких случаев, когда назализация никак не выражена, т. е. знаки второй серии отсутствуют там, где по всем данным надлежало бы быть носовым гласным. В качестве примеров можно привести написания имен собственных Halpa-pa-ru-ta-ā-sa при х.-н. Kalparunta, E-ra-pu-wa-ta при Arnu-nū-wa-ā-sā и х.-н. Arnuwanta и др., а также причастия на -(n)t- и формы 3-го лица множественного числа настоящего и прошедшего времени и повелительного наклонения (кроме некоторых написаний соответственных форм глагола aja)³⁸.

С другой стороны, все большее число сторонников приобретают соображения Гельба о том, что различие между краткими и долгими гласными в языке хеттских иероглифов не проводится, так как написания типа ta-a встречаются в словах, где этимологически не ожидается долгота, и свободно чередуются с написаниями типа ta, например: a-mu-u(-a) и ā-mu(-wa-mi-a) 'я', a-r(a)-ha-a и a-r(a)-hā 'от', ДИТЯ pa-mu-wa-a-i-s(a) и ДИТЯ pā-mu-wa-i-s(a) 'сын', ДИТЯ-pa-a-sa(-wa-sa) и ДИТЯ-pa-s(a) 'ребенок', Ka-ma-pa-a-s(a) и Ka-ma-pa-s(a) (имя собственное);

б) Согласные: p, m; t, n; два звука типа s (s и š), а может быть и более, так как наличие z — аффрикаты типа русского «ц» — считается спорным: некоторые полагают, что соответственные знаки обозначают не слоги с z, а слоги с согласными типа s или t; k, h или ḫ; l, r и w; Гельб полагает, что, кроме перечисленных согласных, в языке хеттских иероглифов существовал и отражался в графике еще один дыхательный звук типа h, ḥ или ḫ, обозначаемый им ' ; Ларош из сопоставления с финикийскими написаниями делает вывод, что это мог быть слабый гласный приступ.

Глухие и звонкие согласные на письме не различаются; была ли такая дифференциация в языке — остается неясным.

Так как иероглифика не располагает средствами для фиксации отдельного согласного или сочетания «гласный + согласный», а передает только сочетание «согласный + гласный», то ни стечение согласных, ни конечный согласный (без гласного) выражены специально быть не могут, отсутствуют и

³⁸ См. стр. 82—83.

какие-либо специальные приемы, которые бы служили для выражения удвоения согласных (как, скажем, повтор знака с соответственным согласным), поэтому удвоение согласного, фиксируемое в клинописи, в хеттской иероглифике отражения не получает, например, х.-и. *Ha+ga-na* — х.-н. *Ḫarrana* 'Харран' (название города), х.-и. *Ku-ku-ni* — х.-н. *Kukkupis* (имя собственное). Это, однако, не значит, что и в языке все слогн, в том числе и конечные, были открытыми. Сопоставление разных форм одного слова и сравнение с родственными языками помогает в некоторых случаях реконструировать реальные чтения, выявить писавшиеся, но не произносившиеся («немые») гласные и обнаружить в словах стечения согласных, а также конечные согласные. Легче поддаются анализу написания имен собственных, известных также из других источников, преимущественно клинописных. Так, х.-и. *Manamasu* соответствует кл. *Amaṃaṣu* и, следовательно, должно транслитерироваться *Man(a)masu* и читаться [*Manmasu*], х.-и. *Tarakina* — кл. *Tarkinna* — транслитерируется *Tar(a)kina* и читается [*Tarkina*], х.-и. *Takuhili* — кл. *Takuhli* — транслитерируется *Taku(h)li* и читается [*Takuhli*], х.-и. *Ahilatisapasa* — кл. *Eḫli-Teṣub* — транслитерируется *Ah(i)latisapas(a)* и читается [*Ahlatisapas*].

Отмечается ряд графических колебаний, за которыми могут стоять фонетические явления.

Колебания в написании гласных

1. -wa-/u-, например: *wasa-* 'быть благосклонным, почитать': *usanuwa-* 'благословлять', *wasinasi-* : *usinasi-* 'раб?', *as(u)wa-* : *asu-*³⁹ 'лошадь'.

2. -ia-/i-, например: *aia-* : *ai-* 'делать', *pia-* : *pi-* 'давать', *Asitiawatas(a)* : *Asitiwatas(a)* — имя собств., *amia-* : *ami-* 'мой', *apia* : *api* 'там'.

3. Отпадение начального а-, например: *awa* : *wa* 'и', *apa* : *pa* 'тот', *as(a)-* : *s(a)-* 'быть'.

4. Чередование написаний с *u* и написаний с *a*, например: *tarus(a)-* : *taras(a)* 'изображение', *Saruma-* : *Urhi-sar(a)ma*, *-Tisupa-* : *-Tisapa-* — имя божества (например, *Ah(i)la-tisapa-* — имя собств.).

5. В значительном числе случаев в исходе слов, оканчивающихся не на -а, присутствует «лишний» знак а или à (или даже изредка оба знака вместе); этому даются разные объяснения: Мериджи видит здесь явление сандхи — «лишний» гласный а появляется, когда следующее слово начинается с гласного; Ларош же считает, что знак à играет здесь исключительно орнаментально-графическую роль, т. е. служит для заполнения пустого места, оставшегося под последним знаком

³⁹ См. ниже, стр. 88.

столбца; наконец, Миттельбергер, пытаясь примирить обе эти точки зрения, полагает, что *â* первоначально употреблялось для обозначения фонетического явления (сандхи), впоследствии же, когда это явление утратило свое значение, стало возможным орнаментальное употребление соответственного знака (точка зрения Боссерта о том, что конечное *-â* после слоговых знаков на *-i* меняло чтение их гласного на [o], не нашла сторонников).

Особенности и колебания в написании согласных

1. *g*- не встречается в начале слова.

2. *h*- в начале слова перед гласным иногда не пишется, например: Al(a)ra^{ГОРОД}-, ср. х.-н. Halra 'Алепно' (город), Amatu-, ср. акк. Hamātu 'Хама' (город), ХЛЕБ ar(a)sina, ср. х.-н. ^{NINDA}harsi- 'толстый хлеб, чурек'.

3. Не пишутся в ряде случаев внутри слова:

1) *-w-* иногда не пишется между гласными, например: pipata, ср. pipawata, Tāmaniti^{ГОРОД}, ср. Tamawaniti, ДИТЯ pinai, ср. ДИТЯ piwani/a-.

2) *-i-* (в данном случае неслогообразующее, т. е. *j*) не пишется иногда в формах глагола aia- 'делать', например, ās(a).

3) *-h-*, ср. БОГ Nikar(a)wasa и БОГ Nikaruhasa (имя собств.).

4) *-r-*, ср. hatuas(a) и hatuar(a)s(a) 'письмо' (так как слоги, содержащие *r*, обозначаются в иероглифике так называемым «шипом», т. е. наклонной черточкой, образующей лигатуру с предыдущим знаком, то отсутствие *r* может быть следствием описки).

4. Можно привести отдельные примеры, когда конечные согласные не обозначены:

1) *-s* (+ немой гласный), представляющий собой окончание именительного падежа, в текстах примерно одного времени может, присутствуя в одних случаях, иногда отсутствовать в других, например: mitis(a) и miti 'слуга', ДИТЯ pamiwais(a) и ДИТЯ pamiwai 'сын' и др. На печатях окончание именительного падежа имен собственных вообще не употребляется, они всегда лишутся в форме чистой основы.

2) *-n* в исходе слова, насколько можно судить по окончанию винительного падежа единственного числа общего рода *-n*, отражается на письме при помощи слогового знака «п + (немой) гласный»; некоторые колебания возникают, однако, перед энклитическими частицами.

3) *-n-* и *-m-* перед согласными не обозначаются (или

систематически ассимилируются ими) и выявляются в этом положении только путем сравнения с родственными языками.

5. Написания фиксируют чередования отдельных звуков:

1) k и h, например: Sar(a)ku (дат. пад. имени собств.) и ^{БОГ}Sar(a)hu(n)tas(a) (под. пад.), ka(n)tis(a) и ha(n)tis(a) (титул).

2) t и l, например: ГОВОРИТЬ laman(a)- 'называть' и atima(n)- 'имя'; ЗЕМЛЯ-wali- и ЗЕМЛЯ-wari < *ЗЕМЛЯ-wati 'область, равнина'.

6. Ассимиляция t перед i в языке хеттских иероглифов, так же как в лувийском-клинописном и палайском, не происходит, так что, например, глагольное окончание 3-го лица единственного числа настоящего времени -ti остается неизменным (в отличие от хеттского-неситского, где оно вследствие ассимиляции превратилось в zi).

2. МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

Словообразование

ОСНОВЫ ИМЕНИ

Выяснение основ имени языка хеттских иероглифов наталкивается на препятствия, связанные со степенью изученности хеттского иероглифического письма и с особенностями его системы. Так, в некоторых случаях отсутствует общее мнение о том, какой именно гласный передается тем или иным слоговым знаком, или для одного знака принимаются чтения с различными гласными, например, ta и ti (или te). Это затрудняет классификацию основ на гласный (например, основы некоторых имен, в зависимости от чтения, которое предлагается для фиксирующего их знака, рассматриваются одними авторами как основы на -a-, а другими как основы на -i-, ср. wīāpa- 'вино', tar(a)kas(a)pa-, 'осел?', wawa- 'бык' — по Ларошу, и wīāpi-, tar(a)kas(a)pi-, wawī- — по Миттельбергеру, и т. п.). С другой стороны, свойство хеттской иероглифики фиксировать только открытые слоги приводит к тому, что для выявления согласных основ приходится всякий раз доказывать, что гласный, следующий за основообразующим согласным, хотя и обозначен на письме, но является немым, т. е. отсутствует в языке. Основанием для такого доказательства служит преимущественно сопоставление с родственными языками, главным образом с лувийским, так что мы практически имеем дело с реконструкцией. Задача дифференциации производных

и производных основ в большинстве случаев не ставится, так как этимология имени почти не разработана.

В целом структура основ языка хеттских иероглифов близка структуре хеттских-неситских и, в особенности, лувийских основ: как и в лувийском, в языке хеттских иероглифов большое распространение имеют основы на -i- (некоторые имена колеблются, выступая то как основы на -a-, то как основы на -i-, например: agupa- и aguni 'еда', 'есть', rana- и rani- 'дом', rata- и rati- 'нога', tur(a)pa- и tur(a)pi- 'хлеб', ham(a)sa- и ham(a)si- 'внук' и т. д.). Как и в лувийском, в языке хеттских иероглифов не засвидетельствованы имеющиеся в хеттском-неситском гетероклитические основы на -r-/p-.

Установлены следующие типы именных основ:

1) на -a-, например, asa-, asana- 'стул', kaḡana- 'амбар', tanata- 'стена, постройка', huḡa 'дед', sasa(i)- 'печать';

2) на -i-/ia-: в некоторых случаях наряду с падежными формами от основы на -i- встречаются также формы, образованные от основы на -ia-, например, tur(a)pi- 'хлеб', har(a)maḡi- 'голова', miḡi(a) 'слуга', tati(a)- 'отец, отцовский', группа причастий и отыменных существительных на -mi-, например: has(a)mi- 'род', usaniwami- 'почитаемый', БОГ-ДОМ-mi- 'храмовый' и т. п.;

3) на -u-/uwa-: в некоторых случаях наряду с падежными формами от основы на -u- встречаются формы, образованные от основы на -(u)wa-, например, asu-/as(u)wa- 'лошадь, конница', wasu- 'благо' (часто как наречие);

4) на -i-, -(a)i, например, pamiwaḡ- 'сын', sapawa-/aḡi- 'добро, добрый', uḡa-/uḡai- 'большой', karkamiḡi- 'каркемишский', al(a)raḡi- 'из Хальпы (т. е. алеппский)', atanawaḡi- 'из Аданы, Атанавы (т. е. аданский, или атанавский)'⁴⁰;

5) основы на согласный могут быть выявлены в единичных случаях, например, в форме дательного-местного падежа имени собственного Tarḡu(n)t-⁴¹ — Tarḡu(n)t-a (п реконструиро-

⁴⁰ В. В. Шеворошкин считает, что -aḡi часто восходит к *-alli, и полагает, что для языка хеттских иероглифов это подтверждается формой БОГ-ā-ī (*mas(a)paḡi), встречающейся в надписи из Фрактина (С) и соответствующей лув. maspaḡi- 'божий' (однако контекст неясен).

⁴¹ Основа имени бога Тархунта пишется двояко: 1) логограммой с фонетическим элементом hu — ТАРХУ-hu; 2) фонетически, по принципу ребуса, причем употребляемая для ребусного написания логограмма tra ('три') снабжается фонетическим элементом ga, за которым следует слоговой знак hu — Тра-га-hu (такая интерпретация предложена Гельбом; Мериджи и Ларош рассматривают лигатуру tra+ga как слоговой знак tag и соответственно транслитерируют Tag-hu-). Судя по фонетическим элементам, встречающимся в различных написаниях имени бога Тархунта, основа этого имени употреблялась без суффикса (Tarḡu-), с суффиксом -i- (Tarḡuḡi-), с суффиксом -(n)t- (Tarḡu(n)t-) и с суффиксом -(n)ti- (Tarḡu(n)ti-), поэтому для логограммы принята транслитерация ТАРХУ.

вано) '[богу] Тархунту' (в транслитерации по знакам—ТАРХУ-
-hu-ta-a); обычно же основы на согласный выступают в расши-
ренном виде, с присоединением суффикса -i- или -a-, и
практически должны рассматриваться как основы на -i- или
на -a-, например, tarus-a- 'статуя, изображение', taras-a- 'не-
бо', Tarhu(n)t-i/a- (имя божества), sar(a)lat-a- 'возлияние',
ЗЕМЛЯ(-)wat-a/i- 'область, страна, равнина'.

Большую группу согласных основ составляют причастия на
-(n)t(a)- или -(n)t(i)- (n реконструировано), например, КУЛАК-
-lami(a)n)t(a)- 'укрепленный', wasa(n)t(i)- 'удостоенный благо-
склонности', walla(n)t(a)- 'возвеличенный'. При этом основы
на -nt- и основы на -t- графически не различаются, так как п
перед t не обозначается; однако существует точный критерий
для их дифференциации — это ротацизм, которому подвер-
гается только интервокальное t, так, например, имя собствен-
ное СОЛНЦЕ(-)wata- имеет вариант с суффиксом причастия -mi-,
с которым оно встречается не только в формах с -t-, но и в фор-
мах с -r- (вместо -t-), т. е. СОЛНЦЕ(-)watami- и СОЛНЦЕ(-)
warami-, — здесь ротацизм свидетельствует о том, что перед
нами основа на -t-, а не на -nt-.

СУФФИКСЫ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕННЫХ ОСНОВ

Суффиксы имени языка хеттских иероглифов еще не стали
предметом специального изучения. В предварительном поряд-
ке могут быть выделены следующие суффиксы:

1) -la- — образует существительные от существительных
(характер изменения значения основы при присоединении суф-
фикса не установлен), например: wawala- 'бык' от wawa-, с
тем же значением, as(a)tarala- 'трон' от as(a)tara-, с тем же
значением;

2) -wani/a- — образует имена, производные от топонимов,
например: Asura^{СТРАНА}-wani^{ГОРОД}- 'ассириец', Haranawani^{ГОРОД}-
'харранец', ХАЛЬПА-rawani- 'житель Хальпы, Алеппо;
алеппинец', Kur(a)kumawani^{ГОРОД}- 'гургумец', Atanawani- (ве-
роятно, из *Atanawa-wani-) 'аданец, атанавец';

3) -sara/i- — образует существительные, обозначающие лиц
женского пола, например: hasusara/i- 'царица', panas(a)ra/i-
'сестра'; при помощи этого же суффикса образованы суще-
ствительные kutasara/i- 'стена' и sapisara/i- 'благо'; знак,
имеющий вид наклонной черты, читается, по-видимому, не
только как ra, но и как ri; быть может, применительно к суф-
фиксам (см. также суффиксы -s(a)tara/i- и -ta/i-, ra/i-) следует
выбрать второе чтение, так как в языке хеттских иероглифов,
как и в лувийском, основам на -i- оказывается явное пред-
почтение перед основами на -a-, причем и распределение ос-
нов на -i- и на -a- в языке хеттских иероглифов обычно со-

гласуется с распределением основ в лувийском (в отличие от хеттского-неситского);

4) -(a)li- — образует прилагательные и субстантивированные прилагательные от существительных, например: tatali- 'отцовский' от tati- 'отец', tapar(a/i)ali- 'повелитель' от tapara/i- 'власть, приказ, повеление', tuwatali- 'сильный, могущественный' от tuwata- 'сила, мощь, мужественность';

5) -s(a)tara/i- — образует существительные от прилагательных, например: haniātas(a)tara/i- 'зло, скверна' от haniata- 'плохой, плохо', sanawas(a)tara/i- 'благо, добро' от sanawa- 'хороший, благой';

6) -ta/i-, -ga/i- — образует существительные от глаголов, существительных и прилагательных, например: sar(a)lata/i- 'возлияние' от sar(a)la/ia- 'делать возлияние', wasaga- 'почитание' от wasa- 'почитать', sura- 'изобилие, насыщение' от su- 'наполнять', taparata- 'власть, государство' от tapara/i- 'власть, приказ, повеление', tuwata- 'сила, мощь, мужественность' от tuwa- с тем же значением, sanawara- 'благо, благополучие' от sanawa- 'хороший, благой';

7) -(a)si/a- — образует прилагательные от существительных, например: atahasi- от *ataha- 'преисподняя', wianisa- от wiāni- 'вино', ГОРОД-mināsi- от ГОРОД-mini/a- 'город'; ОСНОВАНИЕ humatasi- от humati- 'основание, цоколь', ЧЕЛОВЕК har(a)mahasi- от har(a)mahi/a- 'голова', НЕБО-si/a- от tapasa- 'небо', tuwar(a)sasi- от tuwar(a)si/a- 'виноградная лоза', БОГ Sa(n)tasi- от имени собственного божества Sa(n)ta-, БОГ Kar(a)huhasi- от имени собственного божества, Kar(a)huha-, Tuwatisa- от имени собственного Tuwati-;

8) -i- — образует прилагательные от существительных, например: atimai- от atima- 'имя', Al(a)rai- 'алеппский' от названия города Al(a)ra- 'Хальпа', Atanawai- 'атанавский' от названия города Atanawa- 'Адана, Атанав';

9) -(n)ta/i- — не отличается в написании от суффикса -ta/i-; критерием их дифференциации является ротацизм, которому может подвергаться t второго суффикса (как интервокальное), а также употребление -(n)ta/i- при образовании причастий, где реконструкция по сравнительно-лингвистическим соображениям является бесспорной; кроме того, соображения, опять-таки вытекающие из сопоставлений с родственными языками, дают основания полагать, что суффикс -(n)ta/i- представлен в именах собственных типа Tarhu(n)ti-, Ruwa(n)ti- и т. п. и в некоторых прилагательных, образованных от существительных, например: huha(n)ti- 'дедовский' (также 'прадед') от huha- 'дед', ЖЕНЩИНА-tia(n)ti- 'женский' от ЖЕНЩИНА-nati(a)- 'женщина', МУЖЧИНА-tia(n)ti- 'мужской' от МУЖЧИНА-nati(a)- 'мужчина';

10) -mi- — служит для образования пассивных причастий

прошедшего времени от переходных глаголов, как, например, *asimi* 'любимый' от *asi* 'любить' (аналогичные причастия существуют в лувийском, но отсутствуют в хеттском-неситском), а также выступает как суффикс, образующий прилагательные от существительных, например, СОЛНЦЕ(-)*watami* (имя собственное) 'Относящийся к богу Солнца; Солнечный'.

Склонение

Имя в языке хеттских иероглифов имеет два рода — общий и средний, два числа — единственное и множественное, пять падежей — именительный, родительный, дательный-местный, винительный и отложительный-творительный (предположительно выделяется также звательный падеж в форме чистой основы).

Падежная флексия

	Ед. число	Мн. число
И. общ.	-s ⁴²	-i
В. общ.	-n ⁴²	-i
И.-В. ср.	-i	без ок.; -a, -ā; -i
Р.	-as; (-sis ⁴³)	-as
Д.-М.	без ок.; -a, -ā; -i	-i
О.-Т.	-(a)ti	-(a)ti

Приведем для сравнения падежные окончания других хетто-лувийских языков — лувийского, ликийского, хеттского-неситского и палайского.

	Лувийский		Ликийский	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
И. общ.	-s	-nz-i	без ок.	?
В. общ.	-n, -an	-nz-a	-ā/u(<*-n)	-as(<*-ans)
И.-В. ср.	без ок.; -an	-a		-a, -ija
Р.	нет	(-nz-an?)	нет	-āi
Д. } М. }	-i, -ija }	-nz-a }	-i/a }	-a/-e
О. } Т. }	-ati }	-nz-ati }	-di }	?

⁴² Гласный, входящий в чтение слогового знака, фиксирующего падежные окончания на -s и на -n, который в примерах как произносимый берется в скобки, в парадигмах для большей наглядности опускается.

⁴³ Этот формант, который в зависимости от чтения, принимаемого для соответственного знака, транслитерируется -sis или -sas, хотя и выражает отношения притяжательности, показателем родительного падежа не является (см. ниже, стр. 70).

	Хеттский - неситский		Палайский	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
И. общ.	-s	-es, -us, -as	-s	-es, -as
В. общ.	-п	-us	-п	?
И.-В. ср.	без ок.; -п	без ок.; -а, -і	-п	-а
Р.	-as	-as	?	?
Д.	др. -а	} нов. } } -і } } as	} -і, -(j)a	-as
М.	др. -і			
О.	} -az(a)	-az(a)	?	?
Т.		-it	?	?

В основных чертах склонение имени в языках хеттских иероглифов совпадает со склонением имени в других хетто-лувийских языках, однако имеются и некоторые особенности.

Так, в языке хеттских иероглифов окончанием именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода является -і (например, *har(a)nisaī* 'крепость', *sasaī* 'печать', ЗЕМЛЯ-*tii* 'земля', ДОМ-*naī* 'дом', *as(a)tarataī* 'трон', *tuwar(a)saī* 'виноградная лоза'⁴⁴, *tati* 'отцовский', *atimaī* 'имя', ЩИТ-*lai* 'щит'), а распространенное в других хетто-лувийских языках окончание -п отсутствует, если только не отождествлять -і с -ī, что дает основание для реконструкции окончания *-п; не засвидетельствовано и нулевое окончание (Миттельбергер предполагает, что некоторые согласные основы и основы на -u- могли иметь в именительном-винительном падеже единственного числа среднего рода нулевую флексию).

В языке хеттских иероглифов для именительного и винительного падежей множественного числа общего рода, в отличие от хеттского-неситского и палайского, где эти падежи различаются и имеют окончания именного склонения, характерно одно общее окончание местоименного происхождения — -і⁴⁵, например: ДОМ *karunaī* 'амбары', ДИТЯ-*lai* 'дети, детей', *araī* 'статуи', *tati* 'отцы, отцов', ЗЕМЛЯ-*tiaī* 'земли, мест', ЧЕЛОВЕК-*ti* 'люди, людей', *sanawaī* 'хорошие, хороших'; окончание -і встречается и в именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода, например, *atimanī* 'имена'.

⁴⁴ Основы на -і, имеющие варианты на -а-, образуют форму именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода предпочтительно от основ на -а-, например, ДОМ-*naī*, *as(a)tarataī*, *tuwar(a)saī* (ср. дательный падеж: ДОМ-*nia*, *as(a)taratia*, *tuwar(a)sia*).

⁴⁵ Лувийские окончания именительного падежа множественного числа общего рода и винительного падежа множественного числа общего рода — соответственно -*pzi* и -*pza* — также имеют, по-видимому, местоименное происхождение. В. В. Иванов рассматривает -*pz* как отражение индоевропейского показателя множественного числа -*s*.

Окончание притяжательной формы единственного числа -sis (или -sas) засвидетельствовано только при именах собственных (например, Muwatalasis(a) ДИТЯ^иnamuwais 'сын Муватала') — видимо, его следует рассматривать как форму родительного падежа прилагательного с суффиксом -(a)si- или -(a)sa-. В то время как в лувийском языке функция принадлежности выражается не родительным падежом, а только притяжательным прилагательным на -assi-, согласуемым с определяемым, в хеттском-иероглифическом существуют и являются равноправными обе возможности — как родительный падеж имени на -as (например, Rapamuwatias atimai 'имя Панамувати', mias МУЖЧИНА-tias atimai 'имя моего мужа'), так и прилагательное на -(a)si- или -(a)sa- (например, НЕБО-si-ha ЗЕМЛЯ-si-ha БОГ-naī 'небесные и земные боги', apasin ЧЕЛОВЕК-hin 'его голову' — вин. пад. ед. ч., Muksasi-ha ДОМ-na 'и дом Мопса').

Различие между окончаниями -a и -i как показателями местного и дательного падежа единственного числа, существовавшее в древнейшем хеттском-неситском, в языке хеттских иероглифов не проводится: здесь -a и -i перемежаются как два равнозначных окончания дательного-местного падежа, например, БОГ-ДОМ-ta (от БОГ-ДОМ-hata- 'храм'), БОГ(ИНЯ) Курара (от БОГ(ИНЯ)Курара-), arala (от arala- 'изображение'), ДОМ-nia и ДОМ par(a)ni (от par(a)ni/a- 'дом, дворец'), ГОСПОДИН-ni и ГОСПОДИН-nia (от ГОСПОДИН-nani(a)-/a- 'господин'), СТРАНА-ni и СТРАНА-nia (от СТРАНА -ni(a)- 'страна'), tati и tatla (от tati(a)- 'отец'), БОГТАРХУ-hu(n)ti и БОГТАРХУ-hu(n)tia (от Tarhu(n)ti/a- имя божества), НЕБО tarasi (от tarasa- 'небо'). Окончание -a имеет значительно большее распространение, чем -i; последнее встречается с основами на -i, с основами на -a-, имеющими также формы на -i-, и с согласными по своему происхождению основами, выступающими в расширенном виде как основы на -i- или на -a-/i-. Не имеет соответствий в других хетто-лувийских языках хеттское-иероглифическое окончание дательного-местного падежа множественного числа обоих родов — -i-, например: arhai (от arha- 'граница'), tatii (от tati 'отец'), atilai (от atila- 'брат'), БОГ-nii (от БОГ-ni- 'божество'), ВОРОТА₂-nai (от ВОРОТА₂-lani/a- 'ворота').

Окончание отложительного-творительного падежа в лувийском языке — -ati, даже у основ на -i- перед -ti всегда стоит гласный -a-, а в языке хеттских иероглифов, наряду с формами отложительного-творительного падежа на -ati, встречаются формы на -iti, что дает основание говорить об окончании -ti (вместо -(a)ti), например: (a)tanasamati от (a)tanasama- 'мудрость', БОГ(ИНЯ)Курара-ti от Курара- (имя богини), ПРАВИТЬ-waniti и ПРАВИТЬ-wanati (от tar(a)wani- 'правитель').

БОГ-niti и БОГ-pati (от БОГ-ni- 'божество'), ОСНОВАНИЕ-tati (от humati- 'основание').

МЕСТОИМЕННИЯ

В языке хеттских иероглифов, как и в других хетто-лувийских языках, известны самостоятельные и энклитические местоимения. Энклитические местоимения включаются в группы энклитик, присоединяемых (как и в других хетто-лувийских языках) к первому ударному слову в предложении⁴⁶.

Все местоимения, кроме личных 1-го и 2-го лица, о которых см. ниже, дифференцируются по родам и склоняются, как имена (с колебаниями между основами на -i- и на -a-). Однако полное совпадение с именным склонением наблюдается только в парадигме притяжательного местоимения 1-го лица (2-е лицо засвидетельствовано лишь формой винительного падежа единственного числа общего рода); остальные местоимения имеют те или иные отличия от именного склонения.

Личные местоимения

Личные местоимения в языке хеттских иероглифов могут быть самостоятельными и энклитическими. К самостоятельным относятся ати 'я' и ti 'ты', к энклитическим -ти 'я' и -та-; последнее засвидетельствовано только в форме дательного-местного падежа множественного числа таі 'вам'⁴⁷. Личными следует, по-видимому, считать и два самостоятельных местоимения с неясным чтением á-432- и u-432- (432 — это номер еще не прочитанного знака по списку Лароша), хотя их значение еще окончательно не определено; более ясное u-432- является, по мнению Миттельбергера, личным местоимением 2-го лица множественного числа, менее ясное á-432-, с точки зрения Мериджи, разделяемой Миттельбергером, представляет собой, по всей вероятности, местоимение 2-го лица вежливого обращения.

В качестве личных местоимений 3-го лица, как и в других хетто-лувийских языках, употребляются указательные местоимения — самостоятельные asa- и ata- и энклитическое — a-.

Несколько особняком стоят в языке хеттских иероглифов энклитические местоимения -ti и -ti, которые выделяются в отдельную группу не столько по значению, сколько потому, что занимают особое место в цепочке энклитик⁴⁸.

⁴⁶ О группах энклитик см. ниже, стр. 84 и сл.

⁴⁷ Личное местоимение -таі, как и хеттское-неситское -smas, употребляется также и в 3-м лице множественного числа.

⁴⁸ О постоянном порядке присоединения энклитик и месте энклитических частиц -ti и -ti в цепочке энклитик см. ниже, стр. 84 сл.

Энклитика -*mi* связана по происхождению с местоименной основой (а)*ma-* или (а)*mi(a)-* и употребляется применительно к 1-му лицу единственного числа со значением «я» или «мне»; во втором значении *mi* выражает, очевидно, дательный падеж интереса (*dativus ethicus*); возвратного значения -*mi*, в отличие от *ti*, по-видимому, не имеет. Энклитического местоимения, аналогичного -*mi*, в других хетто-лувийских языках нет. Энклитика -*ti* по форме соответствует лувийской возвратной частице -*ti* и хеттской-неситской возвратной частице -*za* [tza], имеет возвратное значение, а также значение дательного падежа личного местоимения 2-го и 3-го лица единственного числа (так же как -*maī*)⁴⁹.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

В отличие от всех прочих личные местоимения 1-го и 2-го лица не изменяются по родам и имеют в единственном числе склонение, не совпадающее с именным.

Местоимения 1-го лица *ami* и -*mi* выступают в текстах без изменений по падежам; эти формы могут иметь функцию именительного, винительного и дательного-местного падежа единственного числа. Местоимение 2-го лица *ti* засвидетельствовано в именительном падеже единственного числа и имеет дательный-местный падеж *tu*. Местоимение *u-432-* встречается в двух падежах множественного числа: в родительном *u-432-s* и в дательном-местном *u-432-i*. Склонение местоимений 3-го лица *asa-*, *ata-* и -*a-* рассматривается ниже, в разделе указательных местоимений.

Личным местоимениям языка хеттских иероглифов соответствуют следующие формы в других хетто-лувийских языках:

1-е л. ед. ч.: х.-и. *ami*, -*mi* (им., вин. и дат. пад.), лув. -*mi*: (дат. пад. ? и вин. пад. ?)⁵⁰, лик. *ami/emu* (вин. пад.)⁵¹, х.-н. *ammik* (им., вин. и дат. пад.).

2-е л. ед. ч.: х.-и. *ti* (им. пад.), пал. *ti* (им. пад.), х.-н. *zik* [tsik] (им. пад.). х.-и. *tu* (дат. пад.), пал. *tu* (дат. пад.), х.-н. *tuk* (дат. пад.).

2-е л. мн. ч.: х.-и. *u-432-i*, -*maī* (дат. пад.)⁵², х.-н. -*smas-* (дат. пад. и вин. пад.).

⁴⁹ В ликийском, как считает Мериджи, было четыре элемента -*ti*, из которых один имел возвратное значение, другой — указательное, третий — относительное; значение четвертого (чередующегося с *ne*) еще не выяснено.

⁵⁰ Энклитическое местоимение -*mi*, значение которого еще точно не установлено, является пока единственным известным нам лувийским личным местоимением.

⁵¹ Другие личные местоимения в ликийском не засвидетельствованы (кроме, возможно, энклитического местоимения -*ti*, см. сноску 49).

⁵² См. сноску 47.

Притяжательные местоимения

Притяжательные местоимения языка хеттских иероглифов не имеют энклитических форм. Притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица (a)ma-/(a)mi(a)- 'мой' и tuwa/i- (возможно, t(u)wa/i-) «твой» являются производными от личных (в хеттском-неситском им соответствуют энклитические притяжательные местоимения -mi- и -ti-, в ликийском известно только самостоятельное местоимение 1-го лица ēmi- 'мой').

Притяжательное местоимение 2-го лица tuwa/i- засвидетельствовано только в форме винительного падежа единственного числа общего рода tuwan, tuwīn.

Во 2-м лице множественного числа употребляются притяжательные местоимения ai- и ui- 'ваш' (местоимение ai- образовано, по-видимому, от личного местоимения a-432-; известны только именительный падеж общего рода ais и дательный-местный падеж aiā, а для ui- — винительный падеж общего рода uin).

Притяжательное местоимение 3-го лица apasi/a- 'его, свой' образовано от указательного местоимения ара- 'тот'⁵³; кроме того, в значении притяжательного местоимения 3-го лица выступает родительный падеж единственного числа местоимения ара- — aras.

Притяжательное местоимение 1-го лица (a)mi(a)- склоняется следующим образом:

	Ед. число	Мн. число
И. общ.	(a)mi(a)s	(a)mi(a)i
В. общ.	(a)mi(a)n	(a)mi
И.-В. ср.	amaī, amī	ama, amī
Р.	mi(a)s	?
Д.-М.	(a)mi, (a)mia	amiī, (a)miāi(a)
О.-Т.	(a)mi(a)ti	?

Указательные местоимения

В языке хеттских иероглифов известны следующие указательные местоимения: i- (iā-) 'этот'; ара-/apī 'тот' (лат. ille, is); производное от ара- — apasi- 'его, свой' (лат. suus, eius); asa-/asi-, ata-/ati- 'он же' (лат. idem); энклитическое -a- 'он' (лат. is). Местоимения apasi-, asa-/asi-, ata-/ati- и -a- утратили указательное значение (первые два — отчасти, третье — пол-

⁵³ Склонение apasi/a- см. в разделе указательных местоимений.

ностью) и употребляются либо как притяжательное местоимение 3-го лица (arasi-), либо как личные местоимения (asa-/asi-, ata-/ati-, -a-).

Местоимения *i* и *ара-* употребляются как существительное и как прилагательное, а именно: *i-* — преимущественно как прилагательное, *ара-* — преимущественно как существительное.

i- имеет функцию указания непосредственно на данный предмет («вот этот у меня»). Она обнаруживается, в частности, в тексте надписей на предметах, в которых говорится о самих этих предметах, например, *i-(wa) tarusa* '(вот) это изображение', а также проявляется в формулах проклятия, там, где речь идет о том, что проклятие падет на повредившего предмет, на котором сделана данная охранительная надпись, или на повредившего саму надпись, например: *pi-ra-ta iā rag(a)ta arha 280-a* 'или... (вот) эти слова сотрет'.

И. Фридрих, поддерживаемый Ларошем, считает, что *i-*, возможно, произошло из **ki-*, соответствием которого является хеттское-неситское *ка-* 'этот'. Противники этой точки зрения (в частности, В. В. Шеворошкин) полагают, что *k* исчезало в языке хеттских иероглифов (и в лувийском) только в тех случаях, когда оно отражало индоевропейское **gh*, и сопоставляют *i* с ликийским и лидийским *i-*.

ара- может иметь разные функции: чаще анафорическую, например, *arati-ra-wa-ta... БОГ(ИНЯ)Ku-128-s(a) ПРОКЛИНАТЬ-lasatu* 'а его самого (букв. 'тому самому')... Купапа пусть проклянет', реже — деиктическую, например, *OTH⁵⁴-ra-wa-ta ЗЕМЛЯ(-)titaia aratai КРЕПОСТЬ har(a)nisā ata СТРОИТЬ-miha* 'тогда как на этих местах я затем построил крепость'; по-видимому, здесь речь идет об указании на более отдаленный предмет («вот этот у него» скорее, чем «вот этот у тебя») — такое понимание подтверждается возможностью анафорического употребления местоимения *ара-* и тем обстоятельством, что его родительный падеж (*aras*) приобретает значение притяжательного местоимения 3-го лица. Аналогичное указательное местоимение есть в лувийском (*ара-*), ликийском (*ебе-*), палайском (*-ара-*) и хеттском-неситском (*ара-*), причем в хеттском-неситском оно имеет функцию указания на более отдаленный предмет («этот у тебя» или «этот у него») и употребляется как личное местоимение 3-го лица.

Оттенки деиктического и анафорического значения свойственны также местоимениям *аса-* и *-а-*, первому — деиктическое, второму — анафорическое.

⁵⁴ OTH — сокращенное обозначение знака, фиксирующего относительное местоимение, чтение которого неизвестно, см. ниже, стр. 76.

Между формами местоимения -а- в языке хеттских иероглифов, лувийском, хеттском-неситском и палайском существует почти полный параллелизм:

	Х.-И.	Лув.	Х.-Н.	Пал.
И. общ.	-as	-as	-as	-as
В. общ.	-an	-an	-an	-an
И.-В. ср.	-ata	-ata	-at	-at
Д.	-tu	-tu	-si	-si

Таблица 1

**Парадигмы склонения указательных местоимений
в языке хеттских иероглифов**

		ī-, iā-	apa-, api-	apasi-, apasa-	asa-, asi-, * ata-, ati-	-a-
Ед. число	И. общ.	is	paī, (a)pas	pasas apasis	asa(s), ata?; ati(s)	-as
	В. общ.	in, ian	(a)pan, apin	apasan, apasin, apisin	(a)san, (a)sin, ati(n)	-an
	И.-В. ср.	ī, iā	paīa	apasaī	?	-(a)ta*
	Р.	isi, iasia	apas apasis	apasis	?	?
	Д.-М.	iti(a) iati(a)	(a)pati patia	?	as(a)i, ati	-tu
	О.-Т.	iti	?	apasati	?	?
Мн. число	И. общ.	i(a)i	apai(a)	?	ati	?
	В. общ.	i(a)i	(a)paī, apī	apasi	?	?
	И.-В. ср.	iā	apī	?	?	?
	Д.-М.	i(a)tiāi	(a)patai	pasai	?	?

* Начальное а в местоимении -(a)ta отчетливо выявляется только после энклитических частиц, оканчивающихся не на -а; в остальных случаях (a)ta совпадает с местоименной частицей того же значения -та.

**Парадигмы склонения указательного местоимения ара
в хетто-лувийских языках**

		Х.-И.	Лув.	Лик.	Х.-Н.	Пал.
Ед. число	И. общ.	(a)pas	apas	*ebe	apas	?
	В. общ.	apan	apan	ebē, ebēññē	apun	-apan
	И.-В. ср.	(a)paia	?	ebe(y)a	apat	?
	Д.-М.	(a)pati	apati	ebelli(??)	apetani	?
Мн. число	И. общ.	apai	?	?	apus	?
	В. общ.	(a)pai	?	ebets	apus	?
	Д.-М.	(a)patai	?	epte	apetas	?

Известно несколько наречий, образованных от указательных местоимений: iti, iati 'здесь', apati 'там', api 'таким образом, так', а также союз in...i(p)rawa 'с одной стороны — с другой стороны'.

Относительные и вопросительные местоимения

До недавних пор считали, что относительное местоимение обозначается в хеттской иероглифике двумя сериями знаков, по два знака в каждой серии (условно обозначаются REL — по-русски ОТН — с соответственными индексами: ОТН, ÔТН, ÔТН, ОТН₄). Но Ларош показал, что все написания знаков, обозначающих относительное местоимение, могут быть сведены к двум основным графическим вариантам одного знака — ОТН₁ и ОТН₂ — и имеют одно чтение. Предложенное Боссертом чтение hu или hwa, по всей вероятности, правильно; однако доказательство Боссерта опирается пока на одно-единственное имя собственное, чтение которого не является бесспорным, между тем установление звукового состава относительного местоимения в языке хеттских иероглифов настолько важно с точки зрения дальнейших сравнительных языковых выводов, что требует особой осторожности; поэтому чтение относительного местоимения (hwa- из *kwa-) пока еще рано считать окончательно установленным.

Относительные местоимения употребляются и как существительные, и как прилагательные. Выяснены следующие значения относительных местоимений, в том числе и местоимений, превратившихся в наречия или союзы: ОTH-as(a) 'кто; тот, кто; который', основа ОTH-, повторенная дважды — 'всякий, кто; все, кто'; ОTH-as(a), ОTH-as(a)ha 'кто бы ни; какой бы ни; всякий'; па ОTH-as(a)ha 'никто' ОTH-ata(n) 'там, где; повсюду, где', ОTH-ti 'чтобы; так, что', ОTH и ОTH-a 'так как; тогда как; потому что', может быть, также 'почему?'.
 Местоимение ОTH- склоняется следующим образом:

	Ед. число		Ми. число
И. общ.	ОTH-s	И. общ.	ОTH-i, ОTH-ai
В. общ.	ОTH-n	И.-В. ср.	ОTH-a ⁵⁵ , ОTH-ai ⁵⁵
И.-В. ср.	ОTH-ai ⁵⁵ , ОTH-i		
Д.-М.	ОTH-ti, ОTH-ati ⁵⁵		

Склонение этого местоимения полностью совпадает со склонением соответственного местоимения в лувийском и ликийском и только в среднем роде отличается от склонения аналогичного местоимения в хеттском-неситском и палайском:

	Х.-И.	Лув.	Лик.	Х.-Н.	Пал.
Ед. число					
И. общ.	hwa(?)s	kuis	ti ⁵⁶	kuis	kuis
В. общ.	hwa(?)n	kuiñ	ti ⁵⁷	kuiñ	?
И.-В. ср.	hwa(?)i	kul	*ti	kult	kult
Д.-М.	hwa(?)ti	*kuwati	tdi	*kueti	kul?

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Прочтены непосредственно или восстановлены косвенным путем чтения следующих числительных:

- 2 — t(u)wa-, ср. II t(u)wal(-)wai⁵⁸ 'два' (вин. пад. мн. ч. общ. рода)
 3 — t(a)ra-, ср. III t(a)rasû 'трижды(?)'
 4 — m..., ср. чтение mi для знака, изображаемого четырьмя вертикальными чертами, а также сопоставле-

⁵⁵ В форме ОTH-ai и других, содержащих -a-, это -a- не входит в окончание, — оно представляет собой фонетический комплемент.

⁵⁶ Лик. ti- < *kwi, конечное -s отпало.

⁵⁷ Конечное -n отпало после i.

⁵⁸ Здесь, по-видимому, следует читать [twai] — контекст неясен, wai, очевидно, к t(u)wai не относится.

ние двух мест, встречающихся в одном и том же тексте: 391(-)I]III-ta и 391(-)tuwâtan, — возможно, tuwa- и есть числительное «четыре» (ср. лув. таиша, х.-н. теи- 'четыре').

9 — tuwa-? ср. чтение tu для знака, изображаемого девятью вертикальными чертами, и встречающееся пару раз написание числительного «девять» с фонетическим компонентом -wa-(IX-wa-).

ГЛАГОЛ

Словообразование

ОСНОВЫ ГЛАГОЛА

Основы на согласный

Основы глагола на согласный, как и аналогичные основы имени, из-за особенностей графики устанавливаются только сравнительным путем. На основании сопоставления с другими хетто-лувийскими языками к основам на согласный могут быть отнесены основы глаголов as- 'быть', as- 'сидеть' и at- 'есть' (кушать), которые являются основами на согласный также в хеттском-неситском, лувийском и палайском языках (х.-н. es-, лув. и пал. as- 'быть'; х.-н. es- 'сидеть'; х.-н. et-, лув. at-, 'есть').

Основы на гласный

1. Первичные основы, например: ta- 'брат' (х.-н. ta-), ta- 'приходить(?)' (пишется логограммой, чтение которой реконструировано по косвенным данным), haга- 'разрушать', has(a)- 'порождать' (х.-н. has-) 'быть сильным, принуждать', asi- 'любить' (х.-н. assija-).

2. Производные основы, например, отыменная глагольная основа wasu- 'быть благим' от wasu- 'хороший'.

3. Основы на -i/ia-, например: aia- 'делать' (лув. aja-), pia/pi- 'давать' (лув. pija-), harti(a)- 'звать, называть' (лув. halta/i-), tupi(a)- 'бить' (лув. tupai-, tupi-).

4. Основы на -i/ia-, имеющие варианты на -a/ai-, например: walā(i)/walia- 'поднимать', agaī- 'молиться (кому-либо)', wasai-/wasa- 'благоволить, почитать'; отыменные основы на -a/ai-: hatura- 'писать' (от hatura- 'письмо'), kutasara- 'строить' (от kutasara/i- 'стена'), tapata- 'обносить (стеной)' (от tanata- 'стена'), tapariāla- 'править' (от tapariāli- 'правитель'), tar(a)-wanai- 'властвовать' (от tar(a)wani- 'властитель'), ura-/ai-

‘становиться большим, делать большим’ (от *uga-* ‘большой’), *lapani(a)-* ‘пасти’ (ср. лув. *lapana-* ‘пастбище’).

5. Основы на *-u/iwa-*, например, *tuwa-/tu-* ‘класть, сажать’ (лув. *tuwa-* ‘помещать’).

СУФФИКСЫ ПРОИЗВОДНЫХ ОСНОВ ГЛАГОЛА

1. Суффикс каузатива *-nu/nuwa-*, например: *as(a)nu(wa)-* ‘сажать’ от глагола *as-* ‘сидеть’, *uganu(wa)-* ‘делать большим’ от прилагательного *uga-* ‘большой’ (ср. лув. *aganu(wa)-* ‘удлинять, продлевать’ от *aga(i)-* ‘длинный’).

2. Суффикс итератива *-s(a)-*, например: *СТУПНЯ(-)us(a)-* ‘ходить’ от *СТУПНЯ-wa-* ‘идти’, *pipas(a)-* ‘давать’ от *pi(a)/pa-* ‘дать’, *aias(a)-* ‘обращаться с чем-либо’ от *aia-* ‘делать’, *ЦАРЬ-sa-* ‘царствовать’ от *ЦАРЬ-ti-* ‘царь’ (аналогичный по значению суффикс *-s(a)-* имеет значительное распространение в лувийском, — в хеттском-неситском встречается реже, уступая суффиксу *-sk-*, отсутствующему в языке хеттских иероглифов и в лувийском).

3. Суффикс *-(a)pa/(a)ni(a)-* служит для образования глаголов от именных основ, иногда также и от глагольных, например: *har(a)wani(a)-* ‘посылать’ от *har(a)wa-*⁵⁹ ‘дорога’, *usini* ‘продавать’ от *usiti-* ‘покупать’ (этот суффикс встречается также в лувийском — *-ani(ja)-* и хеттском-неситском — *-(a)npa-*, *-(a)nija-*).

4. Суффикс *-ta/ti-* (с ротацизмом — *-ra/ri-*) меняет значение глагольной основы неясным образом, например: *usiti-* ‘покупать’ от *wasi-/usi-*, *alasata-* ‘почитать’ от *aiasa-* ‘делать (неоднократно)’, *ГНЕВ-lasara-* ‘проклинать’ от *ГНЕВ-lasa-* с тем же значением.

УДВОЕНИЕ КОРНЯ

Удвоение корня в языке хеттских иероглифов малоупотребительно; для глагола известно всего несколько случаев частичной редупликации, например: *ИДТИ ОТН-ОТН*⁶⁰ *-ta* ‘он пришел’ (ср. *ИДТИ ОТН-ata*), *sisina* ‘он получает(?)’ (ср. *sina*); иногда редупликация сочетается с суффиксом, например: *ОТН-ОТН-sa-* ‘идти, приходиться’ (от *ОТН-a-* или *ОТН-sa-*), *pipasa-* ‘давать’ (от *pi(a)/pa-*), ср. лув. *pipissa-*, *sasai(a)la-* ‘жертвовать’ (от *sar(a)la(i)-*).

⁵⁹ Возможно, от хурритского *ḥarve*, род. пад. от *ḥari* ‘дорога’.

⁶⁰ Знак *ИДТИ* (№ 93) — здесь детерминатив, а знак для относительного местоимения употреблен в фонетическом значении.

Спряжение

Глагол языка хеттских иероглифов имеет два числа — единственное и множественное, два времени — настоящее и прошедшее — и два наклонения — изъявительное и повелительное; вопрос о том, имеется ли, кроме активного залога, также и медиопассивный — в виде нескольких остаточных форм — является спорным (см. ниже). Все перечисленные категории выражаются при помощи личных окончаний.

Таблица 3

Личные окончания глагола языка хеттских иероглифов в сравнении с личными окончаниями других хетто-лувийских языков

**Активный залог
Изъявительное наклонение
Настоящее время**

		Х.-И.	Лув.	Лик.	Х.-Н. спряжение на -mi/на -hi	Пал. спряжение на -mi/на -hi
Ед. число	1-е л.	-wa, (-wi)	-wi	-u	-mi/-hi	?
	2-е л.	-si	-si(?)	?	-si/-ti	-si
	3-е л.	-ti/без. ок.	-ti/-i?	-ti	-zi/-i	-ti/-i
Мн. число	1-е л.	?	?	?	-weni	-wani(?)
	2-е л.	-tani	?	?	-teni	?
	3-е л.	-(n)ti	-nti	*-nti	-(a)nzi	-(a)nti

Таблица 4

Прошедшее время

		Х.-И.	Лув.	Лик.	Х.-Н. спряжение на -mi /на -hi	Пал.
Ед. число	1-е л.	-ha	-ha	-ka	-(n)un/-hun	?
	2-е л.	-sa (или -s?)	-s(?)	?	-s, (-t)/-s, (-ta, -sta)	-si
	3-е л.	-ta*	-ta	-te	-t/-s (-ta, -sta)	-ti/-i
Мн. число	1-е л.	?	?	?	-wen	-want?
	2-е л.	?	?	?	-ten	?
	3-е л.	-(n)ta*	-nta	-nte	-er, (-ir)	-(a)nti

* Встречающиеся формы 3-го лица ед. и мн. числа прош. вр., в окончаниях которых t перешло в г, свидетельствуют (помимо аналогии с лувийским) о том, что эти окончания следует читать -ta и -(n)ta (а не -t и -(n)t, как можно было предположить, приняв а после согласного на исходе слова за немой гласный), ротацизму подвергалось только интервокальное t.

Повелительное наклонение

		Х.-И.	Лув.	Лик.	Х.-Н. спряжение на -mi/на -hi	Пал.
Ед. число	1-е л.	?	-(a)llu	?	-(a)llu, -lut, -lit	?
	2-е л.	без ок.	без. ок.		без. ок., -t, -i	без ок., -i
	3-е л.	-tu	-tu	-tu	-tu/-u	-tu
Мн. число	2-е л.	?	-tan	?	-ten	?
	3-е л.	-(n)tu	-ntu	-ntu	-(a)ntu	-(a)ntu

Таблица 6

Медно-пассивный залог
Изъявительное наклонение
Прошедшее время *

	Х.-И.	Лув.	Лик.	Х.-Н. спряжение на -mi /на -hi	Пал.
Ед. ч. 3-е л.	-tara(?), -tata(??)	?	?	-tat, -tati/-at, -ati	?

* Медно-пассивные формы настоящего времени, представленные в других хетто-лувийских языках, в языке хеттских иероглифов не засвидетельствованы.

Таблица 7

Повелительное наклонение

	Х.-И.	Лув. спряжение на -mi/на -hi	Лик.	Х.-Н. спряжение на -mi/на -hi	Пал.
Ед. ч. 3-е л.	-ru(?)	-taru/-ru	?	-taru/-(a)ru	?
Мн. ч. 3-е л.	?	-ntaru	?	-(a)ntaru	?

Двойное образование 3-го лица единственного числа настоящего времени — с окончанием -ti и без окончания — свидетельствует о том, что языку хеттских иероглифов была некогда свойственна дифференциация типов спряжения. Од-

нако эти типы спряжения, возможно, не совпадали со спряжением на *-ti* и на *-hi* в других хетто-лувийских языках, так как в них в 3-м лице единственного числа настоящего времени противопоставляются окончания *-ti* и *-i*, в то время как в языке хеттских иероглифов — *-ti* и нуль.

Вследствие того что хеттская иероглифическая письменность не фиксирует *n* перед зубными, в активном залоге окончания 3-го лица множественного числа не отличаются от окончаний 3-го лица единственного числа: *-ti* — в настоящем времени, *-ta* — в прошедшем времени, *-tu* — в повелительном наклонении. Таким образом, в тех случаях, когда контекст не может прийти на выручку, вопрос о том, имеем мы дело с формой 3-го лица единственного или множественного числа, остается невыясненным, поэтому, например, нельзя решить, свойственно ли языку хеттских иероглифов присущее хеттскому-неситскому употреблению сказуемого в единственном числе после подлежащего среднего рода во множественном числе.

Возможность ротацизма, т. е. перехода интервокального *t* в *g*, ставит под известное сомнение существование медиопассивного залога в языке хеттских иероглифов. Наименее сомнительной формой этого залога является повелительное наклонение 3-го лица единственного числа. Однако окончание *-gi* может рассматриваться как результат фонетического перехода окончания 3-го лица повелительного наклонения активного залога *-tu*. Формы па *-gi* встречаются систематически только от такого употребительного глагола, как *aia-* 'делать', а от других глаголов засвидетельствованы лишь в единичных случаях, где *-gi* легко может быть объяснено как следствие ротацизма, а соответственные формы повелительного наклонения — как активные, а не как пассивные. Это обстоятельство делает весьма вероятным предположение Миттельбергера, что некогда существовавший в языке хеттских иероглифов пассивный залог сохранился в виде пережиточных форм повелительного наклонения исключительно или почти исключительно в парадигме единичных широко употребительных глаголов.

В качестве образца может быть приведено спряжение нескольких глаголов, для которых засвидетельствовано сравнительно наибольшее разнообразие форм: *as-* 'быть' (лув., пал. *as-*, х.-н. *es-*), *aia-* 'делать' (лув. *aia-*), *pa-/pi-* 'давать' (лув. *pija-*), *tuwa-/tu-* 'класть, помещать' (лув. *tuwa-*).

Настоящее время

Ед. ч. 1 л. ?	<i>aiawā</i>	?	?
3 л. <i>asati</i>	<i>aiati</i>	<i>pi(a)</i>	<i>tuwa</i>
Мн. ч. 3 л. <i>asa(n)ti</i>	?	<i>pi(n)ti</i>	?

Прошедшее время

Ед. ч. 1 л.	(a)saha	aiaha	pi(a)ha	tuwaha
2 л.	?	aasa	?	?
3 л.	(a)sata	aiāta	pi(a)ta	tu(wa)ta
Мн. ч. 3 л.	(a)sa(n)ta	aiata	pi(n)ta	?
		чит. [aianta]		

Повелительное наклонение

Акт.	Ед. ч. 2 л.	?	aiāa	?	КЛАСТЬ-u
	3 л.	asatu	aiātu	piātu	?
Мн. ч. 3 л.	?	aiatu	piātu	tuwa(n)tu	
			чит. [aiantu]	чит. [piantu],	
			pi(n)tu		
М.-П.(?)	Ед. ч. 3 л.	?	aiāru	?	?

Глагольные имена

Известны следующие глагольные имена:

1) Причастие на *mi(a)/-ma-*, например: *asimi-* 'любимый', *tatariāmi-* 'проклятый', *wasami-* 'почитаемый', и причастие на *-(n)t(i/a)-*, например: СИЛЬНЫЙ-*lamī(a)(n)t(a)-* 'укрепленный', *wasā(n)t(i)-* 'удостоенный благосклонности'. Оба причастия при переходных глаголах имеют пассивное значение. Засвидетельствован всего один случай употребления причастия непереходного глагола — ИДТИ-*imias* от глагола ИДТИ(-)*wai-* 'идти'. Существование причастий на *-mi-* характерно для языка хеттских иероглифов и лувийского в отличие от хеттского-неситского⁶¹. Причастия на *-mi-* склоняются как существительные с основами на *-i-* или, реже, на *-a-*; также склоняются и причастия на *-(n)t-*, потому что к их основе (как и вообще к именным основам на согласный) обычно присоединяется суффикс *-i-* или *-a-*.

2) Инфинитив на *-pa* или *-upa*, например: ПИТЬ-*pa* 'чтобы пить', *aias(a)tupa* 'чтобы почитать', ЕСТЬ *agupa* (от *at-* с ротацизмом) 'чтобы есть'; инфинитив в языке хеттских иероглифов, как и в лувийском, аналогичен супину. Глагольные имена на *-min(a)*, возможно, представляют собой инфинитивы или, что более вероятно, — глагольные существительные, по крайней мере, в единственном ясном контексте с глагольным именем на *-min(a)* это имя (*aiāmin(a)* 'делать'), вместо того, чтобы быть связанным со спрягаемой формой глагола, как

⁶¹ До установления причастий на *-mi-* (и. е. **-mo-*) в лувийском и в языке хеттских иероглифов аналогичные причастия были известны в балтийских и в славянских языках; в индо-иранских языках и в греческом образовании причастия того же типа происходит при помощи суффикса, восходящего к индоевропейскому *-mno-*.

это обычно бывает с причастиями в языке хеттских иероглифов, само занимает место спрягаемой формы глагола и выступает как сказуемое.

3) Глагольные существительные на -ni(a)/-na- или -uni(a)/-upa- представляют собой застывшие формы дательного падежа причины от инфинитивов, например: urani(a)- 'основание' (от ура- 'основывать?'), as(a)na- 'ложе' (от as- 'сидеть'), aguni(a)- 'еда' (от at- 'есть', с ротацизмом).

ЧАСТИЦЫ

Для синтаксиса языка хеттских иероглифов, так же как для хеттского и лувийского синтаксиса, характерно присоединение к первому ударному слову предложения большего или меньшего числа энклитических частиц. Этим первым ударным словом, как правило, бывает имя существительное, наречие, а также частицы, могущие стоять под ударением (в языке хеттских иероглифов — (-)a- и (-)wa-). В последнем случае мы имеем дело с комплексом, состоящим из одних частиц. Энклитические комплексы засвидетельствованы уже в древнехеттском и представляют собой, по-видимому, явление, относящееся к периоду общности хетто-лувийских языков и восходящее в конечном счете к особенностям индоевропейского синтаксиса (постановка энклитик на втором месте в предложении, так же как и комплексы энклитик, были свойственны всем индоевропейским языкам)⁶².

Из числа энклитик языка хеттских иероглифов частицами в собственном смысле слова являются частицы прямой речи (-)wa-, энклитические союзы -ra- 'но, или, и, а также' (соединяет предложения) и -ha- 'и' (соединяет члены предложения); к частицам в более широком значении этого термина относятся, кроме того, энклитические местоимения -ti- и -mi-, а также все энклитические формы личных и указательных местоимений.

Порядок присоединения энклитик, как это лучше всего позволяют установить хеттские-неситские, но также и лувийские материалы, является в пределах данного языка строго постоянным, однако в лувийском и, насколько можно судить, в языке хеттских иероглифов он в известной мере отличается от хеттского-неситского; в частности, возвратная частица -ti-, соответствующая неситской частице -za-, стоит не после личных и указательных местоимений, как -za-, а до них (вероятно, частица -mi- также, но она встречается редко и точно определить ее место не представляется возможным).

⁶² Аналогичные комплексы (этимологически, конечно, совершенно отличные) весьма широко представлены в хурритском, так что влияние хурритского языка могло способствовать разрастанию энклитических комплексов в хетто-лувийских языках во второй половине II тысячелетия до н. э.

В лувийском и в языке хеттских иероглифов на первом месте в цепочке энклитик стоит *-wa*⁶³, на втором — частица *-ti-* (или в языке хеттских иероглифов также *-mi*), на третьем — личные или указательные энклитические местоимения в дательном падеже, на четвертом — те же местоимения в именительном или в винительном падеже.

В хеттском-неситском языке ударной частицей, к которой присоединяются энклитики, чаще всего бывает союз *pi-* 'и' (засвидетельствован и в палайском), в лувийском же и в языке хеттских иероглифов *pi-* отсутствует: в лувийском в той же функции в начале комплекса энклитик употребляются частицы *a-* и *pa-*, в языке хеттских иероглифов — *(-)a-* (значение неясно) и частица прямой речи *(-)wa-*, которая здесь, в отличие от других хетто-лувийских языков, может быть не только энклитической, но и ударной, тогда как *-pa* в языке хеттских иероглифов в ударном положении не встречается и существует только как энклитика.

В лувийском и в языке хеттских иероглифов употребляется не известный в хеттском-неситском союз *-ha*, который, как и хеттский-неситский союз *-a*, *-ja* 'и', присоединяется ко второму (последнему) из сочиняемых слов, например, ДИТЯ-*la-i* ЖЕНЩИНА *panas(a)ra-i-ha* 'братьям и сестрам'. *-ha* имеет в обоих языках также и другие функции: (1) как наречие «даже» *-ha* присоединяется к слову, значение которого подчеркивается, например, ЖЕНЩИНА-*ti-ha* 'даже женщины'; (2) как суффикс, образующий неопределенное местоимение, *-ha* присоединяется к относительному местоимению — *OTH-as(a)-ha* (ср. лув. *kuis-ha*) 'кто-нибудь, какой-нибудь', с отрицанием (на *OTH-as(a)-ha*) 'никто'; (3) еще одно употребление *-ha* — как союза, связывающего предложения — засвидетельствовано только в надписях из Каратепе и представляет собой местную особенность, так как во всех других текстах предложения соединяются союзом *-ra*.

НАРЕЧИЯ-ПОСЛЕЛОГИ-ПРЕВЕРБЫ

В языке хеттских иероглифов (и в других хетто-лувийских языках) вместо предлогов, свойственных другим индоевропейским языкам, употребляются послелогии. Как и самостоятельные глагольные приставки (превербы), именные послелогии восходят к группе наречий, выражающих пространственные отношения («внутри» и «изнутри», «вверху» и «внизу», «вперед» и «позади»). Часть этих наречий засвидетельствована в хеттских иероглифических текстах во всех трех перечислен-

⁶³ В хеттском-неситском частица *-wa-* (перед гласным — *-wa-*) занимает второе место.

ных функциях, часть, по-видимому, утратила свое первоначальное употребление в качестве самостоятельных наречий и встречается только в виде послелогов и превербов. Иногда дифференциация указанных трех функций бывает затруднительна.

1. a(n)ta или a(n)tan(a) 'в, на, внутри' пишется при помощи логограммы, представляющей собой лигатуру из двух знаков ('+tá). Употребляется: (а) главным образом в качестве преверба, например: a(n)ta aja- 'прибавлять', a(n)ta ura- 'приносить', a(n)ta ПРИХОДИТЬ 'входить'; (б) также как послелог (с дательным-местным падежом), например: СТРАНА-паā a(n)ta 'в стране', и (в) как самостоятельное наречие, например: a(n)ta(-ha-wa) Hal(a)rawana^{СТРАНА} 'и внутри (в том числе?) алеппинцы (жители Алеппо)'.
2. arha/i 'из, про-' пишется логограммой, составляющей, как правило, лигатуру с фонетическим компонентом ha или hi. Употребляется: (а) как преверб, например: arha ta- 'уносить', arha rag(a)ni- 'прогонять, ссылать', arha at- 'пожирать'; (б) как послелог (с отложительным падежом), например: НЕБО-ti arha 'с неба'. Как самостоятельное наречие не встречается.

3. НАД — всегда пишется логограммой; эта логограмма обычно составляет лигатуру со знаком га, иногда имеет, кроме того, фонетический компонент ta (на основании фактов графики и в известной мере по аналогии с лув. saga и х.-н. saga предлагаются чтения saga и sara(n)ta). Употребляется: (а) как преверб, например: НАД tiwā 'подниматься'; (б) как послелог (с дательным-местным падежом), например: ВСЕ-miī ЦАРЬ-tai НАД-ta 'над всеми царями'; (в) как самостоятельное наречие (в паре неясных контекстов).

4. Два близких по значению наречия обозначаются при помощи логограммы ПОД. Одно наречие ПОД пишется с фонетическим компонентом ta (опираясь на это ta и аналогично с х.-н. katta(n), его предположительно читают *kata) и употребляется как преверб, указывающий на движение сверху вниз, например: ПОД-ta(-ha-wa-ta) СТУПНЯ usaḥa 'я их подчинил'. Другое наречие ПОД пишется с фонетическим компонентом -pana(a) и, очевидно, совпадает с лув. appan не только по значению «под», но и по чтению. Употребляется как послелог (с родительным или дательным-местным падежом), например: amu-ra-wa-ma-ta... СТУПНЯ patai ПОД-pan(a) КЛАСТЬ-ḥa 'я же... положил их под свои ноги'.

5. Той же логограммой, что и ПОД, но образующей лигатуру со знаком № 378, изображающим жезл, пишется еще одно наречие (иногда с фонетическим компонентом pa). Возможно, оно сходно в звуковом отношении с одним из двух предыдущих. Употребляется это наречие как послелог «с, ря-

дом с», например: wa-tu БОГТАРХУ ПОД+378-на ПРИХОДИТЬ-ta 'рядом со мной шел Тархунт'.

6. Логограммой ПЕРЕД пишутся два наречия—ПЕРЕД-п(а), читается paraп(а) 'перед', и ПЕРЕД-а/а, читается para 'из'. Как самостоятельные наречия они не встречаются, но оба функционируют как послелогов, а второе употребляется, кроме того, и в качестве преверба.

Примеры: (1) ПЕРЕД-п(а) (послелог с дательным-местным падежом): amu ОН-и ПЕРЕД-п(а) asa(n)ta 'которые были передо мной (до меня)'; tu-ra-wa БОГТАРХУ-s(а), БОГKar(a)hu-has(a), БОГ(ИНЯ)Kuparas(a)-ha, ПЕРЕД-п(а), ИДТИ-wasata 'но Тархунт, Кархуха и Купапа шли передо мной'.

(2а) ПЕРЕД-а/а (послелог с отложительным падежом): ВОРОТА Kuruplati ГОРОД ПЕРЕД 'перед воротами города Курупии' (т. е. 'вне Курупии').

(2б) ПЕРЕД-а/а (преверб, усиливающий основное значение глагола): ПЕРЕД-а ria 'передавать'.

7. Логограммой ЗА пишутся два наречия. Первое читается ара или арап(а) (встречается и в слоговом написании). Употребляется как послелог «за, позади» (значение считается спорным) и как преверб «воз-, про-», например: ЗА-п(а) asapuwa- 'возвратил, восстановил'; ЗА-п(а) tiwa 'продолжить'.

Второе наречие, обозначаемое логограммой ЗА, имеет в качестве фонетического компонента знак, чтение которого в данном сочетании неясно. Этот знак, № 383, называемый «шипом», обычно читается га, но такое чтение здесь не подходит. Он может также использоваться как детерминатив лица. Как рассматривать «шип» в данном случае и как читать логограмму, при которой он стоит, неясно; однако значение наречий, написанных при помощи лигатуры из логограммы ЗА и «шипа» со следующими за этой лигатурой фонетическими компонентами, более или менее ясно: ЗА + 388-ta значит «затем», а ЗА + 388-sawati — «впредь».

Наречия-послелогов-превербы языка хеттских иероглифов имеют следующие соответствия в других хетто-лувийских языках:

Х.-И.	Лув.	Х.-Н.	Лик.	
a(n)ta	a(n)ta	anta(n)	ñte; ñte-pi	'в, на'
arha	?	arha	eri (?)	'из'
НАД-ta	sarri	ser	hr; hr-ppi	'вверх(у)'
ПОД-nan	} annan	katta(n)	ēnē	'под'
ПОД-ta				
paraп	parran	piran	?	'пере-, перед'
para/i	pari	para	pere	
ара(п)	appa(n)	appa(n)	epñ	'за'

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специальное рассмотрение места языка хеттских иероглифов среди других языков Малой Азии не входит в задачу настоящего очерка, однако приведенный грамматический и лексический материал с достаточной ясностью показывает, что этот язык относится к числу хетто-лувийских (совместно с лувийским и ликийским, а также хеттским-неситским, палайским и лидийским⁶⁴). Выдвинутая в свое время гипотеза о принадлежности языка хеттских иероглифов к группе *satəm* в отличие от остальных хетто-лувийских языков, являющихся языками группы *centum* (Гельб и Бонфанте), до сих пор является предметом дискуссии: в основе этой гипотезы лежат спорные чтения слов «лошадь», «рог» и «собака», соответственно — *asuwa-*, *šurna-* и *šuwana-*. Так как интерпретация начального согласного, входящего в эти слова слогового знака как *s* (по Гельбу *š*), за неимением других данных опирается только на этимологические соображения, она пока не может считаться окончательной и служить достаточным основанием для отнесения языка хеттских иероглифов к группе *satəm*.

Впрочем, В. В. Иванов, который принимает чтения *āsuwa-*, *šurna* и *šuwana-*, тем не менее считает, что они не дают основания выделять язык хеттских иероглифов среди других языков хетто-лувийской группы, — все языки этой группы могут рассматриваться как южное продолжение группы индоевропейских диалектов, являющихся переходными между языками *centum* и *satəm*, потому что они содержат как аномальные слова с ассибиляцией палатальных не только перед *u*⁶⁵, но и в других позициях (например, х.-н. *sasa-** 'заяц?'), так и аномальные слова, в которых ассибиляция перед *u* не осуществлена (например, х.-н. *zama(n)kur* 'борода', родственное др.-инд. *śmaśgu* с тем же значением)⁶⁶.

⁶⁴ Данные хетто-лувийских языков второй половины II тысячелетия до н. э., ликийского и лидийского, в настоящем очерке не приводятся (кроме отдельных ликийских парадигм). соответственную литературу см. в приложении 3, стр. 116.

⁶⁵ В положении перед другими гласными противопоставление заднеязычных (велярных) и палатальных нейтрализовалось в анатолийских языках еще в дописьменный период.

⁶⁶ Существует также точка зрения (Порциг), в соответствии с которой деление по линии *centum* — *satəm* вообще не означает принципиального размежевания языков, так как это деление не отражает диалектного членения в пределах индоевропейской языковой общности, а представляет собой результат более позднего воздействия арийских языков, распространившегося с востока.

№ знака (по списку Ларриша)	Чтения			№ знака (по списку Ларриша)	Чтения			№ знака (по списку Ларриша)	Чтения			№ знака (по списку Ларриша)	Чтения											
	знак	Мериджи	Грозный		Гельб	знак	Мериджи		Грозный	Гельб	знак		Мериджи	Грозный	Гельб	знак	Мериджи	Грозный	Гельб					
		Мериджи	Грозный		Гельб		Мериджи		Грозный	Гельб			Мериджи	Грозный	Гельб		Мериджи	Грозный	Гельб					
209	∏	a	a	a	210	∏	ā	ā	ā	376	↑	i	i	i	377	∏	ī	ja	ĩ	19	∫	e	á	'a
329	∏	i+a	ja		332	∏	i.ā	jā		329	∏	iā	ja		329	∏	ia	ja		105	∏	u	u,	,u
434	∏	ga	k(a) ga	ka ga										423	∏	ku	ku gu	ku gu		448	∏	cu	ku	
215	∏	ha	hā? u?	ha	196	∏	hā	ve	he					413	∏	hi	hā, hu, hi	hi						
100	∏	ta	ta	tx	29	∏	tā	tā	tx	41	∏	tā	ta ₂	ti di	172	∏	ti	te	ke ge					,
90	∏	da	tā	ta da										319	∏	di	tú	ki gi						
66?	∏	pa	pā	pi						334	∏	ba	pa	p(a) b(a)										
110	∏	ma	ma	ma										391	∏	mi	me	me						
411	∏	na	na	ni	214	∏	nā	nā	ne					395	∏	nū	nū?	nu	153	∏	nū	nū		
175	∏	la	la	la	445	∏	lā	lā	le	278	∏	li	li	li	371+ 383	∏	lí							
383	∏	r	(r)	rā						328	∏	ri	lā?lí? pú?	pu										
174	∏	sa	sā	sā	415	∏	s	s(a) s(u)	sa	433	∏	s	s(a) su,	si	104	∏	si	s(a)	se					
439	∏	wā	vā	wa						207	∏	wē,	ve,	wx	432	∏	wi	mē	wi					
314+ 383	∏	kar	ka ^(r)		103	∏	kān	kā ^(m)		290	∏	hār			389	∏	tar	ve ^(m) ? tar?						

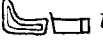

ПРИЛОЖЕНИЕ I Б

НОРМАЛЬНЫЙ СИЛЛАБАРИЙ ПО ГЕЛЬБУ
(I. J. Gelb, *Hittite Hieroglyphs*, III, 1942)

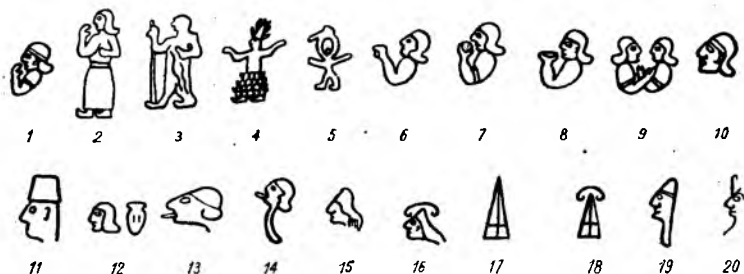
	а	е	і	и
Гласные				
Носовые				
h				
ī				
k/g				
l				
m				
n				
p/b				
r				
s				
š				
t/d				
w				
z (=ts)				
Слоговые знаки с неизвестными чтениями				

ПРИЛОЖЕНИЕ I B

НОРМАЛЬНЫЙ СИЛЛАБАРИЙ ПО ЛАРОШУ
(E. Laroche, *Les hiéroglyphes hittites*, I, 1960)

	a/e	i	u
Гласные	a/e ā } á	↑ i ↑ ī	
h	 ha ⊕ há/he	 hi	 hu
k/g	 ka/ga	 ki	 ku
l	 la ⊕ lá/lu	 li	⊕ lá/lu
m	 ma má	mi	 mu
n	 na nā ⊕ nà		nu ⊕ nú
p/b	 pa/ba	 pi	 pu
r	\ ra/ri	\ ra/ri	⊕ ru
s, s	 sa/s sá/s' sà ⊕ sa ₄ sá sa ₅		△ su
t/d	 ta/da tá tà tà ta ₄	 ti tí tì	 tu tú
w	ojo wa wá		

СПИСОК ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ
ПО Э. ЛАРОШУ¹

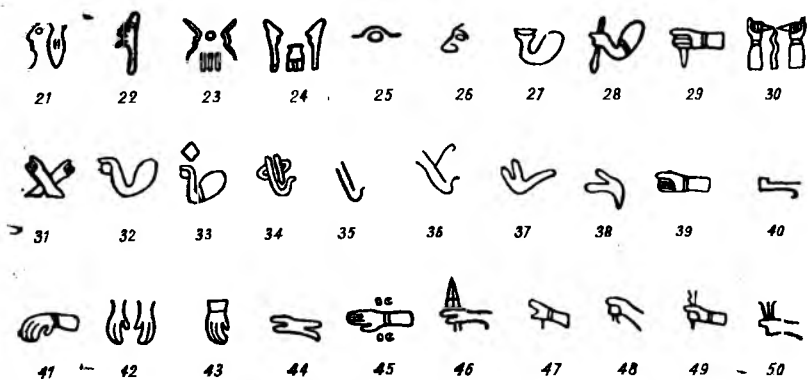

I. Знаки, изображающие части тела и одежду

1. «Я», лог.; фон. чт. *ati*; см. также № 2.
2. «Я» (вариант предыдущего, в транслитерации — Я₂).
3. Дет. лица.
4. Дет. имени царя.
5. Возможно, не является письменным знаком.
6. «ПОЧИТАТЬ», лог.; фон. чт. неизв.
7. «ЕСТЬ (КУШАТЬ)», лог.; фон. чт. *at*.
8. «ПИТЬ», лог.; фон. чт. и знач. неизв.
9. Лог. глагола; фон. чт. и знач. неизв.
10. I. «ЧЕЛОВЕК», лог.; фон. компл. *-ti/ta-*; фон. чт. неизв.
II. «ГОЛОВА», лог., фон. чт. *harmaḥi*².
11. ?
12. «СТАТУЯ, ИЗОБРАЖЕНИЕ», лог.; фон. чт. *tarusa-*.

¹ С точки зрения Э. Лароша, фонетические знаки хеттской иероглифики представляют собой преимущественно открытые слоги типа «гласный» и типа «согласный + гласный»; однако они могут иметь иногда, кроме слоговых, также буквенные чтения, например знаки № 35, 383, 391, 402, 411, 434, а также в единичных случаях могут представлять собой закрытые слоги типа «гласный + согласный», например знаки № 133, 421, и типа «согласный + гласный + согласный», например знаки № 13, 103, 247, 290, 367, 389, 451, и даже фиксируют двусложные сочетания, например знаки № 14 и 429. Способность фонетических знаков хеттской иероглифики передавать какие-либо звуки или звуковые сочетания, кроме слогов типа «гласный» или «согласный + гласный», оспаривается И. Дж. Гельбом (см. выше стр. 54).

² Если логограмма имеет более чем одно значение, для ее обозначения употребляется первое значение, например, для знака № 10 — ЧЕЛОВЕК, для знака № 12 — СТАТУЯ, для знака № 14 — ПЕРЕД, для знака № 45 — ДИТЯ, и т. д. (к сожалению, в литературе этот принцип выдерживается не всегда). В случаях, когда разные знаки имеют в качестве логограмм одинаковое первое значение, то при транслитерации такие значения снабжаются индексами (как и чтения слоговых знаков-омофонов), например, Я (знак № 1), Я₂ (знак № 2), Я₃ (знак № 19), ИДТИ (знак № 93), ИДТИ₂ (знак № 95) и т. д.

13. pâr.

14. I. 1) «ПЕРЕД», лог.; фон. чт. paḡan.

2) «С», лог.; фон. чт. paḡa.

II. pâr(a)

15. «ГОСПОЖА», лог.; фон. чт. неизв.

16. Лиг.: № 15+№ 363.

«ЦАРИЦА», лог. фон. чт. (в надписях из Каркемиша) hasusara-.

17. «ЦАРЬ», лог.; фон. чт. неизв.

18. Лиг.: № 17+№ 363.

«ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ»; лог., фон. чт. неизв.

19. I. «Я??» (в транслитерации — Яз), лог.; фон. чт. неизв.

II. á.

20. Лиг.: № 19+№ 378.

Фон. чт. á + s = as- или az-.

21. Лиг.: № 19+№ 337.

«ГЕРОИ?», лог.; фон. чт. неизв.

22. «ГОВОРИТЬ», лог. и дет.; фон. чт. неизв.

23. ?

24. I. «ГНЕВ», лог.; фон. чт. harsala-.

II. har.

25. s(i).

26. I. Лог.; фон. чт. и знач. неизв.

II. pa.

27. «ВОЗЛИЯНИЕ», лог.; фон. чт. sarla-.

28. I. «СИЛА», лог.; фон. чт. tuwa-.

II. «СИЛЬНЫЙ», лог.; фон. чт. tuwatalla/i.

29. tá.

30. Лог. глагола; фон. чт. и знач. неизв.

31.—33. ?

34. «ЗА, ПОЗАДИ», лог.; фон. чт. ara(n).

35. pa, -п.

36. Лиг.: № 35+№ 378.

Лог. глагола; фон. чт. и знач. неизв.

37.—38. ?

39. I. «СИЛЬНЫЙ», лог. и дет.; фон. чт. неизв.

II. tà.

40. Курсивная форма предыдущего знака (чередуются с tà, № 41).

41. I. «БРАТЬ», лог. и дет.; фон. чт. ta-.

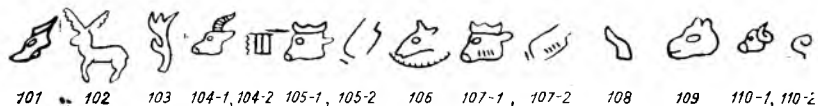
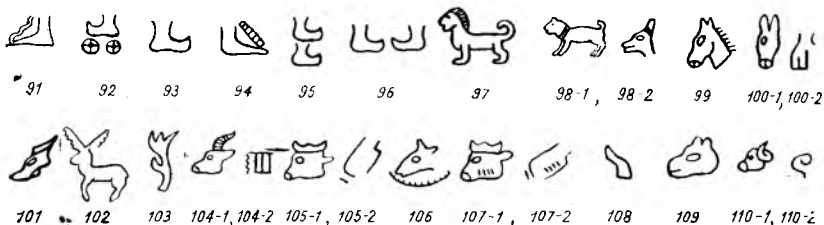
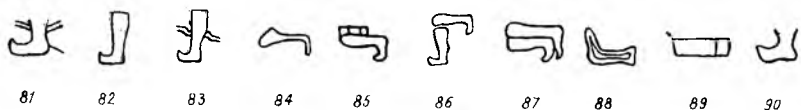
II. tà.

42.—44. ?

45. Лиг.: *рука*³ + № 386.
 I. «ДИТЯ», лог.; фон. чт. или фон. компл. (-) papa-.
 II. «СЫН», лог. и дет.; фон. чт. или фон. компл. (-) pamiwai-.
 III. «БРАТ», лог.; фон. компл. -la-; фон. чт. atila-?
46. Лиг.: № 45 + № 17.
 «ПРИНЦ, ПРИНЦЕССА», лог.; фон. чт. неизв.
47. Лог. неизвестного титула.; фон. чт. неизв.
48. ?
49. Лиг.: № 450 + № 29.
 «В, ВНУТРИ», лог.; фон. чт. anta(n) (антоним — arha, № 216).
- 50.—54. ?
55. pi.
56. ka.
57. «ПОД», лог.; 1) с фон. компл. -ta; фон. чт. kata?;
 2) с фон. компл. -nan; фон. чт. annan.
58. Лиг.: № 57 + № 378.
 «С, РЯДОМ С; СРЕДИ?», лог.; фон. компл. -па; фон. чт. неизв.
59. «РУКА», лог.; фон. чт. asatara-.
60. Дет. глаголов действия.
61. ?
62. «ДЛИННЫЙ, ДОЛГИЙ», лог. и дет.; фон. чт. aga-.
- 63.—64. ?
65. «КЛАСТЬ, ПОМЕЩАТЬ», лог.; фон. чт. tuwa-.
66. pi.
- 67.—69. ?
70. «НАД», лог.; фон. чт. неизв.
- 71.—74. ?
75. № 41, повернутый на 180°.
- 76.—77. ?
78. Лог.; фон. чт. eruta/i-, знач. неизв.
79. I. «ЖЕНЩИНА», лог.; фон. компл. -ti-; фон. чт. неизв.
 II. «МАТЬ», лог.; фон. чт. или фон. компл. (-) pati-.
80. Лиг.: *нижняя половина тела* + № 391.
 Лог. имени божества Saṅgita, поздн. форма Saṅga.

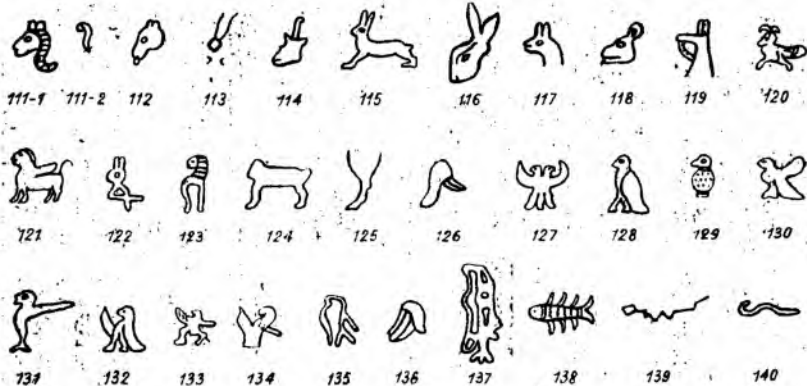
³ Здесь и ниже курсивом выделено название предмета, изображаемого рисунком, представляющим собой письменный знак, символ или орнаментальный мотив на печатях (см. выше, стр. 51—52).

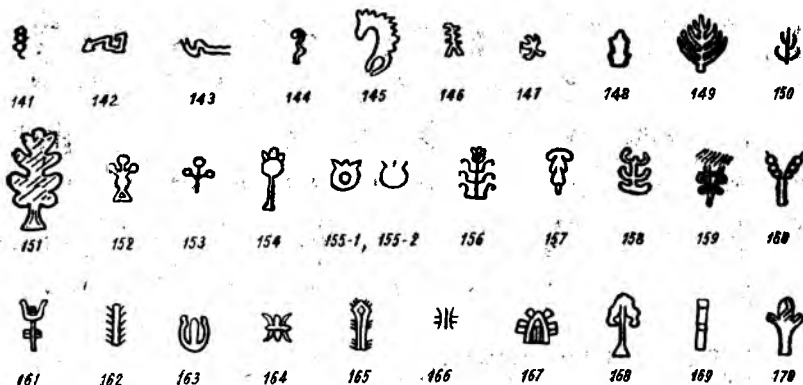
81. Лиг.: № 80 (упрощ. вариант) + № 383.
Лог. имени божества Sagma.
82. I. «ПРИХОДИТЬ?», лог.; фон. чт. ta₆-?
II. «УСТАНОВИТЬ», лог.; фон. чт. taniwa-.
III. ta₆.
83. Лог. глагола; фон. чт. и знач. неизв.
84. ?
85. l(a).
86. Лог. глагола; фон. чт. и знач. неизв. («ПРОХОДИТЬ?»).
87. ?
88. tu.
89. Курсивная форма предыдущего знака? tu (в позднихеттских надписях)
90. I. «СТУПНЯ, НОГА», лог.; фон. чт. pata-.
II. «ИДТИ, ПРИХОДИТЬ», лог., фон. чт. tiwa-.
III. «НЕСТИ», лог; 1) фон. чт. usa-;
2) фон. чт. ура-.
IV. Дет. нескольких слов, значение которых неизвестно.
V. ti, te, (ta?).
- 91.—92. ?
93. № 90, повернутый на 180°.
«ИДТИ», лог. и дет. нескольких глаголов движения; фон. чт. неизв.
94. ?
95. «ИДТИ» (в транслитерации — ИДТИ₂), лог.; фон. компл. -ta-, фон. чт. неизв.
96. Лог.; фон. чт. tarpa/i-, знач. спорно («ТОПТАТЬ?»).

II. Знаки, изображающие животных

97. ?
98. «СОБАКА», лог.; фон. чт. suwapa-? (чтение согл. s вызывает сомнения, см. № 448).
99. «ЛОШАДЬ», лог. (с показателем логограммы, № 404); фон. чт. asuwa- (чтение согл. s вызывает сомнения, см. № 448).
100. I. «ОСЕЛ», (лог. с показателем логограммы, № 404);
1. фон. чт. tarkasna-.
2. фон. чт. turlakalisa-.
II. ta₄.
101. ?
102. I. «(БОГ) ОЛЕНЬ», лог.; фон. чт. Tuwat-?
II. ru (чередуется с ru, № 412).

103. I. «(бог) ОЛЕНЬ» (в транслитерации — ОЛЕНЬ₂), лог.; фон. чт. Tu-wat->Ruwat- (см. № 102).
 II. ru (чередуются с № 102 и № 412).
 III. kaг (чередуются с ka+г, см. № 315).
104. sa.
105. I. «БЫК», лог. (с показателем логограммы, № 404); фон. чт. wawa- или uwa-.
 II. Лог. (с показателем логограммы, № 407); фон. чт. usupata-, знач. неизв.
 III. u(wa), см. № 107.
106. Лог. имени божества; фон. чт. неизв.
107. Лиг. № 391 + № 105.
 tuwa, tu.
108. I. «РОГ», лог.; фон. чт. surpa-? (чтение согл. s вызывает сомнение, см. № 448), дет. слов «рог», «изобилие» и др. слов, значение которых неизвестно.
 II. su.
109. Лог. наименования города Малатья; фон. чт. неизв.
110. ma.
111. «ОВЦА», лог. (с показателем логограммы, № 404); вероятное фон. чт. hawa-.
112. i₄ (чередуются с i, № 377).
- 113.—114. ?
115. I. Лог. и дет.; фон. чт. tara, знач. неизв.
 II. Лиг.: № 115+№ 383.
 Лог.; фон. чт. taraga-, taragi-, tarpa- (tarapia- 'правление, власть?' taragiali- 'правитель?').
- 116.—124. ?
125. li
126. ?
127. *Двуглавый орел* — орнаментальный мотив на печатях.
128. I. Лог.; фон. чт. неизв. (второй знак в написании имени богини Купапы).
 II. i₆.
129. ?
- 130.—132. Фонет. знаки, чт. неизв.
133. ar.
134. Курсивная форма предыдущего знака,
 ar.
- 135.—140. ?

141. Фон. знак, чт. неизв.
 142.—143. Лог. имен: неизвестных божеств; фон. чт. неизв.
 144. Письмен. знак?
 145.—146. ?
 147. Письмен. знак?
 148. ?

III. Знаки, изображающие растения

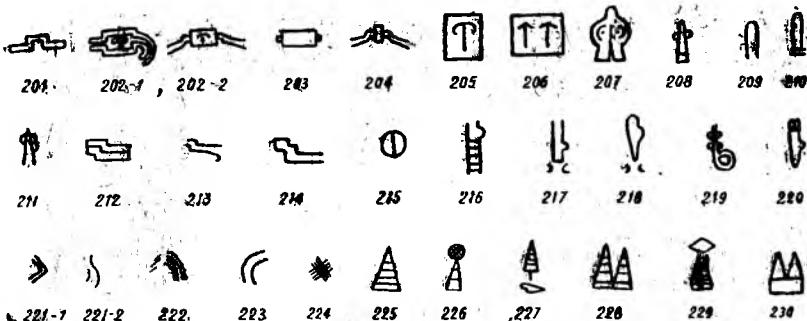
149. *Колос* — символ бога «Зерно» (клинописн. ^dHaliki).
 150. *Древо жизни* — орнаментальный мотив на печатях.
 151. Лог. имени собств. Teliripi.
 152. Упрощ. форма предыдущего знака? «Процветание?» — символ на печатях.
 153. pí (чередуется с пи, № 395).
 154. Символ на печатях.
 155. *Гранат* — орнаментальный мотив (?) на печатях.
 156.—159. ?
 160. I. «ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА», лог.; фон. чт. tuwarsa.
 II. «ВИНО», лог.; фон. чт. wíapa.
 III. Дет. слов, обозначающих понятия, связанные с вином или виноделием.
 161.—162. ?
 163. Лог.; фон. компл. -tuha-, фон. чт. и знач. неизв.
 164. ?
 165. I. «ДОБРЫЙ», лог.; фон. чт. неизв.; дет. слов, обозначающих благоприятные понятия и действия.
 II. wá.
 166. wá.
 167.—171. ?
 172. tí (чередуется с ti, № 319).
 173. Лог. титула сановника.
 174. sá.
 175. la.
 176. Симметричный вариант предыдущего знака?
 177. ?
 178. Лиг.: № 175+№ 377.
 la+i.
 179. Дет. нескольких слов, значение которых неизвестно.
 180. ?

181. «ХЛЕБ», лог.; 1) фон. чт. turpi-
2) фон. чт. или фон. компл. (-)arsa-.

IV. Знаки, изображающие явления природы

182. I. «НЕБО», лог.; фон. чт. tapas- или teras-.
II. «ЧАША», лог.; фон. чт. tapasa-?
- 183.—185. ?
186. lu?
187. Звезда с шестью лучами — символ или орнаментальный мотив на печатях.
188. Звезда со множеством лучей — символ или орнаментальный мотив на печатях.
189. Розетка — символ на печатях.
190. Крылатый диск —
1) орнаментальный мотив на рельефах и надписях;
2) «МОЕ СОЛНЦЕ», лог. царского титула; фон. чт. неизв.
3) в положении над двумя знаками № 18 («ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ»), расположенными под оконечностями крыльев, составляет традиционный царский картуш (или так называемую эдикулу) на надписях и печатях.
191. «СОЛНЦЕ», лог. (с дет. № 360); фон. компл. -wai/wata- фон. чт. неизв.
192. «ВОСТОК», лог. (иногда с дет. № 360), фон. чт. kisa'jami.
193. I. «ЛУНА», лог. (с дет. № 360); обычно в виде лиг. с № 391 (má), фон. чт. Agma.
II. «МЕСЯЦ» (календарный), лог.; вероятное фон. чт. agma-.
- 194.—195. Символ на печатях.
196. I. «МОЛНИЯ», символ и лог. имени бога бури.
II. ha (см. также № 199).
197. Лиг.: № 196 + № 278.
Лог. имени собств. Hattusili.
198. Лог. имени божества; фон. чт. неизв.; дет.
199. I. Символ и лог. имени бога бури (обычно транслитерируется БОГВ. фон. чт. — Tesur, или Tarhu-, или Tatta(?)) — зависит от времени и территории, к которым относится печать или надпись.
II. ha.
200. Лиг.: № 199 + неизв. знак.
«МОГУЩЕСТВО», лог.; фон. компл. -has; фон. чт. неизв.
201. I. «ЗЕМЛЯ», лог.; 1) фон. чт. tashuwar-(?)
2) фон. компл. -ti-; фон. чт. неизв.
II. «РАВНИНА», лог.; фон. компл. -wagi, фон. чт. неизв.
III. Дет. нескольких слов, значение которых неизвестно.

202.—203. ?

204. wa

205. Лог.; фон. чт. atupa-; знач. неизв.

206. Лог. имени божества; фон. чт. неизв.

207. Лиг.: «ГОРА» + № 360.

I. «ГОРА», лог. и дет.; фон. чт. неизв.

II. wa.

208. ?

209. I. a.

II. e.

210. ā.

211. ?

212. «РЕКА, ВОДА», лог. и дет.; фон. чт. неизв.

213. ?

214. pá.

215. I. «ВОДОЕМ?» лог., входящая в написание имени соб. *Suppiluliuma*, соответствует х.-н. *lulija-?* (см. № 322).

II. he, há.

216. I. «ГРАНИЦЫ», лог.; фон. чт. arh(a)i.

II. «С, ИЗ», лог.; фон. чт. arha (антоним — anta, № 49).

217.—220. ?

221. I. «ДОРОГА», лог.; фон. чт. harwant-?

II. «ПОСЫЛАТЬ», лог.; фон. чт. harwapa-.

222. ?

223. s(a)ε.

224. ?

V. Знаки, изображающие постройки

225. I. «ГОРОД», лог. и дет., фон. компл. mpa-; фон. чт. неизв.

II. mú?

226. ?

227. Сочетание: № 225 (иногда + № 383) + № 278.

Лог. имени соб. *Mursili*.

228. «СТРАНА», лог. и дет., пишущийся после наименования страны или столицы; фон. чт. неизв.

229. Лиг.: № 228 + № 419.

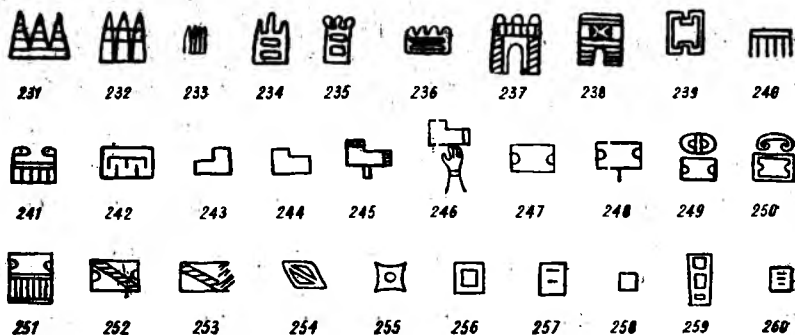
230. tuε.

231. «КРЕПОСТЬ», лог.; фон. чт. harnas(a)i (plurale tantum).

232.—231. ?

233. me (= № 391 ?).

234.—236. ?

237. «ВОРОТА (городские)», лог.; фон. чт. неизв.
 238. «ВОРОТА (дворца)» (в транслитерации — ВОРОТА₂), лог.; фон. чт. компл. -lapa- (фон. чт. hilapa-?).
 239.—243. ?
 244. «ПОСТРОЙКА», лог.; фон. чт. неизв.
 245. «ЗДАНИЕ», лог.; фон. чт. tapata-.
 246. «СТРОИТЬ», лог.; фон. компл. -та/i-; фон. чт. неизв.
 247. I. «ДОМ», лог. и дет.; фон. чт. rapna-.
 II. pãr.
 248. Лиг.: № 247 + № 383.
 pãr(па).
 249. Лиг.: № 360 + № 247.
 «ХРАМ», лог.; фон. компл. -hata-, фон. чт. неизв.
 250. Лиг.: № 363 + № 247.
 «ДВОРЕЦ», лог.; фон. чт. неизв.
 251. Вариант предыдущего знака?
 252. Лиг.: № 247 + неизвестный знак.
 Лог. существительного, обозначающего специальное помещение для женщин; фон. компл. -tawana-; фон. чт. неизв.
 253. ?
 254. «ДВОРЕЦ» (в транслитерации — ДВОРЕЦ₂).
 255. «АМБАР», лог. и дет.; фон. чт. katupa-.
 256. ?
 257. Дет. нескольких глаголов и существительных.
 258.—260. ?
 261. Лог. двух глаголов: 1) фон. компл. -tagu-; фон. чт. и знач. неизв.
 2) фон. компл. -tara-; фон. чт. и знач. неизв.
 262.—263. ?
 264. «ОСНОВАНИЕ, ЦОКОЛЬ», лог.; фон. чт. humati-.
 265. Лог.; фон. чт. или компл. (-)mipala-; знач. неизв.
 266. ?
 267. «СТЕЛА», лог.; фон. чт. wapai.
 268. Дет. существительных, обозначающих изделия из камня.

VI. Знаки, изображающие оружие, орудия труда, мебель и т. п.

269. «ВОЙСКО», лог.; фон. компл. -la(n)-, фон. чт. неизв.
 270.—272. ?
 273. I. Лог. 1) фон. чт. wagra-; знач. неизв.

2) фон. чт. hutali-; глагол, знач. неизв.

II. Дет. глагола tupi- 'ударять'.

274. Лог.; фон. чт. и знач. неизв.

275. ?

276. Лог., при помощи которой пишется вторая часть ряда теофорных имен; фон. чт. неизв. (по Х. Г. Гютербоку — ziti, по Штейнгеру — (h)a-ta, по Х. Т. Боссерту — si-ta); Э. Ларош предлагает значение «БРАТ».

277. Лиг.: кинжал (?) + № 175.

Лог. (часть царской титулатуры), фон. чт. и знач. неизв.

278. li.

279. Лог. наименования чиновника; фон. чт. и знач. неизв.

280. I. «РАЗБИВАТЬ, СТИРАТЬ», лог.; фон. чт. или фон. компл. (-)wala-?

II. wa₅.

281.—287. ?

288. «КОЛЕСНИЦА», лог.; 1) фон. чт. или фон. компл. (-)wagina-?

2) фон. чт. или фон. компл. (-)kusa-?

289. «КОЛЕСНИЧИЙ», лог., фон. чт. ismanala-?

290. Лиг.: № 292 + № 383.

hâr = hâ + r(a).

291.—293.

294. «ТРОН», лог.; фон. чт. asatar(a).

295. ?

296. Лиг.: № 294 + № 207.

Лог. наименования обожествляемой горы; фон. чт. неизв.

297. Вариант предыдущего знака?

298. «ТРОН» (в транслитерации — ТРОН₂), вариант знака № 294, лог.; фон. чт. неизв.

299. Курсивная форма предыдущего знака.

I. «СИДЕНИЕ» лог.; фон. чт. или фон. компл. (-)asa-

II. as(a).

III. â.

300. «ПОТОМСТВО» (всегда в сочетании со знаком ti₄, № 488), лог.; фон. чт. или фон. компл. (-)hâ-su??-.

301. ?

302. «СТОЛ», лог.; фон. чт. неизв.

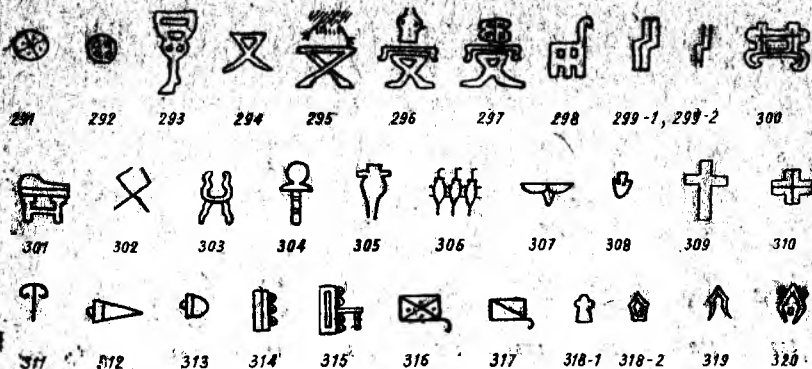
303. ?

304. та₅.

305. «ВЕРЕТЕНО», лог., фон. чт. или фон. компл. (-)satar(a)-.

306. hî.

307. hu (чередуется с hû, № 342).

308.—310. ?

311. Дет. нескольких существительных.

312. I. «ЧЕЛОВЕК» (в транслитерации — ЧЕЛОВЕК₂), лог.; (=клинописн. LU в титулах чиновников); фон. чт. неизв.

II. С фонет. компл. -i, № 376, соответствует элементу -ziti в мужских именах собств. (= клинописн. -LU-i).

313. Позднехеттская форма предыдущего знака.

I. 1) «МУЖЧИНА», лог.; фон. компл. -ti.
2) «МУЖСКОЙ», лог.; фон. компл. -tita.

II. Соответствует элементу -ziti в мужских именах собственных (см. предыдущий знак).

III. i.

314. I. Дет. нескольких существительных.

II. ka.

315. Лиг.: № 314 + № 383.

ka + r = kar; чередуется с ka + r, лиг. № 434 + № 383.

316. s(a)₇.

317. ?

318. Лог. имени божества Tesur-ра, всегда с фон. компл. -ра (=клинописн. Tešub).

319. té/ti (чтение установлено на основании чередования со знаками ta₄—№ 100, ti—№ 172 и, возможно, также tā—№ 39; И. Дж. Гельб предлагает чтение zi).

320. Предположительно (по Х. Г. Гютербоку) — лог. с фон. чт. шиwa; при помощи этой лог. иногда пишется вторая часть ряда теофорных имен (чередуется с более частым написанием при помощи знака № 107).

321. ?

322. «ЧИСТЫЙ», лог., входящая в написание имени соб. Suppiluliuma, — соответствует х.-н. suppi-? (см. № 215, 1).

323.—324. Варианты знака № 322 ?

325. tú (чередуется с tu, № 89).

326. I. «ПИСЕЦ», лог.; фон. чт. tuppala-.

II. tu₄.

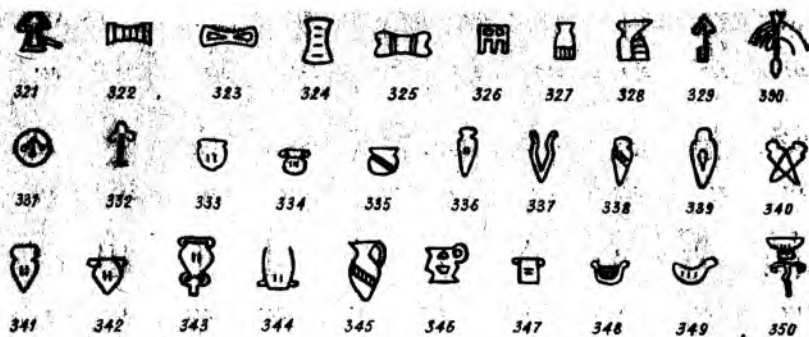
327. I. «ПЕЧАТЬ», лог.; фон. чт. sasai.

II. sa₅.

328. pa.

329. I. Лог. относительного местоимения (транслитерируется — OTH) и союзов, производных от него; фон. чт. hwa?

II. ho ?

330. «ВЫСЕКАТЬ», лог.; фон. чт. hui?

331. I. «ПРАДЕД, ПРЕДОК», фон. чт. huha-

II. hū.

332. Вариант знака № 329 (в транслитерации — OTH₂).

VII. Знаки, изображающие сосуды

333. ? См. № 341.

334. pa.

335. i.

336. I. «ГОД», лог.; фон. чт. uca-

II. is.

337. ? Тождествен предыдущему знаку?

338. Дет. глагола partupa-, значение которого неизвестно.

339. ?

340. ? Тождествен знаку № 336?

341. Дет. существительного atapasama- 'мудрость' и нескольких др. существительных, значение которых неизвестно.

342. hū.

343.—349. ?

350. Лиг. № 349 + № 311.

Лог.; фон. чт. asharmi-.

351.—356. ?

357. Дет. причастия ig(a)imi-, значение которого неизвестно.

358. «ДЕНЬ», лог.; фон. чт. hali-.

359. ?

VIII. Знаки-символы⁴

360. «БОГ, БОГИНЯ», лог. и дет.; фон. компл. -па-, фон. чт. *masana-?

361. ?

362. ma.

363. I. «БОЛЬШОЙ, ВЕЛИКИЙ», лог.; фон. чт. uga- (в хурр. именах собств. — talmi-); в лиг. с др. знаками, см., например, № 16, 18, 250.

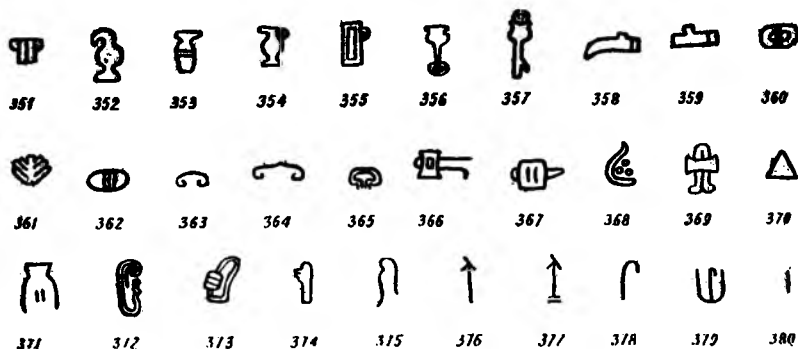
II. ug(a).

364.—365. ?

366. «ВСЕ, ВСЕ», лог.; фон. чт. tanami-.

367. tal (лиг. ta_x? + li ?).

⁴ Т. е. знаки, каким-то вторичным образом связанные с изображаемым предметом, см. выше, стр. 52.

368. «ЗЛО, ЗЛОЙ», лог. и дет.; фон. чт. неизв.

369. «ЖИЗНЬ», символ на печатях.

370. I. «БЛАГО, ЗДОРОВЬЕ», символ на печатях.

II. (a)su.

371. I. «СУД, СУДЬЯ?», лог.; фон. чт. tar(a)wapa-.

II. tár.

372. «ЖРЕЦ», лог.; фон. чт. неизв.

373.—375. ?

376. I. «ЭТОТ», лог.; фон. чт. i- или ki-?

II. i.

377. i.

378. Обычно в лиг. с др. знаками, см., например, № 20, 36, 58.

379. I. «ЗАПАД», дет. существительного arapi- «запад» и глагола атапа-, значение которого неизвестно.

II. a₄.

IX. Знаки, изображающие линии, цифры, геометрические фигуры

380. «1», лог.; фон. чт. неизв.

381. ?

382. Дет. нескольких существительных.

383. Так называемый «шип».

I. Дет. лица (в позднехеттских надписях перед муж. и жен. именами собств.).

II. +ga/ri/r; +ta/ti; всегда в лиг. с др. знаками, см., например, № 115, 248, 290, 315.

384. «2», лог.; фон. чт. t(u)wa-?

385. ?

386. Употребляется в надписях Нового хеттского царства, где графическая функция этого знака не выяснена, и в позднехеттских надписях — в качестве словоразделителя.

387. mi (чередуется с mi, № 391).

388. «3», лог.; фон. чт. tara/i- или tra/i-.

389. Лиг. № 388 + № 383.

tar или tra.

390. «ГОСПОДИН». лог.; фон. компл. -appa или -papa-.

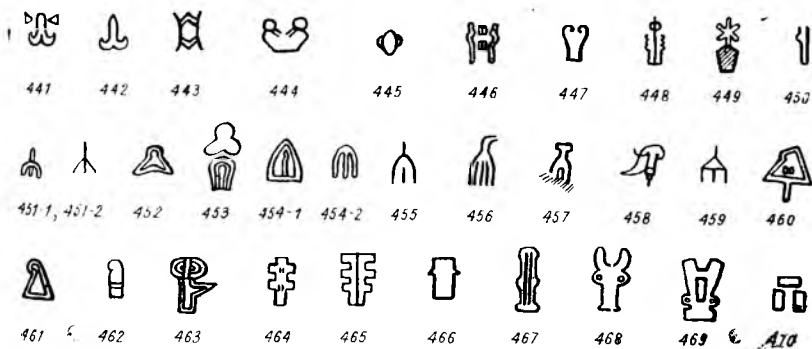
391. I. «4», лог.; фон. чт. неизв.

II. mi, ma, m.

392. «5», лог.; фон. чт. неизв.

393. «8», лог.; фон. чт. неизв.
 394. ?
 395. I. «9», лог., фон. чт. пшва-?
 II. пи.
 396. ?
 397. «10», лог.; фон. чт. неизв.
 398. ?
 399. «100?», лог.; фон. чт. неизв.
 400. «1000?», лог.; фон. чт. неизв.
 401. ?
 402. I. Лог. и дет.; фон. чт. и знач. неизв.
 II. sa₄, s₄ (чередуются с sa, № 415).
 403. ?
 404. Показатель логограммы (под знаками № 99, 100, 103; 105, 111).
 405.—406. ?
 407. Показатель логограммы (под знаками № 105, 269, 331, 379 и др.)
 408.—409. ?
 410. Показатель логограммы в позднихеттских надписях.
 411. I. na, -n₂ (чередуются с na, № 35, и с nā, № 214).
 II. ni ?
 412. ru.
 413. hi (чередуются с ha, № 196, и с he/hā, № 215).
 414. Лог. титула; фон. компл. -la; фон. чт. и знач. неизв.
 415. sa, s.
 416. Лог. первого слова, входящего в имена собственные на печатях Нового Хеттского царства.
 417.—418. ?
 419. I. Лог. титула чиновника?
 II. mi (чередуются с mi, № 391)

420. Дет. перед существительным washa-.
 421. us (чтение us засвидетельствовано только в имени Sa + us-ka).
 422. ?
 423. ku.
 424.—428. ?
 429. tana — второй знак в написании названия Atana(wa), его фон. чт. подтверждается вариантом написания A-ta₄-na-.
 430.—431. ?
 432. zu.

Х. Знаки неясного характера

433. sa (чередуются с sa, № 445, и sa, № 104).
 434. ka, k.
 435.—438. ?
 439. I. wa. (ú).
 II. wí ?
 440. Орнаментальный мотив или символ на печатях.
 441.—444. ?
 445. I. la, li, lu (соответствует la, li, lu в клинописных параллелях).
 II. lá, lì (чередуются с la, № 175, и li, № 278; возможно, тождествен знаку № 186, lu?).
 446. ki.
 447. I. «K, C(O СТОРОНЫ)», лог.; фон. компл. -wan; фон. чт. неизв.
 II. pa₅.
 448. su? (согласный вызывает сомнение).
 449. Вариант предыдущего?
 450. Знак-заполнитель⁵, транслитерируется при помощи апострофа (').
 451. hu.
 452.—561. ?
 462. pa ??
 463. ?
 464. Лог.; фон. чт. hatama-; знач. неизв.
 465.—471. ?
 472. Лог.; фон. чт. masari-; знач. неизв.
 473. ?

⁵ См. выше, стр. 48 и 62.

471

472

473

474

475

476

477

478

479

480

481

482

483

484

485

486

487

488

489

490

491

492

493

494

495

496

497

474. Лог.; фон. чт. wasanasa-; знач. неизв.

475. ?

476. Лог.; фон. чт. и знач. неизв.

477. Лог.; фон. чт. и знач. неизв.

478. Лиг.: № 477 + № 311.

Дет. перед прилагательным kuturili- (эпитет жертвенной овцы).

479.—487. ?

488. ti₄ (чередуются с ti/ta, № 90).

489.—493. ?

494. Орнаментальный мотив?

495. ?

496. Лог. царского титула?

497. ?

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Д

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ЛОГОГРАММ (ПО ЛАРОШУ)¹

АМБАР, 255	ЖЕНЩИНА, 79	ПРАДЕД, 331
БЛАГО, 370	ЖИЗНЬ, 369	ПРЕДОК, 331
БОГ, БОГИНЯ, 360	ЖРЕЦ, 372	ПРИНЦ, ПРИНЦЕС-
БОЛЬШОЙ, 363	ЗА, 34	СА, 46
БРАТ, 45	ЗАПАД, 379	ПРИХОДИТЬ, 82, 90
БРАТЬ, 41	ЗДАНИЕ, 245	ПРОХОДИТЬ ?, 86
БЫК, 105	ЗДОРОВЬЕ, 370	РАВНИНА, 201
В, 49	ЗЕМЛЯ, 201	РАЗБИВАТЬ, 280
ВЕЛИКИЙ, 363	ЗЛО, ЗЛОЙ, 368	РЕКА, 212
ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ, 18	ИДТИ, 90, 93, 95	РОГ, 108
ВЕРЕТЕНО, 305	ИЗ, 216	РУКА, 59
ВИНО, 160	ИЗОБРАЖЕНИЕ, 12	РЯДОМ С, 58
ВИНОГРАДНАЯ ЛО-	К, 447	С, 14, 58, 216
ЗА, 160	КЛАСТЬ, 65	СИДЕНЬЕ, 299
ВНУТРИ, 49	КОЛЕСНИЦА, 288	СИЛА, 28
ВОДА, 212	КОЛЕСНИЧИЙ, 289	СИЛЬНЫЙ, 28, 39
ВОДОЕМ, 215	КРЕПОСТЬ, 231	СОБАКА, 98
ВОЗЛИЯНИЕ, 27	ЛУНА, 193	СОЛНЦЕ, 191
ВОЙСКО, 269	ЛОШАДЬ, 99	СО СТОРОНЫ, 447
ВОРОТА, 237	МАТЬ, 79	СРЕДИ?, 58
ВОРОТА, 238	МЕСЯЦ, 193	СТАТУЯ, 12
ВОСТОК, 192	МОГУЩЕСТВО, 200	СТЕЛА, 267
ВСЕ, ВСЕ, 366	МОЕ СОЛНЦЕ, 190	СТОЛ, 302
ВЫСЕКАТЬ, 330	МУЖСКОЙ, 313	СТРАНА, 228
ГЕРОИ ?, 21	МУЖЧИНА, 313	СТРОИТЬ, 246
ГНЕВ, 24	НАД, 70	СТУПНЯ, 90
ГОВОРИТЬ, 22	НЕБО, 182	СУД, СУДЬЯ?, 371
ГОД, 336	НЕСТИ ?, 90	СЫН, 45
ГОЛОВА, 10	НОГА, 90	ТОПАТЬ?, 96
ГОРА, 207	ОВЦА, 111	ТРОН, 294, 298
ГОРОД, 225	(бог) ОЛЕНЬ, 102, 103	УСТАНОВИТЬ, 82
ГОСПОДИН, 390	ОСЕЛ, 100	ХЛЕБ, 181
ГОСПОЖА, 15	ОСНОВАНИЕ, 264	ХРАМ, 249
ГРАНИЦЫ, 216	ПЕРЕД, 14	ЦАРИЦА, 16
ДВОРЕЦ, 250, 254	ПЕЧАТЬ, 327	ЦАРЬ, 7
ДЕНЬ, 358	ПИСЕЦ, 326	ЦОКОЛЬ, 264
ДИТЯ, 45	ПОД, 57	ЧАША, 182
ДЛИННЫЙ, 62	ПОЗАДИ, 34	ЧЕЛОВЕК, 10, 312
ДОБРЫЙ, 165	ПОМЕЩАТЬ, 65	ЧИСТЫЙ?, 322
ДОЛГИЙ, 62	ПОСТРОЙКА, 244	ЭТОТ, 376
ДОМ, 247	ПОСЫЛАТЬ, 221	Я, 1, 2, 19
ДОРОГА, 221	ПОТОМСТВО, 300	
ЕСТЬ, 7	ПОЧИТАТЬ, 6	

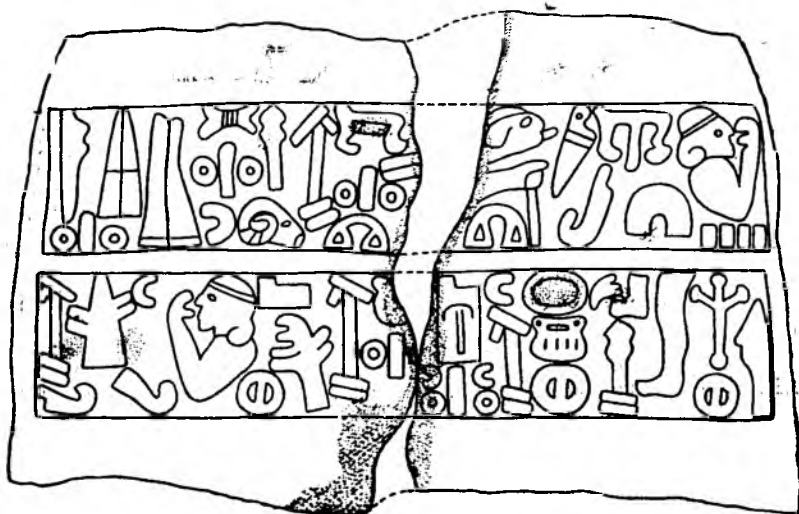
¹ Число после запятой обозначает № знака.

ОБРАЗЦЫ ХЕТТСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

А. Надпись из Рестана (к югу от Хамы), IX в. до н. э.

Фотография (I. J. Gelb, *Hittite Hieroglyphic Monuments*, LXVII, 47)

Автография (по Гельбу): I. J. Gelb, *Hittite Hieroglyphic Monuments*, LXVII, 47

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ (ПО ЗНАКАМ)

1. Я-mi U+r(a)-hi-li-na Pár(a)-tá-s(a) [ДИТЯ(-)na]-mu-wa-i-s(a) a-ma-tú-wa-nâСТРАНА ЦАРЬ 'wa 2. i-n(a) ГОРОД+mi-nâ-n(a) Я СТРОИТЬ+mi-hâ i-pa-wa)СТЕЛА(wa-nâ-i БОГ(ИНЯ)Pa-hâ-la-ti-a ПРИХОДИТЬ-nú-hâ-â

СЛИТНАЯ ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Я-mi Ur(a)hiliina Par(a)tas(a) ДИТЯ(-)namuwaís(a) amatuwanaСТРАНА ЦАРЬ 'wa in(a) ГОРОД-minan(a) Я СТРОИТЬ-miha i(n)-pa-wa СТЕЛА wanaí БОГ(ИНЯ)Pahalatiâ ПРИХОДИТЬ-nuhâ

ПЕРЕВОД

Я Урхилина, сын Парты, в аматской (стране) царь; этот город я построил; эту стелу (богине) Пахалати я установил(?)

ПРИМЕЧАНИЯ

Я — лог., фон. чт. am; слово, с которого обычно начинаются хеттские иероглифические надписи; как правило, имеет при себе энклитики (-mi, mi-a, -wa-mi и др.).

-mi — энклитическая местоименная частица.

Ughilina — им. пад. ед. ч. (без оконч.), имя соб. царя страны Амату (совр. Хама), современника ассирийского царя Салманасара III (859—824).

ДИТЯ — лог. и дет.; в значении «сын» имеет фон. комплемент или фон. чт. (-)napiwai-; (-)napiwaís — род. пад. ед. ч.; napiwai-, общ. р.

amatuwana — дат. пад. ед. ч.; amatuwana- — прил. с суфф. -wana-, образующим имена, производные от топонимов, — «аматская (страна)»; Amatu — название позднехеттского царства.

СТРАНА — лог. и дет., который ставится после названия страны или столицы.

'wa — энклитика или комплекс энклитик. Первый элемент рассматривается Ларошем (знак № 450) как чисто графический («заполнитель»), откуда условное обозначение — ' ; Мериджи читает соответственный знак â и отождествляет с х.-н. пи 'и'; (-)wa — по Ларошу — частица прямой речи, по Мериджи — союз, соединяющий предложение.

i(n) — вин. пад. ед. ч. указательного местоимения i- 'этот'.

ГОРОД-minan — вин. пад. ед. ч.; лог.; фон. компл. -mina-; фон. чт. неизв. СТРОИТЬ-miha — 1 л. ед. ч. прош. вр. глагола «строить»; лог.; фон. компл. -ma/i-; фон. чт. неизв.

i(n)-pa-wa — сочетание вин. пад. указ. местоимения i (п перед согласным не обозначается) с комплексом энклитик (-pa — сочинит. союз)

) СТЕЛА (— лог.-дет. перед фонет. написанием слова «стела»;) (— показатель логограммы.

wanaí — им.-вин. пад. ед. ч.; wanaí ср. р., «стела».

БОГ(ИНЯ) — дет. перед именем божества.

Pahalatiâ — дат. пад. ед. ч.; Pahalati — имя соб. богини, семит. Ba'alat.

ПРИХОДИТЬ-nuhâ — 1 л. ед. ч. прош. вр. глагола tapiwa- 'установить, доставить, заставить установить' (?); (?); написание ПРИХОДИТЬ-nuha вместо ПРИХОДИТЬ-nuwa (и- вместо -иwa- — частое явление, см. выше, стр. 63).

Б. Надпись из Эркилета (к сев. от Кайсери), VIII в. до н. э.

Фотография (I. J. Gelb, *Hittite Hieroglyphic Monuments*, XXXVII, 21)

Автография (по Гельбу): I. J. Gelb, *Hittite Hieroglyphic Monuments*, XXXVII, 21

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ (ПО ЗНАКАМ)

а) по силлабарю Гельба

1. \bar{i} -wa 'a-la-n(a) ИМЯ СОБ. 'A-s(a)-tu-wa-su-s(a) tu-t(e)
2. \bar{i} -pa-wa-te ni ki-a-s(e)-ha sa-ni-a-ta

б) по силлабарю Лароша

1. \bar{i} -wa á-la-n(a) ИМЯ СОБ. Á-s(a)-ti-wa-su-s(a) | (tu-ta₄
2. \bar{i} -pa-wa-ta₄ | (nâ | (ОН-a-s(â)-há | (sa-nâ-â-ti

СЛИТНАЯ ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

\bar{i} n)-wa alan(a) As(a)tiwasus(a) tut(a)
 \bar{i} (n)-pa-wa-ta па ОН-as (a)ha san âti

ПЕРЕВОД

Этот памятник установил Астивасус; (пусть) никто его (т. е. памятник) не устранил(?)!

ПРИМЕЧАНИЯ

\bar{i} n, -wa — см. примечания к предыдущему тексту.

alan — вин. пад. ед. ч.; ala-, общ. р., вид памятника.

Наклонная черта в автографии — дет. имени собств.

Astiwasus — им. пад. ед. ч.; Astiwasu- имя собств.

— словоразделитель.

tuta — 3 л. ед. ч. прош. вр.; tuwa-/tu — 'класть, помещать, устанавливать'

-pa — см. примечания к предыдущему тексту.

-ta — энклитическая частица не местоименного характера, значение неясно; по-видимому, соответствует х.-н. частице локативного характера -kan, употребляемой в присутствии глагола движения (Ларош).

па — отрицание.

ОН-as — относительное местоимение; правильность чтения знака, условно обозначаемого ОН, нуждается в дополнительном подтверждении, см. выше, стр. 76; с суффиксом -ha — неопределенное местоимение —

ОН-asha 'кто-нибудь'; с отрицанием: па ОН-asha — 'никто'.

sanâti — 3 л. ед. ч. наст. вр.; sana- 'устранить, свалить'(?)

БИБЛИОГРАФИЯ¹

I. История и культура хеттов

1. Gurney O. R., *The Hittites*, London, 1954.
2. Goetze A., *Kleinasiens* (2. neubearbeitete Auflage), München, 1957 (библиография в начале разделов и в подстрочных примечаниях).
3. Иванов В. В., *Очерк истории и культуры хеттов*, — в популярной книге по истории хеттологии: Керам К. В., *Узкое ущелье и черная гора*, перевод с немецкого Л. Ф. Вольфсон, М., 1962.

II. Издания и исследования хеттских иероглифических памятников

а) Надписи

4. Messerschmidt L., *Corpus inscriptionum hittitarum*, — «Mitteilungen der vorderas. ägypt. Ges.», 5. Jahrgang, № 4—5, 1900; Erster Nachtrag — 7. Jahrgang № 3, 1902; Zweiter Nachtrag — 11. Jahrgang, 1906.
5. «Cornell Expedition to Asia Minor and the Assyro-Babylonian Orient, Travels and Studies in the Nearer East», Ithaca, New York, 1911.
6. Hogarth D. G., Woolley L. C., Barnett R. D., *Carchemish*, I, London, 1914; *Carchemish*, II, London, 1921; *Carchemish*, III, London, 1952.
7. Andrae W., *Hettitische Inschriften auf Bleistreifen aus Assur*, — «Wiss. Veröff. der Deutsch. Or.-Ges.», № 46, 1924.
8. Meriggi P., *Die längsten Bauinschriften in «hethitischen» Hieroglyphen nebst Glossar zu sämtlichen Texten*, — «Mitteil. der vorderas.-ägypt. Ges.», Bd 39, 1934.
9. Gelb I. J., *Hittite Hieroglyphic Monuments*, «The Univ. of Chicago Oriental Institute Publications», Vol. 45, 1939 (содержит полный список надписей, найденных до 1939 г. с библиографией; в настоящее время список и библиография доведены до 1960 г., см. E. Laroche, ниже, № 28).
10. Hrozný V., *Les inscriptions hittites hiéroglyphiques*, vol. 1—3, — «Monographie Archivu Orientálneho», 1, 1933—1937.
11. Bossert H. Th., *Die phönizisch-hethitischen Bilinguen vom Karatepe*, — «Oriens», vol. 1, 1948; vol. 2, 1949, «Archiv Orientální», vol. 18, 1950; «Jahrb. für Kleinasi. Forsch.», Bd 1, 1950—1951, Bd 2, 1952—1953; «Mnemes charin. Gedenkschrift P. Kretschmer», Bd 1, Wien, 1956.
12. Meriggi P., *La bilingue di Karatepe in cananeo e geroglifici etei*, — «Athenaeum», vol. 29, 1951; см. того же автора — *Bilancio della prima*

¹ В пределах каждого раздела принят хронологический порядок.

meta della bilingue eteoacananea di Karatepe e le iscrizioni di Boybey-pinari, — «Acme, Ann. della Fac. di Filos. e Lettere della Univ. Statale di Milano», vol. 4, 1951; *Le prime fotografie e la continuazione della bilingue di Karatepe*, — «Studi Orient. in onore di Giorgio Levi della Vida», vol. 2, 1956.

13. Meriggi P., *Le iscrizioni storiche in eteo geroglifico*, — «Studi class. e or.», vol. 1, 1953.

б) Печати

14. Hogarth D. G., *Hittite Seals*, Oxford, 1920.
15. Güterbock H. G., *Siegel aus Boğazköy*, Teil I, II, «Archiv für Orientalforsch.», Beiheft 5, 1940, Beiheft 7, 1942.
16. Gelb I. J. в кн. Goldman H., *Excavations at Gözli Kule*, Tarsus, vol. 2, Princeton, 1956.
17. Laroche E., *Documents hiéroglyphiques hittites provenant du palais d'Ugarit*, — в кн. Schaeffer C. A., *Ugaritica*, III, Paris, 1956.

III. Дешифровка хеттских иероглифов и система хеттской иероглифической письменности

18. Friedrich J., *Entzifferungsgeschichte der hethitischen Hieroglyphenschrift* — «Die Welt als Geschichte», Sonderheft 3, 1939 (история дешифровки по 1939 г. с библиографией; см. также ниже, № 26, 28).
19. Güterbock H. G., см. выше, № 15.
20. Gelb I. J., *Hittite Hieroglyphs, III*, — «The Univer. of Chicago Oriental Institute Studies in Ancient Oriental Civilization», № 21, 1942 (библиография, определение чтения знаков нормального силлабария, очерк грамматики и таблица знаков нормального силлабария).
21. Bossert H. Th., *Ein hethitisches Königssiegel*, — «Istanbuler Forschungen», Bd 18, 1944.
22. Güterbock H. G., *Die Bedeutung der Bilinguis vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen*, — «Eranos. Acta philol. Suecana», vol. 48, 1949.
23. Gelb I. J., *The Contribution of the New Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite*, — «Bibliotheca orientalis», Jaargang VII, № 5, 1950; см. также выше, № 16.
24. Alp S., *Zur Lesung von manchen Personennamen auf den hieroglyphen-hethitischen Siegeln und Inschriften*, — «Ankara Universitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi yayınlarından», № 65, 1950.
25. Friedrich J., *Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift*, — «Archiv Orientalni», vol. 21, 1953.
26. Barnett R. D., *Karatepe, The Key to the Hittite Hieroglyphs*, — «Anatolian Studies», vol. 3, 1953 (история дешифровки по 1953 г. с соответственной библиографией).
27. Friedrich J., *Entzifferung verschollener Schriften und Sprachen*, Berlin, 1954 (см. также на русском языке — Фридрих И., *Дешифровка забытых письменностей и языков*, перевод и предисловие И. М. Дунаевской, М., 1961).
28. Laroche E., *Les hiéroglyphes hittites, Première partie: L'écriture*, Paris, 1960 (полный список надписей, найденных до 1960 г., с библиографией, полный список знаков с библиографией к каждому знаку, таблица знаков нормального силлабария, общая характеристика хеттской иероглифики и др.). При использовании следует учесть рецензии: Gelb I. J., — «Language», vol. 38, № 2, 1962; Mittelberger H., — «Die Sprache», Bd 8, 1962; Kammenhuber A., — «Orientalia», vol. 32, 1963.
29. Gelb I. J., *A Study of Writing*, 2 ed., Chicago, 1963.

30. Mittelberger H., *Zur Schreibung und Lautung des Hieroglyphenhethitischen*, — «Die Sprache», Bd 10, 1964.

IV. Списки знаков хеттской иероглифики

31. Meriggi P., *Listes des hiéroglyphes hittites*, — «Revue hittite et asianique», vol. 4, 1937, стр. 69—114, 157—200 (особенно стр. 76—96, 173—185).
32. Güterbock H. G., *Siegel aus Boğazköy*, Teil II (см. выше, № 15), стр. 84—104 (список знаков, встречающихся на печатях).
33. Laroche E., *Les hiéroglyphes hittites*, I (см. выше № 28), стр. 1—245.
34. Meriggi P., *Hieroglyphisch-hethitisches Glossar* (см. ниже, № 36), стр. 181—237.

V. Словари

35. Meriggi P., *Glossar*, — «Mitteil, der vorderas.-ägypt. Ges.», Bd 39, 1934 (см. выше, № 8, вторая часть).
36. Meriggi P., *Hieroglyphisch-hethitisches Glossar*, zweite, völlig umgearbeitete Auflage, Wiesbaden, 1962. При использовании следует учесть замечания и дополнения: H. Mittelberger, *Bemerkungen zu Meriggis hieroglyphisch-hethitischem Glossar*, — «Die Sprache», Bd 9, 1963.

VI. Грамматики языка хеттских иероглифов

37. Gelb I. J. *Hittite Hieroglyphs*, III (см. выше, № 20).
38. Meriggi P., *Schizzo della declinazione nominale dell'etco geroglifico*, — «Archivio glottologico Italiano», vol. 37, 1952; vol. 38, 1953.
39. Mittelberger H., *Studien zu Laut- und Formenlehre des Hieroglyphenhethitischen* (Diss.), Wien, 1961.

VII. Другие хетто-лувийские языки

а) Хеттский-неситский язык

40. Friedrich J., *Hethitisches Elementerbuch, 1. Teil, Kurzgefaßte Grammatik*, Zweite verbesserte und erweiterte Auflage, Heidelberg, 1960 (см. также перевод на русский язык первого издания этой книги — И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка*, перевод и вступительная статья А. В. Десницкой, М., 1952).
41. Иванов В. В., *Хеттский язык*, Москва, 1963.
42. Friedrich J., *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952; I. Ergänzungsheft, Heidelberg, 1957; 2. Ergänzungsheft, Heidelberg, 1961; 3. Ergänzungsheft, Heidelberg, 1966.

б) Лувийский язык

43. Laroche E., *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris, 1959 (с очерком грамматики).

в) Палайский язык

44. Kammenhuber A., *Das Palaische: Texte und Wortschatz*, — «Revue hittite et asianique», vol. 17, 1959.

45. Kammenhuber A., *Esquisse de grammaire palaïte*, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», vol. 54, 1959.

г) *Ликийский язык*

46. Pedersen H., *Lykisch und Hittitisch* — «Det Kgl. Danske Videnscabernes Selskab, Hist.-filol. Meddelelser», vol. 30, 1945.
47. Tritsch F. J., *Lycian, Luwian and Hittite*, — «Archiv Orientální», vol. 18, 1950.
48. Gusmani R., *Concordanze e discordanze nella flessione nominale del licio e del luvio*, — «Rendiconti dell'Istituto Lombardo», vol. 94, 1960.
49. Houwink ten Cate Ph. H. J., *The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period*, Leiden, 1961 (с очерком ликийской грамматики).

д) *Лидийский язык*

50. Gusmani R., *Lydisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1964 (с очерком грамматики).

е) *Карийский язык*

51. Шеворошкин В. В., *Исследования по дешифровке карийских надписей*, М., 1965.

ж) *Общие работы*

52. Meriggi P., *Ittito e lingue micrasiatiche: lo stato attuale delle ricerche*, — «Atti del Sodalizio Glottologico Milanese», vol. 2, supp., 1950.
53. Friedrich J., *Zum Verwandtschaftsverhältnis von Keilhethitisch, Luwisch, Paläisch und Bildhethitisch*, «Mnemes charin. Gedenkschrift P. Kretschmer», Bd 1, Wien, 1956.
54. Kammenhuber A., *Zur hethitisch-luwischen Sprachgruppe*, — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd 76, 1959.
55. Laroche E., *Comparaison du louvite et du lycien*, — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», vol. 53, 1958; vol. 55, 1960.
56. Kammenhuber A., *Zur Stellung des Hethitisch-Luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache*, — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Bd 77, 1961.
57. Neumann G., *Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*, Wiesbaden, 1961.
58. Meriggi P., *Anatolische Satzpartikeln*, — «Revue hittite et asianique», vol. 21, 1963.
59. Шеворошкин В. В., *Малоазийские языковые параллели*, — сб. «Этимология», М., 1965.
60. Иванов В. В., *Общеиндоевропейские, праславянские и анатолийские языковые системы (сравнительно-типологические очерки)*, М., 1965.

Дополнение

После сдачи данного очерка в печать опубликованы, но уже не смогли быть учтены следующие важные работы:

1) Meriggi P., *Manuale di eteo geroglifico*, Parte I: Grammatica, Roma, 1966, «Incunabula Graeca», vol. XIII (содержит разделы, посвященные письменности, морфологии и синтаксису); Parte II. Testi — 1ª serie — I testi neo-etei più o meno completi, Roma, 1966, «Incunabula Graeca», vol. XIV (содержит наиболее сохранные хеттские иероглифические надписи, снабженные подробным комментарием учебного и исследовательского характера).

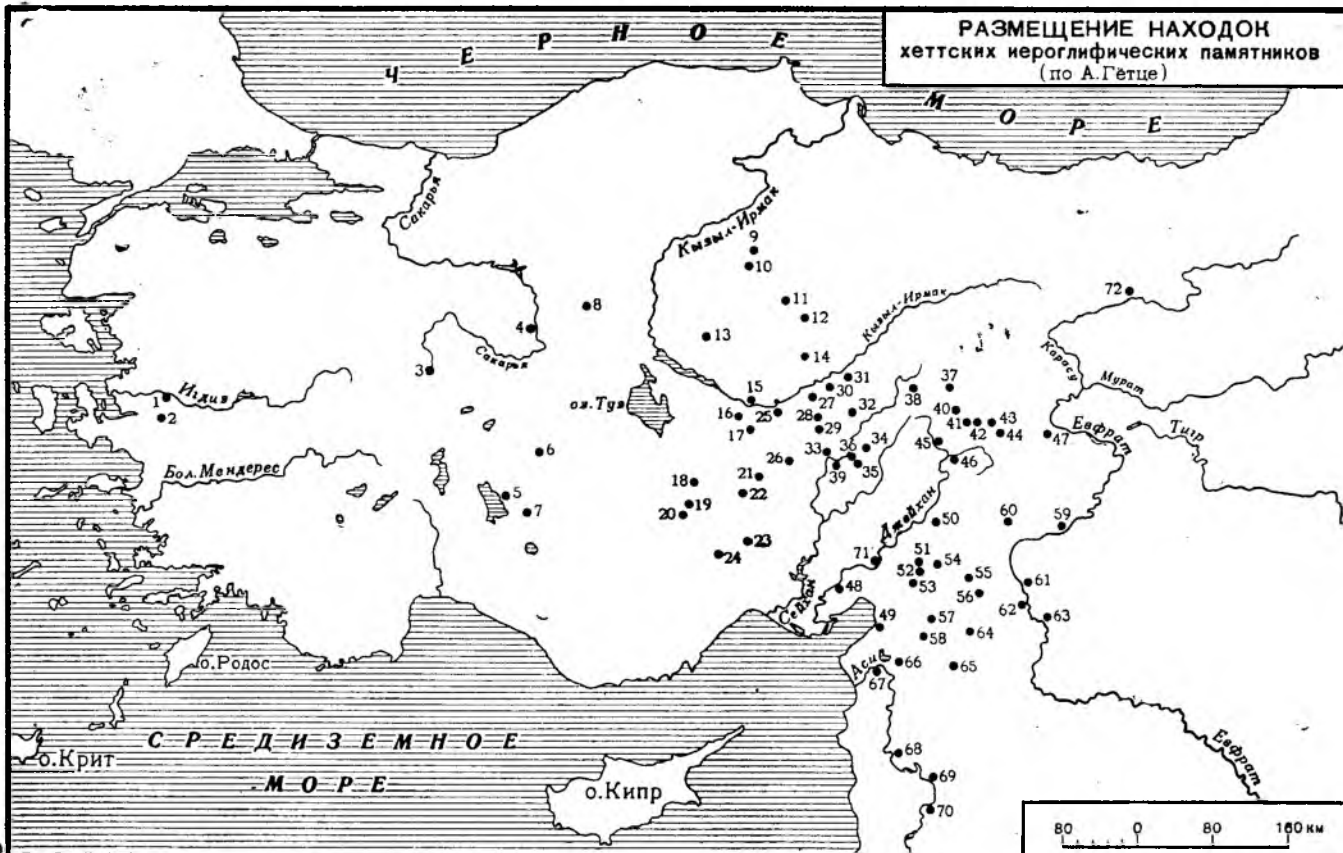
2) «Altkleinasiatische Sprachen», — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd II.2, Leiden, 1968 (содержит в числе других, на стр. 119—427, очерки хеттского-неситского, палайского и лувийского языков, а также языка хеттских иероглифов — называемого в данном издании лувийским иероглифическим, — принадлежащие А. Камменхубер, кроме того, очерки ликийского языка [Г. Нойман] и лидийского [А. Хойбек]).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

акк. — аккадский
дет. — детерминатив
др. инд. — древнеиндийский
и.е. — индоевропейский
кл. — клинописный
лиг. — лигатура
лид. — лидийский
лик. — ликийский
лог. — логограмма
лув. — лувийский
неизв. — неизвестно
пал. — палайский
хурр. — хурритский
фон. знак — фонетический знак
фон. компл. — фонетический ком-
племент

фон. чт. — фонетическое чтение
х.-н. хетт.-нес. — язык хеттских
иероглифов
Х.-Н., хетт.-нес. — хеттский-несит-
ский
* — восстановленная форма, реаль-
но не засвидетельствованная
> — переходит в
< — происходит из
/ — или
[] — читается
[] — (в транслитерации) повреж-
денное место в тексте
(-) — фонетическое чтение или
фонетический комплемент

РАЗМЕЩЕНИЕ НАХОДОН
хеттских иероглифических памятников
(по А.Гётце)

Перечень наименований к карте (по А. Гётце)
(номера в перечне соответствуют номерам на карте)

В порядке номеров

1—Сипил, 2—Карабел, 3—Бейкёй, 4—Ягры, 5—Ифлатунпынар, 6—Кейлютолу, 7—Фазилер, 8—Гявуркале, 9—Аладжахююк, 10—Бэгазкёй, 11—Карга, 12—Алишархююк, 13—Киршехир (Малкая), 14—Чалапверди, 15—Карабурун, 16—Сивас, 17—Топада, 18—Эмиргази, 19—Кызылдаг, 20—Махалыч, 21—Андавал, 22—Бэр, 23—Булгармаден, 24—Ивриз, 25—Бахче, 26—Эгрикёй, 27—Эркилет, 28—Асарчик, 29—Текирдербент, 30—Кюльтепе, 31—Султанхан, 32—Эгрек, 33—Фрактин, 34—Тасчин, 35—Ханьери, 36—Имамкулу, 37—Курубел, 38—Каракую, 39—Хавузкёй, 40—Гюрюн, 41—Паланга, 42—Даренде, 43—Ис-

пекчур, 44—Кётюкале, 45—Изгин, 46—Эльбистан, 47—Малатья (Арслантепе), 48—Сиркели, 49—Искендерон, 50—Мараш, 51—Карабурчлу, 52—Зинджирли, 53—Ислахие, 54—Сакчагёзю, 55—Газиантеп, 56—Чагдын, 57—Сельгин, 58—Кюрджоглу, 59—Самсат, 60—Бэйбейпынары, 61—Биреджик, 62—Джераблус, (Каркемиш), 63—Телль Ахмар, 64—Джекке, 65—Халёб (Алеппо), 66—Телль Та'инат (Антакья), 67—Телль Ачана, 68—Кал'ат эль-Мудик (Апамея на Оронте), 69—Хама (Хамат), 70—Рестан, 71—Каратепе, 72—Эрзинджан (Алтынтепе)

В порядке алфавита

Аладжахююк—9, Алишархююк—12, Андавал—21, Асарчик—28, Бахче—25, Бейкёй—3, Биреджик—61, Бэгазкёй—10, Бэйбейпынары—60, Бэр—22, Булгармаден—23, Гявуркале—8, Газиантеп—55, Гюрюн—40, Даренде—42, Джекке—64, Джераблус (Каркемиш)—62, Зинджирли—52, Ивриз—24, Изгин—45, Имамкулу—36, Искендерон—49, Ислахие—53, Испекчур—43, Ифлатунпынар—5, Кал'ат эль-Мудик (Апамея на Оронте)—68, Карабел—2, Карабурун—15, Карабурчлу—51, Каракую—38, Каратепе—71, Карга—11, Кейлютолу—6, Кётюкале—44, Курубел—37, Киршехир (Малкая)—13, Кызылдаг—19, Кюльтепе—30,

Кюрджоглу—58, Малатья (Арслантепе)—47, Мараш—50, Махалыч—20, Паланга—41, Рестан—70, Сакчагёзю—54, Самсат—59, Сельгин—57, Сивас—16, Сипил—1, Сиркели—48, Султанхан—31, Тасчин—34, Текирдербент—29, Телль Ахмар—68, Телль Ачана—67, Телль Та'инат (Антакья)—66, Топада—17, Фазилер—7, Фрактин—33, Хавузкёй—39, Халёб (Алеппо)—65, Хама (Хамат)—69, Ханьери—35, Чагдын—56, Чалапверди—14, Эгрек—32, Эгрикёй—26, Эльбистан—46, Эмиргази—18, Эрзинджан (Алтынтепе)—72, Эркилет—27, Ягры—4.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
От автора	8
I. Введение	9
II; Источники	18
Время и территория распространения хеттских иероглифических памятников	18
Обзор хеттских иероглифических памятников	27
Публикация хеттских иероглифических памятников; материалы, связанные с изучением письменности и языка хеттских иероглифических памятников	32
III. Письменность	34
История дешифровки хеттской иероглифической письменности	34
Происхождение хеттской иероглифической письменности	44
Система хеттской иероглифической письменности	47
IV. Краткий очерк языка	57
1. Письмо и фонология	57
2. Морфология	64
Имя	64
Словообразование	64
Основы имени	64
Суффиксы производных именных основ	66
Склонение	68
Местоимения	71
Личные местоимения	71
Притяжательные местоимения	73
Указательные местоимения	73
Относительные и вопросительные местоимения	76
Числительные	77
Глагол	78
Словообразование	78
Основы глагола	78
Суффиксы производных основ глагола	79
Удвоение корня	79
Спряжение	80
Глагольные имена	83
Частицы	84
Наречия-послелогии-превербы	85
V; Заключение	88
Приложения	
1 А. Чтения фонетических знаков, предложенные до 1939 г.	89
1 Б. Нормальный силлабарий (по Гельбу)	90
1 В. Нормальный силлабарий (по Ларошу)	91
1 Г. Список хеттских иероглифических знаков (по Ларошу)	92
1 Д. Алфавитный список логограмм (по Ларошу)	108
2. Образцы хеттских иероглифических текстов.	109
А. Надпись из Рестана	109
Б. Надпись из Эркилета	111
Библиография	113
Список сокращений	117
Карта размещения находок хеттских иероглифических памятников	118

Список опечаток

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
61	1 св.	БОГИНЯ Кирана (-на)	БОГИНЯ ¹ Кирана (-на)
110	2 св.	[ДИТЯ (-)на]	[ДИТЯ (-) на]
110	27 сн.	род. пад.	им. пад.
112	11 сн.	tuwa-/tu—	tuwa-/tu-
		—словоразделитель	/(— слово —
112	12 сн.		разделитель
117	12 сн.	Leiden, 1968	Leiden, 1969